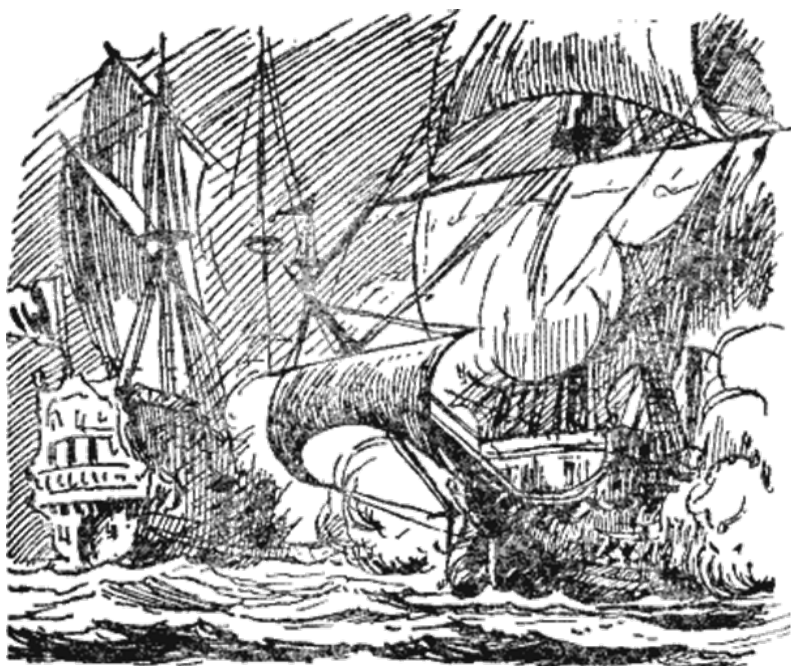

Сергей Кокорин

Ветер удачи

Приключенческий роман

Курган 2024

ББК 84(2Рос=Рус)6
К 59

Сергей Кокорин. Ветер удачи. Роман. Курган: ООО
«Типография Дамми», 2024 - 336 с.

«Ветер удачи» – увлекательный роман на одну из самых популярных тем жанра: о приключениях корсаров – морских разбойников. Перед читателем открываются красочные картины далёкого семнадцатого века, действие романа происходит в Испании, Франции, Швейцарии, на Москитовом берегу Америки, на островах флибустьерского Карибского моря, в том числе на острове Тортуга – столице пиратского Берегового братства.

ISBN 978-5-6050828-4-2

© Кокорин С.А., 2024
© ООО «Типография Дамми», 2024

ОТ АВТОРА

Если я назову несколько имён: Томас Майн Рид, Роберт Льюис Стивенсон, Рафаэль Сабатини, Жюль Верн, Даниель Дефо, Вальтер Скотт, Джек Лондон, Джонатан Свифт, Луи Жаколио, Александр Дюма, Артур Конан Дойль, Вашингтон Ирвинг, Роберт Штильмарк, Александр Грин, Александр Беляев, Николай Гумилёв, Леонид Соболев, Вениамин Каверин... То у людей моего поколения, да и не только моего, возникнут весьма острые ассоциации. Вспомнится тот дивный мир приключений, что создавали эти авторы в своих произведениях – мчались мушкетёры на своих неутомимых конях, пробирались индейцы сквозь заросли дикого леса к лагерю бледнолицых, уходила в набег пиратская шхуна с отчаянными авантюристами на борту, стучали по коридорам старинного замка своими ботфортами ворвавшиеся разбойники, звенели клинки и блестело золото в трюмах испанских галеонов, шли на abordаж лихие корсары, поднимались на воздушном шаре воздухоплаватели, прорывались к Северному полюсу отважные первопроходцы...

Строгие литературные критики часто называли это кич-литературой, ну а мы, двенадцатилетние пацаны, не зная этого, упивались захватывающими историями и воображали себя на борту поднимающей паруса бригаантины в флибустьерском дальнем синем море у изумрудных берегов экзотических островов.

Проводили мы за чтением этих книг времени вдесятеро больше, чем за приготовлением уроков и черпали из них многое, что потом пригодилось в жизни: настойчивость в достижении цели, верность мужской дружбе и своему слову, умение не пасовать перед трудностями.

Память о первых книгах, что оставили навсегда след в душе, и сподвигла написать этот небольшой роман в том ключе, что полюбился с детских лет, чтобы отдать дань тем литературным героям, что не забываются до сих пор. Конечно, эта книжка не без морали. Идея, она всегда есть, потому что она бессмертна, как говорил известный персонаж. Но постарался я облечь всё в ту форму и нанизать на тот сюжет, что называется приключенческой литературой.

Ну, а если откровенно, то написана книга для того, чтобы юное поколение, прочитав, имело представление, чем мы жили в своём детстве, что нас увлекало и притягивало. А более для того, чтобы не терялась связь поколений и крепче была духовная ниточка, их соединяющая.

Последнюю главу до точки
В ночи писал до петухов,
А в памяти всплывали строчки
Далёкой юности стихов:
«Ковбои, мушкетёры, боцманы,
Авантюристы всех мастей,
Самой судьбой вы были посланы
На землю юности моей.
Глушили ром и дулись в карты,
И были горды и вольны,
И яркой нищетой богаты,
И шумным мужеством полны.
Ещё и до сих пор душою
От вас я, грешных, не отвык,
Литературные герои
В программу не включенных книг...»

Часть первая

КАПИТАН КЛЕЩ ИЛИ ЗОЛОТОЕ СОЛНЦЕ

«Морские пауки — класс морских членистоногих. Обитают практически на всех глубинах, встречаются во всех морях. В настоящее время известно более 1000 современных видов. Морские пауки преимущественно хищники».

Большая российская энциклопедия

1. ДУБ И КЛЕЩ

В жаркий летний день 16XX года в один из портов северного Средиземноморья пришёл торговый парусник с неоригинальным названием «Нептун». После манёвра на рейде корабль подошёл к причалу для швартовки. Когда якоря были отданы и кабестаны* подтянули судно к причальной стенке, на берег сошли два человека, ни на матросов, ни на купцов непохожие. Даже среди живописно-неряшливых завсегдатаев порта они выделялись своим потрёпанным экзотическим видом. В двадцать первом веке их назвали бы туристами, но четыре столетия назад более, чем на бродяг, они не тянули.

Первым сошёл с трапа среднего роста брюнет в грязно-красном жилете и такой же грязной льняной рубашке под ним. На вид ему было лет тридцать или чуть более, тёмный лоб пересекал неровный синеватый шрам, происхождением явно обязанный холодному оружию, а не дверному косяку.

Второй выглядел чуть старше, здоровенный верзила в короткой засаленной серого сукна куртке. По

некоторым пятнам можно было догадаться, что куртка была когда-то синей. Он был на голову выше своего напарника и шире в плечах. Вместо левой кисти у него из рукава торчала бесформенная перчатка, а из правого рукава – величиною с добрую дыню кулак с полуманными грязными ногтями.

Вскоре они смешались с пёстрой суетящейся портовой публикой, состоящей из торговцев и моряков, рыбаков и приказчиков, деловых людей и бездельников, пассажиров, пробирающихся на судно и ярких девок, пробирающихся к карманам матросов. И только по возвышающейся над толпой выцветшей шляпе великана можно было проследить их путь в людском потоке.

Всего лишь пару месяцев назад эти двое пересекли Атлантику и прибыли на побережье Западной Африки с командой торговцев «чёрным деревом»*. В Европе же они оказались из-за конфликта с капитаном. Кто был более виноват в этом конфликте история умалчивает. Важен результат: прав тот, у кого больше прав, и приятели оказались за бортом работоргового судна.

Однако пора поближе познакомить читателя с нашими героями. Человека со шрамом звали Арно Мегеро... А может быть родители его называли Арнольд, этого он и сам точно не знал. Да это и не имело ровно никакого значения, ведь в Береговом братстве, в кругу которого Мегеро обретался последние лет десять, его называли просто – Клещ, потому что в среде разбойников, даже если эти разбойники именуют себя корсарами* или флибустьерами*, друг к другу обращаются по прозвищам. На самых свободных в мире островах Тортуга* и Сент-Кристофер* так оно удобнее, ведь там никто документов не спрашивает, а многим джентльменам её величества Удачи и вовсе не хочется вспо-

минать свои имена из прошлой жизни, которая у всех у них, естественно, была интересная. Особенно для людей в париках и судейских мантиях.

Клещ живо оглядывался по сторонам, ведь Порто-Рибера был его родной город, который он покинул пятнадцатилетним подростком, прихватив денежки своего папаши, владельца таверны «Белая акула». Это произошло, когда он сделал главное открытие своей жизни: деньги созданы для того, чтобы принадлежать ему, даже если они чужие.

По прошествии многих лет, набравшись ума и опыта, Арно, конечно, жалел о своём опрометчивом поступке. Тогда он украл деньги, которые его почтенный родитель приготовил для закупа товара и по неосторожности оставил в буфете. Но в спальне у папаши было припрятано изрядное количество золотых монет. И Клещ потом пожалел, что второпях не прихватил и их.

Сейчас он со своим приятелем напрямик направлялся в дом своей юности – таверну «Белая акула». Папашу застать в живых он не надеялся.

Сопровождавшего Арно безрукого великана звали Питер Бульен. Впрочем, тот тоже не настаивал в точности на этом имени. Прежде, чем примкнуть к Карибскому морскому братству, он успел послужить в нескольких армиях. Англичане и голландцы его звали Питер, испанцы – Педро, французы – Пьер, сокращая его фамилию до краткого Буль. А моряки с Тортуги прозвали Дуболомом, имея ввиду его незаурядную физическую силу, тоже сократив потом это прозвище до очень удобного в произношении – Дуб. Потерянную в абордажном* бою кисть левой руки Дуб заменил железным крюком, который имел обыкновение закрывать перчаткой, во избежание любопытствующих взглядов.

2. В ТАВЕРНЕ

Мы можем только догадываться, какие чувства испытал Клещ, увидав знакомую красную вывеску. Жидкий дымок восходил к небу, топился очаг, кто-то готовил обед. Влажную каменную стену фасада прикрывал зелёный вьюн. Пьяный матрос, выйдя из дверей, пытался приветствовать уличных прохожих похабной песней.

Мегеро толкнул тяжёлую дверь, и приятели вдохнули спёртый воздух тёмного помещения. Время было раннее, и в небольшом зале первого этажа было занято два стола: за одним два боцмана о чём-то спорили, бросив на стол береты с галунами и зажав в руках полупустые стаканы, за другим – четверо матросов играли в кости, перекрикивая друг друга.

Приятели сели за стол в углу. Попросив вина и по полфунта мяса с бобами, Клещ спросил подошедшего слугу с толстыми щеками и бакенбардами:

– Скажи-ка, приятель, кто хозяин этой таверны?

– Хозяйка, сударь. Хозяйка таверны – Луиса Мегеро, с тех пор, как её отец скончался пять лет тому назад, упокой, господи, его душу!

Когда слуга ушёл, Арно толкнул в бок своего друга:

– Дьявол меня побери, Пит, вместе с потрохами, если я не думал, что теперь сестра управляет всем этим хозяйством!

В ответ Пит изрёк, еле ворочая языком в набитом рту и выплёвывая слова вместе с бобами:

– Надеюсь, она приютит нас хоть ненадолго?

Клещ задумался:

– Разве что – ненадолго... Или похлопочет, чтоб меня надолго приютила здешняя тюрьма. Тем не менее, поговорить с сестрёнкой надо, иначе какого чёрта

мы притащились сюда?

В ожидании, пока слуга пригласит сестру, Клещ ковырял вилкой в зубах и гонял в голове множество мыслей, одна авантюрнее другой, Дуб пил вино, смотрел в потолок и мучился благородной отрыжкой.

Луиса Мегеро была недовольна тем, что её отвлекают от работы. Её совершенно не интересовали пустые разговоры с посетителями, которых она делила на две категории: пьяницы и бездельники. К пьяницам она относилась снисходительнее – они приносили больше дохода.

Оставив дымный очаг на попечение служанки, она прошла по тёмному коридору и вышла в зал, где было чуть светлее, благодаря нескольким маленьким окнам. Подходя к столу, за которым сидели двое бродяг, хозяйка таверны, ещё не узнав родного брата, интуитивно почувствовала, что её ждёт сюрприз из числа не очень приятных.

– Здравствуй, Луиса! – весело воскликнул Клещ, он встал и высоко приподнял шляпу с надорванными полями. Дуб не стал ни вставать, ни здороваться. В конце концов, это же не его сестра.

Луиса всматривалась в лицо оборванца, из коих в общем-то и состояла её клиентура, всё ещё не узнавая в нём близкого родственника, которого она, признаться, успела забыть в круговерти забот, целиком и полностью направленных на умножение капитала, оставленного покойным папашей. Ведь капитал, как свинья, требует, чтобы его постоянно подкармливали, иначе он испустит дух.

– Меня зовут Арно Мегеро..., – подсказал ей Клещ, видя, что сестра в растерянности.

– Ох..., – только и сказала хозяйка, опустившись тощим задом на лавку. Чуть опомнившись, она воздела

руки к закопчённому потолку и воскликнула:

– И ты, негодяй, осмелился явиться в дом, который ты ограбил дочиста?! Да по тебе тюрьма плачет!

– Ну, ну! – успокоил её братец. – Не надо так кричать. Пусть она пока поплачет, ни дна ей, ни покрывки! Главное, ты не волнуйся. Пойдём, поговорим спокойно где-нибудь в отдельной комнатке, – он, взявши за локоть, увлёк сестру из зала.

– Имей в виду, мерзавец, Леон тут же кликнет стражу, если ты выкинешь какой-нибудь фокус! – предупредила Луиса, глянув в сторону стойки, где наливал ружки щекастый с бакенбардами.

Они поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж под руку, как любящие родственники. Сестра ростом была чуть выше брата и совсем на него не похожа. Он был коренастый малый с правильными чертами лица, она – сухощава, с вытянутым лицом и острым носом.

«Ещё больше стала похожа на папашу», – подумал Клещ.

Брат и сестра такие разные внешне, внутренне были очень схожи – она за золотой готова была удавиться, он был готов удавить любого. Есть люди, которые живут с деньгами, есть те, что живут без денег, а есть – которые живут для. Луиса и Арно относились к последним.

Разговаривали они больше часа. Разговор их можно разделить на две составляющих: эмоционально-родственную – брат и сестра всё-таки, и корыстно-деловую – о любви. К деньгам, разумеется. Если говорить о первой части, то у Луисы для передачи её родственных чувств в ходу были такие слова: разбойник, душегуб, проходимец и висельник. Отвечая сестрёнке, братец пользовался следующими терминами: скряга, мошен-

ница, карга и старая шельма. Сестра была старше его на два года. Также он использовал и некоторые другие слова, часто употребляемые матросами, которые мы опустим из этических соображений.

Что касается деловой части разговора, то Луиса предупредила брата, что если он вздумает претендовать хотя бы на один сломанный стул из наследства папаши, то она использует все свои связи, чтобы отправить его в тюрьму.

На что Арно ей отвечал, что претендовать на имущество он не будет, если хозяйка предоставит им кров на некоторое время и не будет болтать об их пребывании в городе. А тюрьмы он не боится, так как за давностью проступка малолетнего Мегеро и малой суммой украденного, ему грозит лишь порка плетьюми и несколько месяцев заключения. Зато потом он действительно сможет претендовать на папашино имущество, и вовсе не на один стул, а ровно на половину наследства. Слава Богу, сестра не знала о его подвигах на Карибах.

Строгая Луиса тут же согласилась предоставить дорогим гостям комнату, при условии, что они не будут пьянствовать, а помогут ей вести хозяйство. С её стороны это условие было весьма необдуманном, уж лучше бы она козлов попросила охранять капусту.

Арно после этих слов широко развёл руки и заключил сестру в объятия со словами:

– Я знал, что ты меня любишь, дорогая сестра! – при этом подумав: «Когда же ты отправишься вслед за папашей, чёртова шельма?».

Луиса махнула рукой:

– Чёрт с вами, проходимцы, живите пока! – рассуждая при этом так: «Ещё представится случай оправить вас в тюрьму, висельники».

3. ДЯДЮШКА ХОНЧО

Арно Мегеро был из числа тех людей, что двумя ногами твёрдо стоят что на земле, что на палубе, а две руки их протянуты к нему... Нет, не к Богу – к золоту. Всегда и везде оно было главной целью и смыслом его бурной жизни. А если хочешь иметь деньги, то не нужно терять времени. Поэтому, пока Дуб валялся на дощатой лежанке в каморке, что отвела приятелям скупая Луиса, Клещ отправился побродить по городу в надежде найти кого-нибудь из старых знакомых.

Встретить он надеялся кого-то из числа деловых моряков. А это, по его мнению, в этом городишке были только контрабандисты. Ну в самом деле, не рыбаков же считать «деловыми»! На местном рынке, разговарившись с торговцем дарами моря, он узнал, что неподалёку от города живёт один из его старых знакомых – Альфонсо Барбьеро, известный всей округе как дядюшка Хончо.

Через час Мегеро уже подходил к его «дому». Жилище старого Барбьеро представляло из себя нечто среднее между рыбацкой хижинкой и шалашом путешественника, желающего найти временное укрытие от дождя и ветра. Стены и крыша были собраны из гнилых досок, остатков рангоута и такелажа отслуживших свой век судов. Пол был выстлан теми же досками.

У дядюшки Хончо было два основных занятия: он ловил рыбу и оказывал услуги лоцмана*, исповедуя принцип: «когда в хозяйстве лишь штаны да рубаха – живёшь без страха». Полвека проведя на этом побережье, он хорошо знал и людей, и фарватер*. Когда Клещ вошёл в его хижину, Хончо занимался третьим, самым любимым, своим занятием – курил трубку.

Через пять минут разговора хозяин узнал своего гостя. Ещё бы! Ведь когда-то этого парня он сам устроил младшим матросом и помог ему покинуть родной берег. Когда же Арно достал початую бутылку, где бултыхалась ещё добрая пинта рому, беседа и вовсе приобрела тёплый характер.

Осмотревшись, Клещ нашёл, что внутри хижина кажется более пригодной для жилья, чем снаружи. Здесь был тот самый минимальный набор, что нужен неприхотливому рыбаку: жёсткая лежанка, очаг и посуда, чтобы запасти пресной воды. Небольшой запас топлива помогал дядюшке Хончо пережить холодные месяцы. Конечно, живи он где-нибудь на севере Европы, скажем, около порта Гамбург, топлива старому рыбаку понадобилось бы гораздо больше. А если бы он поселился в районе порта Архангельск, то там Барбьеро вряд ли бы пережил зиму. Скорее всего, окочурился бы ещё до Рождества, ведь дров там требуется в двадцать раз больше, да и стены нужны из толстых брёвен. А смастерить такое жилище Хончо был не в состоянии, потому что он презирал всякий труд, кроме тех основных занятий, о которых было сказано выше.

Поэтому, когда, прощаясь, Мегеро подарил ему золотой эскудо, то Хончо так и подумал, что тому скоро понадобятся услуги лоцмана или что-то подобное. Сами деньги дядюшка Хончо любил не очень, они у него задерживались ненадолго, так откуда было взяться сильному чувству?

Арно, попрощавшись, направился вдоль побережья напрямиком в «Белую акулу», наблюдая, как солнце склоняется к закату. Родной берег и солнце пробудили в нём воспоминание детства....

Ребёнком он думал, что солнце на самом деле зо-

лотое. И маленький Арно мечтал раздобыть большую-пребольшую лестницу, залезть на небо и отпилить от солнца большой-пребольшой кусок, чтобы потом наделать из него золотых дублонов.

От папаши он знал, что самое главное в жизни – это иметь деньги, золотые деньги, много золотых денег. Без них человек – это не человек, а так, пустое место. Деньги могут всё, и сам трактирщик Мегеро был способен на всё ради денег. Всю жизнь он посвятил коллекционированию этих замечательных кружочков: серебряные реалы, накопив шестнадцать штук, он превращал в золотой эскудо, два эскудо – в золотой дублон. А ещё маленький Арнольд знал, что четыре эскудо – это дублон де кватро, а восемь – дублон де очо, самая большая монета. Правда, такую он не встречал.

Трактирщик видел сына продолжателем своего дела, обучил его писать и считать. На этом образование закончилось, ведь этого было достаточно, чтобы стать хорошим хозяином. Но юный Мегеро решил, что всю жизнь экономить и копить – это не для него. Ему нужно было всё и сразу. Если папаша в своём пристрастии к деньгам всё же придерживался закона, то для сынка добывание денег стало игрой без правил. От папы он унаследовал инстинкт собственности, правда, чужой. И Арно в пятнадцать лет отправился за своей мечтой, прихватив кассу папаши, и став способным учеником большой дороги и флибустьерских морей.

С тех пор в его руках побывало немало золотых монет разных калибров, но они приходили и уходили. Видимо для того, чтобы их у себя задержать, нужны были несколько другие таланты.

4. ВТОРОЕ ЗАНЯТИЕ ЛУИСЫ

Как любой, уважающий себя и свою прибыль трактирщик, Луиса Мегеро старалась налогов платить поменьше, а товар продать подороже. Если первое получалось, благодаря полезным знакомствам и взяткам, то второе было весьма проблематично. Лишь только она поднимала цены, посетителей становилось меньше – в порту был не один кабак. Пусть в других трактирах был беднее ассортимент, но девушки во всех портовых тавернах были одинаковы. А посему, кое-какие товары она брала у контрабандистов, это было дешевле. Особенно это касалось пряностей. Тем более, что моряки, у которых ещё не кончились деньги, с удовольствием их отдавали за грог, сдобренный корицей, кардамоном, душистым перцем или гвоздикой. А если подворачивался случай, то хозяйка «Белой акулы» покупала не обложенный пошлиной чай, спирт, табак, шоколад и какао.

Человека, который начал снабжать Луису беспрошльным товаром, звали Маркус Кавалли. Он вёл свой незаконный бизнес уже давно, был осторожен и даже несколько трусоват. Но трусость его всегда давала положительный результат. Если его прихватывала таможенная стража, он щедро делился, если на пути его фелуки появлялись грабители, он не оказывал сопротивления, потому что жизнь свою он ценил дороже золота, что бывает довольно редко среди людей его профессии. Но именно это и помогало ему много лет оставаться на плаву. В то время, как многие его коллеги уже отправились на тот свет или на каторгу.

Со временем Луиса Мегеро поняла, что товар можно не только покупать на месте, но самой участвовать

в доставке, ведь запах прибыли приятен, от чего бы он ни исходил, и она стала компаньоном Кавалли в этом небогоугодном деле. На что Маркус легко согласился, ведь если в сомнительное предприятие вкладывается ещё кто-то, то и убытки несёшь не один в случае неудачи.

Шли дни, Клещ болтался в порту и в окрестностях, благо никто его не узнавал. Его обуревали идеи и жажда действий. Если не получилось вернуться к Карибским берегам из Западной Африки, то нужно туда отправляться отсюда. Дуб валялся на лежанке и пил вино, он мог целыми днями обходиться без действий и годами – без идей и даже без мыслей.

Луиса, присмотревшись к приятелям, решила, что пора им поработать на неё. Маркус Кавалли собирался за товаром, и она предложила ему двух своих постояльцев в качестве матросов и охраны. Получив его согласие, она затеяла разговор с братом:

– Не пора ли, дорогой Арно, выполнить обещание...?

– Какое обещание, сестра? – прищурился Клещ.

– Твоё обещание помочь мне вести хозяйство, пока вы тут сидите на моей шее.

Луиса рассказала, что от них с приятелем требуется. Арно уяснил, что работа не велика: каботажное* плавание на несколько дней, правда с риском столкнуться с таможней или с грабителями, но ведь это и была его профессия – с кем-то сталкиваться. Он и не думал отказываться, потому что в жизни из двух зол всегда выбирал оба, но торг с сестрой он устроил по-настоящему, выведя её из равновесия.

В конце концов, когда соглашение было достигнуто, Луиса произнесла завершающую фразу:

– Провалитесь вы в преисподнюю вместе со своим

приятелем, проходимцы, получите вы свои деньги! Из-за вас я по миру пойду!

– Э, нет, сестра! Деньги вперёд, клянусь Богом, мне нужно купить кое-что. Не думаешь же ты, прах тебя побери, что охранять судно с таким грузом можно с одними складными навахами?

Хозяйка таверны, в душе негодуя, всё же выплатила своим постояльцам аванс и сказала, что у них на подготовку есть два дня.

5. ФЕЛУКА МАРКУСА КАВАЛЛИ

Маркус, увидев двух новых моряков, сразу смекнул, что это ребята бывалые и легко заменят ему даже не двух, а четырёх матросов. Отчасти старый контрабандист был прав, но в то же время, если ты вместо собак на охрану берёшь волков, всегда есть опасность, что они набросятся на хозяина.

Полдюжины матросов из старого экипажа, увидев мастерство Мегеро в морском деле и почуяв его опытность в других делах, как дворовые псы, которые чувствуют превосходство лесного хищника, безусловно приняли его, как старшего, и по сути он стал выполнять роль рейсового капитана. Кавалли не возражал, его больше волновала коммерческая сторона рейса.

Ближе к носу фелуки*, на корме которой было начертано – «Франческа», располагались две бронзовые пушечки. Их было явно недостаточно для ведения какого-либо боя, но хозяин фелуки считал, что и эти пушки смогут отпугнуть прибрежных бродяг, которые шныряли на своих маленьких и вёртких судёнышках, надеясь на лёгкую поживу. Мегеро, будучи опытным канониром*, сам проверил состояние орудий, наличие шомпола*, черпака*, банника* и велел оба зарядить

картечью*. У Маркуса они обычно заряжались для производства холостых выстрелов.

Судно шло за товаром, и Кавалли не опасался в это время нападения местных пиратов. Как оказалось, совершенно напрасно. На второй день, на рассвете, Питер, исполнявший обязанности боцмана в маленьком экипаже фелуки, заметил идущее им наперерез судно под двумя парусами. Похожая на их борт фелука, судя по курсу, явно желала встречи.

– Смотри, Клещ! – Бульен положил руку на плечо товарища.

Арно уже сам заметил подозрительный парус. В его глазах блеснул азарт. За десять лет службы на различных каперах*, с королевскими свидетельствами и без таковых, он стал мастером абордажного боя. И не раз капитан поручал именно ему возглавить десант на неприятельский корабль. Теперь его душа встрепенулась, он жаждал встречи с тем, кто интересуется содержимым их трюмов, и готов был сделать всё, чтобы идущий за шерстью был наголо острижен.

Напрасно его уговаривал Маркус пустить на борт разбойников и договориться о выкупе. Клещ, даже не посмотрев в его сторону, ответил, что он здесь для того, чтобы защитить материальный интерес не только его, но и госпожи Мегеро, поэтому он будет выполнять свои обязанности согласно контракту.

Перекатав рули влево, он взял курс зюйд-вест, показывая неизвестным джентльменам, что желает уклониться от встречи. Пиратское судно упорно продолжало преследовать их. Арно, не тратя времени даром, объяснил Питу-Дуболому смысл задуманного манёвра и приказал ему с матросами быть готовыми по его команде перекатить пушку с правого борта на левый.

Дуб очень быстро внушил семерым матросам, что

если они не будут пошевеливаться, то он самолично отправит их рыб кормить. Арно выжидал, когда пират их догонит настолько, чтобы задуманный им манёвр был неожиданным. Наконец, он дал команду совершить оборот оверштаг*. Матросы старательно выполнили приказ. Может быть, вояки они были не самые отчаянные, но с парусами и вёслами обращаться умели.

Фелука шла правым галсом*, а пират – в полном парусе. Весь фокус Мегеро состоял в том, чтобы вовремя сменить галс на левый, что он и сделал. Корабли стремительно стали сближаться. Разбойники растерялись: что он хочет, этот купец? Тем не менее, они изготовились к абордажу. Мегеро это устраивало, он задумал сцепиться левыми бортами.

Как только расстояние между судами сократилось, Клещ сам навёл пушку и ударил картечью по приготовившимся к бою пиратам, тут же Дуб с матросами подкатили вторую, снова прозвучал выстрел. В рядах пиратов появились раненые, их канониры ответили двумя выстрелами, ядра просвистели над палубой, лишь повредив такелаж, суда были уже слишком близко.

Затрещали борта и pistolетные выстрелы. Мегеро выхватил саблю и с криком: «Вперёд, дьяволы!» бросился на палубу пиратов. Следом за ним с бизонным рёвом устремился Дуболом, круша абордажной саблей всё и всех на своём пути. Матросы последовали за ним. Клещ, стремительный и изворотливый как кошка, добрался до капитана пиратской фелуки и разделался с ним. Бульен, зарубив двух противников, третьего зацепил за шею своим страшным крюком и выбросил его, уже бездыханного за борт. Великана было не остановить. Пираты никогда не видели бизона с абордажной саблей и, отбиваясь, стали отступать.

Оставшихся в живых разбойников загнали на кор-

му и отобрали оружие. Бой продолжался не более получаса. Морские бродяги так и не поняли, откуда на купеческом судне оказалась такая свирепая команда. Они не были стратегами и им была неизвестна мысль знаменитого полководца о том, что стадо баранов, возглавляемое львом, всегда одержит победу над стаей львов, под командованием барана. Поражение своё они считали роковой случайностью.

Мегеро приказал всё оружие, бочки с порохом и с ромом перетащить на своё судно. Он хотел забрать все пушки, но Кавалли взмолился, что тогда «Франческа» не сможет принять полностью предназначенный груз. Он уже называл Клеща «сеньором».

– Сеньор Арнольдо, прошу, не надо всё переносить на наше судно! Умоляю вас!

Арно выразил своё отношение к контрабандисту в нескольких приправленных богохульствами ругательствах и ограничился двумя пушками.

Фелука отчалила от пиратского судна, оставив разбойников подсчитывать результаты их набега. Они были внушительными: из команды в четырнадцать человек пятеро были убиты, в том числе капитан. Они остались без оружия и продовольствия зализывать раны. «Франческа» продолжила свой путь.

Следующей ночью фелука контрабандиста Кавалли пришла к месту назначения и встала под погрузку. Когда на судно втащили все мешки и бочки. Маркус ещё раз пересчитал товар и пошёл на берег рассчитывать. Отсчитывая золотые монеты, подумал, что если бы не Арно и его приятель, то он бы мог их потерять. Тем не менее, он чувствовал, что будут ещё неприятности с этими моряками. А чутьё его никогда не подводило. И где хозяйка «Белой акулы» нашла таких головорезов?

Мегеро же, оценив груз, подумал, что фелуку, гру-

жѐную таким товаром, можно было бы при двух-трѐх небольших коммерческих операциях и большом желаниии поменять на скромную каравеллу*, которая смогла бы пересечь Атлантический океан и вернуть двух приятелей в порты Берегового братства. А уж там он и более подходящим судном разживѐтся, и не повторит ошибок прошлого.

Конечно, даже на таком судне, как «Франческа», Клещ мог взять на абордаж любой барк или иное торговое судно. Но ведь нужен был экипаж, хотя бы двадцать-тридцать отчаянных ребят, готовых присягнуть «Весѐлому Роджеру»*, поэтому он об этом только подумал, но ничего не сказал, вздохнул и сплюнул за борт, ожидая, пока Кавалли поднимется на борт.

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Таможенная стража Порто-Рибера располагалась в здании ратуши вместе с городской управой. На крыльце появился Рафаэль Бюркель – начальник стражи. Он в этот день намеревался сам выйти на рейд на таможенной барке, чтобы, во-первых, напомнить контрабандистам, что он не дремлет, во-вторых, чтобы пополнить казну. Нет, не казну испанской короны. Он считал, что с этим его величество король Испании успешно справляется сам. Бюркель думал о своей собственной казне, потому что ему предстояли расходы в связи с будущей свадьбой дочери, а то, что решил начальник стражи, никогда не откладывалось и выполнялось в точности. Он был удивительно настойчив в требовании неукоснительного исполнения своих приказов, даже если они, мягко говоря, были бессмысленными, а прямо говоря, глупыми. За что и получил прозвище – Твердолобый.

На лице своём он всегда носил выражение величайшей и непоколебимейшей серьёзности и уверенности в собственной правоте, оттого оно, лицо то есть, приобрело с годами глубокое и вдумчивое выражение. В общем, начальник стражи был человеком, уважающим себя и педантичным. Потому таможенная барка вышла на рейд в назначенное время.

Надо сказать, что королевские власти весьма снисходительно относились к злоупотреблениям таможенной стражи, потому что основной доход его величества получал именно от этих налогов. Впрочем, иногда власти, видя, что кто-то вдоволь наворовался и набил свои карманы и сундуки доверху, с помощью Святой Инквизиции отправляли их в тюремную клетку и там, поджаривая на медленном огне, возвращали награбленное и отправляли их, как еретиков, на костёр. Но это случалось не так уж часто, для этого нужно было не только воровать, но и испортить отношения с кем-либо из приближённых его величества либо слуг Божьих.

На исходе дня «Франческа» господина Кавалли, управляемая умелым штурманом* Мегеро, подходила к акватории родного порта. В это время и заметил вперёдсмотрящий патрульное судно Рафаэля Бюркеля.

– Господин Кавалли! – закричал матрос. – Смотрите, барка с вымпелом таможенной стражи!

Судно приближалось к ним, выйдя далеко за пределы портового рейда. Для Твердолобого Бюркеля вообще было характерно несоответствие между целями и средствами, что иногда приводило к непредсказуемым результатам. Корусть, главный движитель существования, часто заводила его туда, куда он и соваться не должен был. В этот раз Бюркель, видимо, боялся, что фелука скроется.

Маркус узнал стоящего на мостике начальника стражи. Тот гордо возвышался над своими солдатами, надев на голову морион – противоалебардный шлем с высоким гребнем и полями. Видимо, шлем также нужен был для устрашения нарушителей королевских законов. Начальник стражи тоже узнал фелуку Кавалли и рассчитывал на хороший куш. Он не случайно ушёл подальше от порта, чтобы поменьше было свидетелей их разговора с купцом, который слыл довольно покладистым, когда попадался.

Кавалли с кислым выражением лица обратился к Клещу:

– Видно, от судьбы не уйдёшь, сеньор Арнольдо. Ложимся в дрейф! Это таможня – с ними не поспоришь. Можно и на каторгу загреметь.

Мегеро вовсе не воспринимал судьбу, как оправдание каждой неудачи, но и он не собирался спорить со стражей. Потому что, если начнут следствие, ему каторга не светила, только верёвка. Ведь ему приходилось геройствовать не только на испанских, но и на английских, и на французских каперах. Да что там говорить о тех корсарах, что прикрывались королевскими патентами! Он участвовал в делах и под пиратским флагом. А ребята, что поднимали «Весёлого Роджера», грабили все суда без разбору и если оставляли кого в живых, то лишь для того, чтобы продать в рабство. Потому что им в жизни светило только одно солнце – солнце чистого золота.

Так что Клещ, видит Бог, намеревался со стражей разойтись мирно. Но тут-то как раз и вмешался дьявол со своими проделками, которые всегда сбивают людей с самыми благими намерениями с толку и направляют их по хорошо вымощенной дороге напрямик в ад. Барка Твердолобого Бюркеля была

вооружена двумя фальконетами* – лёгкими пушками. Сопротивления никакого он не ожидал, потому заряжены они были только порохом, чтобы отдавать сигналы. И вот, уже подойдя на расстояние плевка, он велел выпалить из обеих пушек. Что его солдаты и сделали.

Дуболом, не успев разобраться в ситуации в силу особенностей своей психики, а может быть, просто потому, что оружие всегда хочет выстрелить, но он выхватил из-за пояса пистолет и выпалил прямо в голову начальника стражи. Вот так, в присутствии целой кучи людей с мозгами, Дуболом и Твердолобый изменили плавное течение судьбы. Солдаты потом клялись – когда пуля попала в шлем, раздался звон, как будто ударил главный колокол кафедрального собора. Наверное, это потом и послужило поводом для перемены прозвища. Начальника стражи после этого случая стали звать Пустоголовый.

Мегеро, который в ситуации ориентировался мгновенно, увидев, как начальник стражи рухнул замертво, скомандовал атаку. С фелуки взвились абордажные крючья, подтянули барку к борту и через минуту туда устремились Дуб и Клещ. Солдаты стражи пустоголовыми не были и не собирались отдавать свои жизни ни за казну короля, ни за казну Бюркеля. Они побросали мушкеты и ушли на корму. В это время начальник стражи стал моргать глазами. Свинцовая пуля попала в шлем рикошетом, сделала в нём вмятину, а на голове начальника – здоровенную шишку. Из чего солдаты и сделали вывод, что никакой он не твердолобый.

И хотя всё столкновение длилось считанные минуты, Кавалли успел поседеть. Он стоял ни жив, ни мёртв, обняв мачту, и уже представлял себя на ска-

мье подсудимых, но когда увидел, что Бюркель жив, то жизнь возвратилась и к нему. Он схватил за рукав Клеща и поволок его в сторону:

– Сеньор Арнольдо! Это всё! Это каторга! Помилуйте, сеньор Арнольдо, кто будет кормить моих детей?! О, пресвятая Дева Мария! Пожалейте меня! Свяжите мне руки! Я скажу, что вы захватили мою фелуку, вам ведь всё равно, сеньор Арнольдо. Я вам отдаю свою долю, здесь половина товара – моя. Заберите! Высадите нас на Зелёной скале и уходите!

Мегеро соображал быстрее Питера Буля, предложение ему понравилось. Он велел перенести контуженного Бюркеля на «Франческа», забрал четверых солдат и шестерых матросов его экипажа и направил фелуку к небольшому островку Зелёная скала, бросив таможенную барку на волю волн. Там он высадил всех, ничего им не оставив, кроме воды, посчитав, что и этого много, ведь он им подарил жизнь, а такие подарки Клещ делал очень редко, кровь для него, как для алхимика, была всего лишь жидкостью красного цвета, через которую легко перейти, главное ботфорты подтянуть повыше.

Уже стемнело, когда «Франческа» подошла к берегу и укрылась в лагуне, которую указал дядюшка Хончо. Мегеро рассчитался с матросами и велел держать языки за зубами, чтобы не пожалеть, что появились на этом прекрасном белом свете. Моряки покосились на зловещий крюк Питера Буля и с готовностью затрясли головами.

7. НЕДОРАЗУМЕНИЕ МЕЖДУ РОДСТВЕННИКАМИ

На следующий день дядюшка Хончо, узнав, что случилось с друзьями, сказал:

– Знавал я этого Бюркеля, когда он ещё не был начальником стражи.

Он закурил свою трубочку, пустив дым через нос:

– Но, чёрт возьми, нет двух более разных людей, чем один и тот же человек, когда он простой горожанин и когда он занял такой важный пост! Не станете же вы спорить с тем, что такая высокая должность избавляет от необходимости иметь мозги?

Клещ не стал слушать рассуждения старого Барбьеро. Оставив безрукого Пита в хижине Хончо предаваться излюбленному занятию – валяться на лежанке, Арно Мегеро отправился к обожаемой сестре.

Когда Арно появился в таверне со свежей царапиной на лице и перевязанной чистым холстом рукой, у Луисы заняло сердце – она почувствовала потерю денег. Такие потери она переживала особенно тяжело. С хмурым лицом она слушала рассказ Клеща, который, надо признаться, ни разу не соврал. Ни разу он не соврал до того момента, как высадил перепуганного Кавалли и бесчувственного Бюркеля на Зелёной скале.

– И вот, дорогая сестра, этот трус Маркус, дьявол его заberi, вмешался и не дал нам избавиться от начальника стражи и его солдат. Ты не согласишься, он даже подарил мне свой товар! Но в каком положении оказались мы! После этой стычки мы не могли появиться в порту. Выйдя в открытое море, мы вновь столкнулись с пиратами и лишились всего товара. Фелука оказалась повреждённой, мы еле дотянули до берега. Теперь мне придётся её ремонтировать прежде, чем передать этой каналье – Маркусу.

– Мерзкий лгун! – не выдержала Луиса. – Это ты – каналья! Ты украл товар и всё выдумал. Ты убил Маркуса! Негодяй, если не вернёшь мне деньги, я тебя отправлю на виселицу!

На что Клещ отвечал с полным хладнокровием, поглаживая перевязанную руку, как будто там была не маленькая царапина, но глубокая рана:

– Боже, как ты не права, Луиса! Я тебе говорю чистую правду, клянусь памятью наших родителей! – Мегеро закатил глаза и перекрестился. Отчего ж не поклясться памятью, память стоит недорого.

– Ты сама в этом убедишься, – продолжал он, – как только этих чёртовых таможенных вояк выручат с Зелёной скалы. Когда увидишь этого трусливого зайца Кавалли, тебе будет стыдно за свои слова. А прежде чем говорить про виселицу, чёртова карга, подумай, что вершители нашего правосудия довольно медлительны, вешают они не сразу, сначала проводят дознание и допрашивают с пристрастием. Так что я наверняка расскажу про ваши делишки с Маркусом, чёрт вас дерит! А если мне поджарят пятки, я вспомню, где ты прячешь свою метлу, старая ведьма. И надеюсь, увижу, как вас обоих закуют в кандалы прежде, чем на меня наденут пеньковый галстук.

– Мерзавец, я всё равно дознаюсь, куда ты дел мой товар! Боже! Какой чёрт меня дёрнул связаться с тобой?!

– Лучше спроси Господа, зачем ты связалась с этими чертями-контрабандистами! – ответил ей брат, закрывая за собой дверь.

Нет нужды говорить, что хозяйка «Белой акулы» была в бешенстве. Тень недопонимания омрачила родственные чувства брата и сестры. Луиса была уверена, что подлец Арно украл её товар. Она не раз вспомнила слова своего папаши, что самая надёжная прибыль та, которая является результатом бережливости.

Когда через два дня она встретилась с Кавалли, ко-

торого сняли с Зелёной скалы, и его рассказ подтвердил слова Арно, всё равно хозяйка таверны не изменила своего мнения о брате.

Кавалли же, вместе с Бюркелем, в глазах добропорядочных горожан были жертвами наглых пиратов.

Луиса Мегеро действительно очень удивилась, когда Кавалли подтвердил, что вынужден был, чтобы спастись от обвинений в нападении на стражу, подарить свою долю моряку Арнольду, которого она рекомендовала. О родственных отношениях между ними он не догадывался. Хозяйка таверны вслух не осудила действия своего компаньона, в конце концов, это его товар. Но про себя подумала: «Господи, с какими дураками мне приходится вести дела!» Сама она предпочитала иметь дела с отпетыми мошенниками, нежели с законченными дураками. Поступки мошенника можно просчитать и предугадать, поступки дурака угадать невозможно, это лотерея. А лотерею Луиса Мегеро не любила.

Луиса не доверяла никому, иногда даже самой себе, и готова была пересчитывать пальцы на ногах, ложась в постель, так как днём они были вне поля зрения. Поэтому она, конечно же, перепроверила все рассказы своего брата-проходимца. Её пьяные осведомители, из числа завсегдаев таверны, пытались узнать у матросов «Франчески», что же случилось на самом деле. К разочарованию Луисы, матросы подтверждали рассказ её брата, который научил их, что нужно говорить любопытным. Кроме того, что сеньор Арнольдо – храбрый капитан, а его друг Питер Буль – в бою суший дьявол, ничего интересного узнать ей не удалось. Все они говорили, что ночью встретились с двухмачтовой пиратской шхуной* и им пришлось расстаться с грузом.

8. СУХОПУТНЫЙ РЕЙС МЕГЕРО

– Не пойму я, что мы будем делать с этакой кучей товара? – спрашивал Дуб своего товарища. Он недоумевал совершенно искренне. Дела торговые ему были чужды. Писать и считать Питер не умел, говорил кое-как, думал – в исключительных случаях. Нет, он мог, конечно, и поразмышлять, но, как правило, после совершённой глупости или наоборот, перед совершением таковой. Если Пит Буль говорил: «Надо подумать!», то тут уж точно жди беды.

На его вопрос Клещ отвечал вопросом:

– Скажи, друг мой Педро, умеешь ли ты чеканить фальшивые дублионы? Или, скажем, плясать на проволоке? На худой конец, чрево вещать? Просить подавание у тебя не получится – если ты протянешь свою единственную клешню за милостыней, люди подумают, клянусь всем выпитым мной ромом, что ты покушаешься на их жизнь. Я тоже ничего этого не умею. Поэтому нам придётся на время стать торгошами. Здесь Европа, Дуболом! Здесь наша с тобой профессия чревата не тем, что нас могут съесть акулы, здесь мы можем попасть в тюрьму. А мне это противопоказано, уж лучше пусть мне ядром оторвёт голову. Всё веселее пройдут последние минуты моей горькой жизни... Так что придётся торговать, Дуб, без денег нам не выбраться отсюда! Это также верно, как то, что мы с тобой нищие моряки, а не богатые гранды.

Клещ, по совету дядюшки Хончо, в хижине которого они теперь обретались, решил отправиться в Ровьезу. Здесь, в Порто-Рибера, продавать товар было нельзя. Бюркель пока валялся дома после контузии. Но когда поправится, начнёт искать своих обидчиков. Обида, как и кровь, взывает к мести. Поэтому Хончо подска-

зал, к кому можно обратиться в соседнем городе. Были у него там старые знакомые, способные помочь в подобных делах.

– Лучше идти пешком, Арно, – советовал старый рыбак. – Всадник уж больно бросается в глаза на дороге. А зачем тебе быть заметным? Ты ведь не невеста на свадьбе!

Клещ, подумав, согласился. К тому же, чтобы купить мула или лошадь тоже нужны были деньги. На следующий день он отправился в Ровьезу к знакомым старого лоцмана Барбьеро.

Выйдя из города рано утром, на перекрёстке трёх дорог, он выбрал курс норд* и бодро зашагал мимо зеленеющих виноградников, перемежающихся необработанными горными склонами или оливковыми кустарниками. Уже через час пути виноградники кончились, по сторонам дороги были либо пастбища, либо голые склоны скалистых холмов.

К обеду солнце стало припекать сильнее, давя на плечи путника. Мегеро вспомнил, как они, захватив голландского «купца»*, после попали в жестокий штиль и несколько дней дрейфовали на траверзе* Сан-Сальвадора-де-Байя*.

Экваториальное солнце тогда достало всех до печёнок. Колокол огненного светила висел прямо над теменем и бил в помутневшие головы корсаров жестоким полуденным набатом. Нескольких моряков тогда пришлось опустить в тихую гладь тропической Атлантики, их убила жара.

У самого Мегеро начались видения, ему снился сон из детства. Он снова лез на солнце. Только теперь уже не по лестнице, а по грот-мачте*, которая упиралась в небо. Он лез вверх, а солнце беспощадно било своими горячими лучами ему прямо в голову. Он лез, чтобы со-

рвать золотое светило с неба, или отпилить, оторвать, отгрызть от него здоровенный кусок. А потом из него чеканить дублионы, много дублионов, чтобы хватило на всю жизнь, и чтобы больше никогда не выходить в это чёртово море.

Когда пришёл долгожданный зюйд-вест и наполнил паруса, Арно тоже пришёл в себя, но ничего не мог вспомнить, кроме проклятого сна.

Солнце перевалило далеко за полдень, когда он подошёл к придорожной харчевне «Усталый башмак». Он помнил её. Они здесь бывали с покойным папашей, когда однажды ездили в Ровьезу. В сём достойном заведении также, как в таверне Луисы, на первом этаже была харчевня, а на втором – комнаты для путников. Разве что народу здесь было гораздо меньше, чем в «Белой акуле».

Клещ бросил на лавку свой дорожный мешок, спросил ужин и вина. В это время со второго этажа спустился монах в тёмно-коричневой сутане*, подпоясанной верёвкой, очевидно, из числа постояльцев, сел за стол, который был общим для всех, тоже велел принести вина и принялся с любопытством разглядывать Мегеро:

– Ты, брат мой, очевидно, идёшь из Порто-Риберо? – спросил Клеща монах. Ему, видимо, не терпелось поговорить.

– Неужели, падре*, на моих башмаках написано, откуда я иду? – не слишком дружелюбно ответил Мегеро.

– Нет, на твоих башмаках ничего не написано, просто я имею склонность к некоторым жизненным наблюдениям. Оттого, что ты поморщился, когда попробовал это вино, я и подумал: «Этот добрый человек наверняка только что из Порто-Риберо!», – монах перевёл дыхание и, почесав сизый нос, сделал глоток из кружки.

Тут Арно стало любопытно, что это за наблюдения такие – человек поморщился и сразу видно, откуда он топает. «Может быть этот монах читает мысли?» – подумал Клещ. Подумал, но ничего не сказал. А болтливый служитель Господа продолжал:

– Здесь во всей округе вино держат в бурдюках из свиной или козлиной кожи, оттого у вина не слишком приятный привкус. Только в Порто-Рибера вино держат в бочках, чтобы не огорчать достойных тружеников моря этим недостойным запахом. Там, где порт, там много бочек...

Если бы не очевидная случайность этой встречи, Мегеро мог бы подумать, что этого знатока вина в сутане с капюшоном подслала Луиса. Отчего он сразу заговорил про море и про бочки?

– А что, падре, в вашем монастыре все также знают толк в вине и в бурдюках, как вы?

– Зови меня – брат Лукас, добрый путник. Святой Бенедикт благословил своих монахов пить вино девять столетий назад! А чем же мы, минориты, хуже? Святой Франциск Ассизский нам этого тоже не запрещал. В монастыре по нашему уставу я могу выпить только одну кружку за трапезу. Но в дороге... В дороге я обязан выпить столько, сколько потребуется, чтобы мне хватило сил выполнить поручение своего настоятеля! А он пустых поручений не даёт. Наш монастырь не так богат, как некоторые. Но всё же кое-какие хозяйственные дела приходится вести. И тут брат Лукас – первый помощник настоятеля! – хвастливо сообщил монах и напомнил, торжествуя глядя блестящими глазками в глаза собеседника:

– Это я – брат Лукас!

Мегеро уже совсем было решил отправиться в дорогу, ведь до города Ровьева оставалось не более че-

тырёх часов пути, но монах заметил:

– Если ты, брат мой, будешь входить в город к ночи, стража обязательно вывернет твою сумку и карманы. Если днём они проверяют только всадников, то ночью всех, и пеших тоже. И ещё представитель славной инквизиции спросит, нет ли у тебя в сумке книжек, запрещённых Святой Церковью, и заставит заплатить малую толику – взнос, который все называют налогом инквизиции. Я бы на твоём месте заночевал в этой таверне. Конечно, здесь грязно, приходится столоваться вместе с погонщиками мулов. Но это можно потерпеть, ведь и плата скромна. С меня хозяин взял один серебряный реал за обед, один реал – за постель и один – за свечку.

Клещ решил прислушаться к совету монаха, заплатил один реал хозяину и спросил постель.

9. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

К обеду следующего дня наш путник входил в Ровьезу. Он помнил, что городской рынок расположен ближе к центру города, где вокруг прямоугольной площади стояли дома с крытыми галереями. Там же, на улицах, что вели к площади, располагались мастерские и лавки. Обычно улица называлась по специализации торговцев, живущих на ней: улица Ювелиров, улица Шёлка или просто улица Белья.

Но прежде, чем попасть в эту главную часть Ровьезы, Мегеро пришлось миновать город простых людей, где невысокие домики были сплошь из самана или кирпича. Камень был слишком большой роскошью, даже богатеи иногда выкладывали из камня лишь фасадную часть дома. Клещ шёл по главной дороге, но в стороны уходили улочки, которые впору было назвать тро-

пами, настолько они были узкими и пыльными. Здесь же располагались сады, а иногда и поля, принадлежавшие монастырям и церковным приходам. Так что люди, проживающие в этих лачугах, горожанами могли считаться весьма условно, они принадлежали к сельскому миру, ведь они на этих полях и трудились.

Наш герой, найдя на местном рынке человека, к которому его направил рыбак Барбьеро, протянул ему клочок бумаги, на нём было корявыми буквами выведено всего одно слово – «хончо». Видимо, это служило рекомендательным письмом старого лоцмана, потому что человек этот, спросив о здоровье дядюшки Хончо, проводил Клеща на одну из торговых улочек, где и рекомендовал своему хозяину, с помощью того же «письма».

Чтобы не замедлять течение нашей правдивой повести, не будем приводить весь диалог Мегеро с торговцем, которого звали Руах. Главное, что они прекрасно понимали друг друга, как могут понимать друг друга мошенники одинаковых устремлений и квалификации, понимали даже то, что не договаривали. Это было и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что могли договориться в принципе. Плохо было для Клеща, потому что это он обратился к купцу Руаху, а не наоборот.

Несмотря на то, что Мегеро сказал, что он лишь представляет интересы своего хозяина, который хочет наладить долговременное сотрудничество, Руах был уверен, что его гость далёк от торгового ремесла, это было также верно, как то, что товар контрабандный и краденый, а потому на постоянные дела с сеньором Арнольдо купец не надеялся и предложил за товар полцены, но пообещал надбавку, когда посмотрит товар и убедится в его качестве. Мегеро, скрипнув зубами, согласился, и они договорились о доставке.

Таким образом, сделав дело наполовину, Клещ отправился в обратный путь, прибыв к обеденному времени в трактир «Усталый башмак», где снова встретил неунывающего монаха, брата Лукаса, дождавшегося наконец-то повозку, прибывшую к нему из Ровьезы. Первый помощник настоятеля собирался на ней отправиться в Порто-Рибери по делам своего монастыря. Монах приветствовал Арно, как старого знакомого, и предложил ему место в повозке, если тому по пути. Мегеро не стал кочевряжиться, всё-таки морское ремесло не приучило его к долгим пешим переходам.

– Лучше передвигаться на настоящих мулах, чем на «мулах святого Франциска», – говорил брат Лукас, – так мои братья-монахи называют наши бедные ноги, которые не знают покоя в этом мире, а потому должны обрести вечный покой в лучшем из миров. Как зовут тебя, добрый путник? Ведь не зря же Бог привёл тебя в эту славную таверну именно тогда, когда мой настоятель приор Жеро, да продлит Господь его дни, прислал мне этих работяг-мулов и этого лентяя-погонщика.

– Я соглашусь с тобой, брат Лукас, лучше ехать, чем идти пешком, прах меня побери! По крайней мере, так теперь считают мои усталые башмаки. Мои друзья называют меня сеньор Арнольдо, – Клещ тронул поля своей пыльной шляпы правой рукой.

После обеда, во время которого брат Лукас пропустил стаканчик рому – на радостях от встречи то ли с Арнольдо, то ли с мулами – они отправились в Порто-Рибери.

Мегеро уже понял, что его попутчик относится к тому типу людей, которые легко могут скрывать свои мысли и намерения за многословием. Монах без конца говорил, но из его болтовни невозможно было узнать сколь-нибудь полезных сведений: ни куда он едет, ни

зачем едет. В этом смысле речи брата Лукаса легко конкурировали с пантомимой: мог говорить долго, но ничего не сказать. Поэтому Клещ не столько слушал собеседника, сколько рассуждал о том, насколько выгодно ему будет торговая сделка с Руахом и как выдать из купца побольше денег.

– Услышал я на рынке Ровьезы, брат Лукас, имя некоего торговца Руаха. Не приходилось ли тебе слышать это имя? – поинтересовался Арно.

– А как же, брат Арнольдо! Много в Ровьезе этих детей сефардов*. С тех пор, как был принят Гранадский эдикт* и достославный Торквемада* принялся наставлять на путь истинный марранов* и этих гарпий, что недалеко от них ушли в своём притворстве перед Господом и истинными христианами, благодати у них не прибавилось, но хитрости небогоугодной и коварства сколько хочешь! Имел я с ним дела по благословлению нашего приора Жеро. Только страх перед Святой Церковью и держит в узде этого мошенника. Даже когда он читает молитву, он читает её не для того, чтобы она помогла избавиться от его жульнических пороков, но чтобы она избавила его от судей и наказания, пока он будет воровать. Пусть наша церковь и учит: согрешить и покаяться, чтобы снова можно было согрешить, но мы – истинные христиане, хоть и не в состоянии избавиться от своих пороков во имя Господа, но мы готовы отдать жизнь за него! А забирая нашу жизнь, он и освобождает нас от всех пороков. Ведь для них смерть будет карою, а для нас – прощением. Разве я не прав, брат мой?

Из всего этого демагогического посыла Мегеро понял только одно – монах знает хитрого купца, значит, можно будет при случае попытаться вытянуть из него что-нибудь полезное.

Остаток дня прошёл в дороге, к ночи они въезжали в город.

– Где собираешься остановиться, брат Лукас? Где найти тебя, если захочу встретиться, чтобы выпить вина с образованным человеком? – поинтересовался Клещ.

– Найдёшь в таверне «Семеро псов», там я собираюсь остановиться на несколько дней. Хозяин, хотя и не очень набожный человек, но цены божеские. Всё время пытаюсь внушить ему, что мало веровать в Господа, надо чтобы Господь поверил тебе. Он давно помогает нашему монастырю, ведь это одно и то же, что служить его святейшему папе Римскому или самому господу Богу! Кроме того, вино там без привкуса смолы и канифоли, как в той харчевне, где мы с тобой обедали, брат мой. И ещё там шоколад из Америки, по весьма умеренной цене. А я, грешник, люблю его... Каюсь. Я как тот высокородный дворянин, который вместо того, чтобы жить на своих землях, постоянно обретается при дворе. Так и я, нет чтобы жить в монастыре со всей братией, так живу, где угодно, только не там, где должен. Но ведь в этом нет большого греха, коль делаю я это с благословения своего настоятеля? Не так ли, брат мой?

– Истинно так, – заверил его Клещ и попрощался.

10. В ТАВЕРНЕ «СЕМЕРО ПСОВ»

Позавтракали ближе к обеду. Разделались с жареным скатом*, что попал вчера вечером в сети дядюшки Хончо.

– Лучше бы ты, старик, поймал барана! – высказал пожелание Пит Буль.

Трапезничали прямо у входа в хижину. В самой хи-

баре было жарко после приготовления рыбы.

– Смотри, мулов не съешь, когда подводы придут!
– ответил лощман, который не переставал удивляться аппетиту Дуболома.

Мегеро уже сказал приятелям, что через неделю Руах пришлёт телеги, чтобы забрать товар. Теперь его заботило, как обеспечить охрану. Бульен предлагал нанять тех же матросов с «Франчески», глубокие раздумья никогда не затуманивали его крепкую голову. Клещ сперва тоже о них подумал, но после ночных размышлений планы его несколько поменялись, и он ответил приятелю:

– Сначала я должен повидаться с моим новым знакомым – оборотистым монахом из Ровьезанского монастыря Святого Франциска. После будет видно.

Клещ взял шляпу, накинул на плечи выдавший виды плащ и отправился на свидание с братом Лукасом.

Дядюшка Хончо покачал головой:

– Воробьи и монахи – вёрткие птахи, – вздохнул и стал набивать трубочку.

Таверна «Семеро псов» располагалась дальше от порта, но ближе к центру города. Сюда захаживало меньше моряков, но больше подозрительных личностей, бывших не в ладах с законом. Мегеро с детства мог различать эту публику. Сюда не ходили воры, срезавшие кошельки и ворующие плащи по ночам, или так называемые «юнки», которые ловко лазили по верёвочным лестницам, грабя дома, не было здесь и «апостолов», у них всегда с собой была большая связка ключей и отмычек. Воров, которые крали скот в полях называли «сатирами», были ещё «благочестивцы» – эти взламывали кружки для пожертвований в церквах или умыкали дорогие убранства со статуй святых.

Так вот, вышеупомянутой шантрапы здесь не на-

блюдалось. Зато сюда захаживали аристократы преступного мира, именуемые «молодцами». Они носили камзолы, напомилавшие одежду солдат, из-под плащей у них торчал кончик длинной шпаги, а на голове была шляпа, украшенная перьями лесных птиц. Эти храбрые ребята оказывали услуги тем, кто хотел избавиться от неугодного человека. Для этого они легко могли спровоцировать драку или просто зарезать человека в тёмном переулке.

Ещё в таверне частыми гостями были торговцы и контрабандисты. Поэтому, когда Клещ услышал, что брат Лукас останавливается здесь, он подумал, что неплохо было бы поговорить с деловым монахом, который занимался хозяйством Ровьезанского монастыря.

Фасадная стена таверны, как и в «Белой акуле», была выложена из камня, только окна были больше, затянуты промасленной бумагой и закрыты узорчатыми кованными решётками. В зале стояло также несколько столов. Войдя, Мегеро остановился за деревянной колонной, поддерживавшей потолочные балки. Он подождал, когда глаза после яркого солнца привыкнут к полумраку харчевни, заметил, что монах здесь, надвинул шляпу на глаза, и пройдя в зал, сел за соседний стол спиной к монаху. Брат Лукас разговаривал с сидящим рядом человеком. Клещ решил удовлетворить любопытство и послушать.

Несмотря на свой острый слух ничего интересного из разговора монаха с неизвестным торговцем он не узнал. Говорили сначала о ценах на пшеницу, потом перешли на херес, оливковое масло и мыло, из него сваренное. В конце разговора обсудили сбыт шерсти мериносов, пастбища и скотопрогоны, как изменились кадьяны – пути прогона овец с летних пастбищ на зимние. Купец, судя по выговору, приехал издалека.

Мегеро слышал не всё, потому что рядом офицер в шляпе с фазаньим пером, громко уговаривал кого-то записаться в солдаты. У него был патент на набор рекрутов, и нужно было набрать роту на войну во Фландрию*.

Монах с торговцем разговаривали долго. Клещ уже начал чувствовать, что теряет время и терпение, как купец, распрощавшись ушёл. Арно повернулся и пересел к монаху:

– Как дела на службе Святому Франциску, брат Лукас?

– А, это ты, сеньор Арнольдо! Делами моими вершит господь Бог, а он никуда не торопится, поэтому и дела мои идут неспешно. А мне грех на это жаловаться. Кто я такой, чтобы торопить Господа? А как твои дела, брат мой?

– Моими делами господь Бог не интересуется, поэтому хотелось бы их ускорить. Переговорить бы, брат Лукас, там, где меньше глаз и ушей...

Они по неширокой лестнице поднялись на второй этаж и монах, открыв дверь, пригласил Арно в комнату:

– Проходи в мою временную келью, брат мой, пока здесь я отбываю послушание, назначенное мне приором Жеро. А что у нас в жизни есть постоянного? Всё временное, как и мы сами на этой земле. Всё временное, оттого я скучаю здесь по благочинию и порядку монастыря, а в нём я скучаю по греховной пище, что приходится употреблять здесь. Ведь монастырь даёт полное успокоение тогда, когда ты уже не можешь пользоваться благами мирской жизни...

Мегеро не стал заходить издалека и сразу изложил суть дела:

– Брат Лукас, случай предоставил мне возможность заняться делом, которым я раньше не занимался, а по-

тому хотел у тебя спросить совета, а может быть, и помощи. В свою очередь я в долгу не останусь и пожертвую Святому Франциску некоторую сумму, если дело решится наилучшим образом, клянусь Девой Марией! Суть в том, что я имею поручение продать товар, хозяин которого отбыл и поручил это дело мне. Съездив в Ровьезу, я встретился с известным тебе Руахом, тысяча чертей ему в печёнку! Но встреча меня не очень обнадёжила. Сдаётся мне, что он хочет слишком сбавить цену...

Монах внимательно выслушал, не перебивая гостя, потом пошевелил своим синеватым носом и большими пальцами сложенных на животе ладоней:

– Не поминай чертей тысячами, брат мой! – Монах откашлялся и продолжал. – Я никогда не вмешиваюсь не в свои дела, сеньор Арнольдо. Ведь добрая слава христианина покоится не на тех поступках, которые он совершил, а на тех, от которых он воздержался... Поэтому я и не вмешиваюсь в чужие дела. Никогда...

«Где-нибудь в Вест-Индии* я бы, пожалуй, подвесил его за ноги и за руки, чтобы его толстый зад подкоптить над костром...», – думал Мегеро, глядя прямо в сливовый нос монаха меж томатных щёк.

– ...Никогда. Если меня не просят, – пояснил брат Лукас, – но если кто-то взыскует о помощи, то я всегда прислушиваюсь к тому, что говорит мне Господь. А если он не говорит ничего, то я вспоминаю священное Писание. А там сказано, что люди должны помогать друг другу. «Не забывайте делать добро и общаться, ибо такими жертвами Бог доволен», – так сказано в Писании. И не нам, грешникам, противиться этому. А потому, брат мой, я чувствую, что должен помочь тебе, помочь бескорыстно...

«А он довольно толковый, это монах. Пожалуй, я бы

даже взял такого интендантом в свою команду», – подумал Клещ.

– ...А Святой Церкви ты пожертвуешь десятую часть. Видит Бог, не я установил эту меру! А если брату Лукасу пожертвуешь несколько золотых, то я буду молиться за тебя. Поскольку я принадлежу к нищенствующему ордену, то я не буду даже называть количество этих монет – Бог вразумит тебя, брат мой! Я думаю, что можно всё устроить так, что хозяин твоего товара будет доволен, даже если бы он отбыл в лучший из миров, ведь десятина от его прибыли поступит в церковь, а за это прощаются многие грехи...

Монах сперва закатил свои хитрые глаза к потолку, потом прищурился и замолчал, глядя в глаза Арно так, словно поджаривал его грешную душу на медленном огне. Клещ сидел с непроницаемым лицом, никак не выражая своих чувств, хотя такой ответ его вполне устраивал, ведь лучше отдать десятую часть, чем потерять половину. Такой арифметике его обучил ещё покойный папаша, который видел в сыне продолжателя своего трактирного дела. Мегеро было наплевать на намёки лукавого монаха, он понимал, что тот лишь хочет выторговать несколько лишних дублонов. Хотя, в другое время и в другом месте, Клещ с удовольствием бы выпустил из него кишки. «Неправ дядюшка Хончо, не как воробьи вёрткие, эти монахи... По крайней мере этот как угорь – не поймёшь, рыба или змея!» – сделал он вывод.

Два кипучих деятеля из разных сфер человеческого бытия: из церкви и разбойного мира легко нашли общий язык, что, может быть, сперва и удивит кого-то, но потом, по некотором размышлении, любому станет понятно, что всё в этом мире закономерно и логично, ведь если он, этот мир, устроен таким образом, что без

денег не работает ни одна сфера упомянутого бытия, то иначе и быть не могло. За единством целей часто следует единение душ. Два достойных своего ремесла человека помогли друг другу приобрести эти деньги, что укрепило их души и отодвинуло дальше от греховной пропасти. Ведь если сама бедность – не порок, то она способствует тому, что человек скатывается к пороку, потому как бедность доставляет очень большие неудобства.

Такие или примерно такие мысли были в голове каждого участника сделки, и каждый ей был в какой-то степени доволен. В какой-то степени, потому что, если сказать, что кто-то был доволен полностью, значит признать, что один одурачил другого. Но тогда это не есть рыночный договор, тогда это жульничество. А на рынке, как известно, два дурака. Или два умных. Это уж кому как нравится.

Когда Клещ высказал беспокойство по поводу охраны товара в пути, монах Лукас его успокоил:

– Если обоз будет под охраной Святого Франциска, никто на этой дороге из известных бандолерос его не тронет. А чтобы от мелких воришек сохранить товар, достаточно нанять двух таких молодцов, как ты, брат мой.

Догадливый монах давно понял, что сеньор Арнольдо в своей профессиональной деятельности больше орудовал саблей и мушкетом, чем счётами и гусиным пером.

11. СДЕЛКА

Вернувшись в хижину дядюшки Хончо, Мегеро рассказал о договоре с монахом, не утаивая подробностей. Питер слушал его, как свинья гром. Потом разра-

зился возмущённой тирадой:

– Чтоб мне во всех тавернах подавали рыбий жир в старом башмаке, а не ром в кружке, если я хоть что-нибудь понимаю, Арно! Ну скажи, зачем нам нужен этот монах, если товар продаём купцу? Если пройдоха-купец обманет, его можно просто убить!

Клещ снова стал терпеливо объяснять, потому что Бульена он не собирался обманывать, в отличие от всех других людей на свете, включая всех святых и своих родственников. Не потому, что тот был другом, вовсе нет. Друзей у Клеща никогда не было, кроме навахи и пистолета. И никого, и ничего не было ближе к сердцу, чем нательная рубаха. Просто Бульена обманывать было опасно.

В этом Арно убедился несколько лет назад, когда они только познакомились. Мегеро попытался надуть Питера, но тот посчитал и обнаружил, что его нагрели на пять золотых. Тогда Дуболом чуть не задушил Клеща, спасли матросы. Клещ решил ночью зарезать однорукого великана, но его остановили те же товарищи. Чёрт с ним, решил Арно, пусть живёт. Душа его успокоилась тем, что Бульена он всё-таки обманул. Не на пять, а на пятнадцать дублонов. Но вывод тогда юный Мегеро для себя сделал – врагов тоже надо выбирать обдуманно и осторожно.

Итак, хотя и с трудом, но он всё же убедил приятеля, что монах им нужен. Что касается охраны, то нанять двоих молодцов, как советовал брат Лукас, Арно не стал, посчитав, что для охраны Бульена достаточно. Это в беседе он, как нищий на ярмарке, а в бою, он и троих может заменить.

Подводы пришли вовремя, как и обещал Руах, на них в Порто-Риберио привезли зерно. Каждая повозка была запряжена двумя мулами. Караван сопровождает

ли Мегеро, Бульен и дядюшка Хончо. Брат Лукас днём раньше уехал в Ровьезу, где намеревался сразу же встретиться с торговцем.

Мегеро не знал, какой разговор состоялся у монаха с купцом, но, когда обоз пришёл на склады Руаха, торговец принял его, как старого знакомого и заплатил за товар те деньги, которые он стоил. Клещ к этому времени уже хорошо знал цены на контрабандные пряности и табак. Более того, Руах даже интересовался, когда ждать следующую партию. На этот вопрос сеньор Арнольдо ответил весьма уклончиво, сказав, что ждёт известий от своего хозяина, который отбыл на Африканское побережье.

Мегеро побывал в гостях у брата Лукаса. На этот раз в его постоянной обители, в монастыре. Для этого Клещу пришлось обрядиться в сутану монаха-францисканца. Закрыв лицо капюшоном, он прошёл мимо монаха-привратника. Брат Лукас не хотел, чтобы его торговых партнёров знал в лицо кто-то ещё, пусть даже этот кто-то из монашеской братии. Деньги Мегеро передал тоже в руки брата Лукаса, а не настоятеля монастыря. Из чего он сделал вывод, что монах действительно пользуется неограниченным доверием приора Жеро, ведь такую сделку от настоятеля не скроешь.

По своей профессиональной привычке Клещ оценил стены монастыря на предмет штурма последнего, решив, что есть узкие места, где пехота может без особого труда пройти через стены, а уж тем более, ночные грабители, которые преодолевают стены не менее умело, зато без особого шума. Его также заинтересовал вопрос, где настоятель Жеро держит свою монастырскую кубышку. Деньги там должны быть не малые, если судить по размаху его торговой деятельности.

12. В ХИЖИНЕ ХОНЧО

Когда Мегеро со своими приятелями вернулся в Порто-Рибера, он рассчитался с Хончо и Бульеном, объяснив последнему, что основную сумму он оставляет для покупки судна. Однако обоим приятелям было ясно, что на эти деньги каравеллу не купишь, а фелуку они вернули Маркусу Кавалли, который считал, что он счастливо отделался, ловко выпутавшись из неприятной истории, ведь начальник таможенной стражи Рафаэль Бюркель, дополнительную информацию о котором можно получить в следующих главах нашей повести или в протоколах суда Святой Инквизиции города Порто-Рибера, всё ещё находился на лечении. Тем не менее, его шпионы и солдаты получили словесные портреты разбойников, напавших на начальника стражи и почтенного купца Кавалли.

Потому Мегеро, которому, в отличие от Бульена, на месте не сиделось, попытался изменить внешность – сбрил бороду и франтовато подкрутил усы. Он купил камзол из буйволовой кожи, под который стал надевать кольчугу, новые сапоги и шляпу с фазаньим пером, чтобы отличаться от наёмных убийц. Пусть лучше его принимают за офицера в отпуске или отставке, ведь патента у него не было. На поясе он стал носить длинную шпагу, а наваху* заменил офицерским кинжалом – дагой. В среде военных был распространён свой вариант искусства фехтования: «эспада и дага» – шпага и кинжал.

Хотя ему в голову приходила мысль обзавестись при случае патентом. Тогда можно было под видом рекрутов набрать команду подходящих головорезов. Ему ведь нужно было не пушечное мясо, а хваткие ребята, умеющие обращаться с рулём и парусом, также и с ко-

рабельными пушками. Впрочем, он никогда не останавливался на одном варианте достижения своей цели, в голове у него всегда был целый рой дельных мыслей, на пути реализации которых почему-то вставал закон. Клещ отличался не только завидной способностью задумывать авантюрные предприятия, но имел волчий нюх, чтобы распознать удобный случай и не упустить его. Его усилия были направлены не только на то, чтобы заполучить козырные карты, но и хорошо сыграть теми, которые есть.

Изменив внешность, он стал чаще появляться в порту, присматриваться к морякам, узнавать, какие суда приходят, куда и с каким грузом отправляются, а главное – к тем, кто набирает команду.

Питер Бульен, получив деньги, без лишних слов, ввиду незначительности их запаса, возжелал заглянуть в «Белую акулу». Но Мегеро пресёк эту попытку, произнеся красноречивую и доходчивую тираду, из которой какой-нибудь юнга мог основательно пополнить запас богохульств и самой площадной брани, употребляемой в кабацком угаре или в ярости рукопашного боя. Смысл дружеского пожелания Бульену сводился к тому, что если там его схватит стража, то виновата в этом будет не такая примета, как отсутствие левой клешни, а полное отсутствие мозгов в его дубовой башке, которую с успехом могла бы заменить тыква.

– На корабле утопит море, в кабаке – горе, – подержал Клеща старый лоцман, заметив, что кровью и потом заработанные монеты в «Белой акуле» стремительно убывают, и уговорил Дуболома ошвартоваться вновь в его хижине, будет дешевле. На что Пит Буль, который чем больше принимал на грудь, тем меньше брал в голову, согласился с явной неохотой, ему нравились бледные девки, которые всегда дежурили в та-

верне, с грустью глядя зелёными глазами, как моряки сорят деньгами, пока им не предоставляли возможность помочь в этом, тогда веселье охватывало и их.

Вечером, подходя к хижине, Мегеро услышал, как гудит знакомый бас – Бульен старательно выводил куплеты:

На абордаж! На абордаж! Как молния топор.

Вцепились крючья в такелаж*, и рвёт картечь в упор.

От залпа накренилась ночь, и навзничь тишина,

Как пыль, сметая звёзды прочь, скатилась в зыбь луна!

Дядюшка Хончо на очаге готовил баранину, Дуб валялся на лежанке и горланил разные песни на один мотив, вспоминая по куплету из каждой:

Шум битвы тревогой азартной звенит в головах.

Нас золото манит в дорогу, и в душах восторг, а не страх!

В поход не за славой собрались полсотни ребят.

Нас золото манит, и шхуна в кровавый уходит закат!

Мегеро бросил шляпу на лежанку, снял плащ и кожаный камзол:

– Слушай, друг мой Педро! – обратился он к своему пьяному товарищу. – Сколько бы я ни вынюхивал новости в этом чёртовом порту, но всё больше убеждаюсь, что на свете по-прежнему остаются три старых и проверенных способа стать обладателями корабля: первый – купить судно и набрать команду, второй – набрать команду и захватить судно, и третий – наняться на судно, завербовать сообщников и захватить корабль. Для деловых людей годится только третий, потому что денег не так много, как хотелось бы, и они почему-то деваются, чёрт знает куда! Я, конечно, к этому привык, что они

всегда уходят, потому часто им говорю: «До свидания, мои золотые!», но никогда: «Прощайте, я вас больше не увижу!». Но, дьявол меня побери, никогда ещё они не были так нужны, как в этой проклятой Европе!

– Хе-хе, это точно, – подтвердил хозяин хижины, – здесь они тают в любое время года! Ботфорты, плащ, а жизнь – хоть плачь...

Питер Бульен, не способный решить ни одной проблемы, но готовый пережить их все, сел на лежанке и, тараща глаза, слушал Клеца, пытаюсь понять непостижимый для него ход мыслей последнего, и опять упустил хороший повод промолчать:

– Захватить фелуку мошенника Маркуса! – родил он идею, нашаривая ногами свои тяжёлые башмаки.

– Я знаю заранее, Дуб, всё что ты скажешь! Поэтому и не спрашиваю тебя. «Одна голова – хорошо, а две – лучше», это не про нас. Эту дурацкую поговорку придумали прохиндеи – продавцы шляп. Но и тут они оказались неправы. Ты даже шляпу не купил! Поэтому просто слушай. Нам придётся наниматься на корабль. На первый же корабль, который будет набирать команду. Главное, чтобы он нам подходил, и мы с тобой подошли капитану. Поэтому приведи одежду в порядок. Тебя экзаменовать не будут, как управляешься со штурвалом и мушкетом. Просто посмотрят на твою рожу и..., – Мегеро махнул рукой и выругался.

– Мясо готово! – сказал хозяин хижины, вытирая руки о штаны. Дядюшка Хончо прервал разговор своих постояльцев, пригласив их к трапезе.

– Слышал я от своих старых знакомцев, – продолжал он за ужином, – что сам дон Алонсо Контрерас* собирается в морской поход. И будет у него не один корабль. Он всегда отправляется на дело в составе эскадры не менее трёх, а то и пяти судов.

– Где же будет формироваться его флотилия? – заинтересовался Клещ, разрывая бараньи рёбра.

– Этого я не знаю, надо будет ещё кое-кого расспросить. Подготовка такого рейса потребует изрядного количества продовольствия и прочих запасов, так что узнать можно. Всё равно в нашей гавани будет что-нибудь известно. Однако в его команду попасть не так просто!

Мегеро бросил обглоданную кость на стол, вытер усы рукавом рубашки и чертыхнулся:

– Тысяча чертей, Питер! Нам действительно не обойтись без бумаг. Надо добыть хоть какую-то паршивую рекомендацию...

Бульен молчал, ибо рот его был занят, и бумагами он не интересовался, сейчас его интересовала баранья нога. Клещ вскочил и стал расхаживать из угла в угол. В груди его горел огонь, который жёг его душу изнутри и не давал покоя. А дядюшка Хончо взял уголёк, раскурил свою трубочку и довольно запыхтел ею.

13. ОПЯТЬ В РОВЬЕЗЕ

На следующий день Арно Мегеро, оставив залог, договорился об аренде лошади на пару дней и отбыл в Ровьезу. Ему нужно было снова встретиться с монахом.

Лошадь он взял у хозяина таверны «Семеро псов», предварительно поторговавшись. То ли у Мегеро проснулись гены жадности своего папаша, то ли потому, что он не был пьян и не сидел за столом, но его возмутила цена, которую заломил трактирщик:

– Какого дьявола?! – закричал Арно, – Три дублона за лошадь на два дня! Да этому мерину цена шесть дублонов!

Хозяин вежливо возражал:

– Это не крестьянская лошадка, сеньор офицер! Это мерин благородных кровей...

– Благородных кровей?! – возмутился Клещ. – Это же не боевой жеребец, мошенник ты чёртов!

Трактирщик упорствовал, так как считал, что высокая цена сама по себе украшает и коня, и его самого. В конце концов, сошлись на двух дублонах, остальной залог хозяин таверны обещал вернуть.

Солнце ещё было в зените, а Мегеро уже въезжал в пригороды Ровьезы. К монастырю он подъехал после полудня. Монашеская сутана у него была с собой, в кожаном дорожном мешке, но понимая, что в монастырь он не попадёт до конца сиесты, Клещ решил не терять времени и проверить, возможно ли туда попасть, минуя ворота.

Привязав лошадь на постоялом дворе, напоил её и отправился вокруг монастыря. Он без труда преодолел стену как раз в том месте, что заметил в прошлый раз. Надев сутану поверх камзола и скрыв лицо капюшоном, он обошёл здание и, чуть сгорбившись, приблизился к дверям. Никого не встретив, он прошёл сначала в тот коридор, где была келья настоятеля и убедился, что попасть туда не так просто – надо миновать дубовые двери, за которыми, как он предположил, сидит монах-привратник.

Удовлетворив своё отнюдь не праздное любопытство, он направился к брату Лукасу и негромко постучал в двери. Не услышав ответа, постучал сильнее.

– Кто беспокоит меня, грешника, уставшего от суеты, когда я только-только увидел во сне Блаженного Августина? – раздался сонный голос монаха.

Мегеро толкнул дверь и вошёл в уже знакомую келью.

– Я приношу свои извинения, брат Лукас, что побеспокоил тебя во время отдыха! Но я проделал путь в сорок миль, чтобы увидеть тебя и тут же уехать обратно.

– Что ж, проходи, брат мой, ведь нет никакого смысла спрашивать, можно ли войти, коли ты уже вошёл. Значит, так Богу угодно. Скорее я могу спросить, как же ты прошёл мимо привратника? – обитатель кельи уселся на своей лежанке.

– Господь надоумил, брат Лукас! Видно, он тоже знает, что к утру я уже должен быть в Порто-Рибера.

– Слушаю, что за срочное дело привело тебя в нашу обитель?

Мегеро рассказал монаху, что решил вернуться к своему ремеслу моряка, коли торговца из него не получается.

– Так случилось, что сейчас рядом нет моих знакомых, кто бы мог дать мне рекомендательное письмо, – закончил свой рассказ Клещ.

– Великая бездна – сам человек, волосы его легче счесть, чем его чувства и движения сердца. Так говорил Блаженный Августин, – монах, опустив голову, перебирал чётки.

– Признаюсь, давно не читал мудрых книг Святого Августина, – попытался поддержать тему Арно, – но по опыту знаю, что наши желания по-разному воспринимаются в различных обстоятельствах, также как волос больше ценится на голове, чем на гребешке, чёрт меня подери!

– Тихо, тихо, брат мой! – поднял взгляд брат Лукас. – Не чертыхайся в святой обители! Однако не могу не согласиться с твоей житейской мудростью. Чем же не нравится тебе торговля? Ведь ты молод, умён и энергичен. Мог бы достигнуть успехов и сколотить капитал.

– Мне нравится торговля, брат Лукас. Мне очень

даже симпатичны купцы. От них очевидная польза. Однако, Господь даёт каждому крест по силам его, а меня зовёт море – сказал Клещ и подумал, что выгребать золото из купеческих трюмов куда прибыльнее, чем складывать его в кубышку, как покойный папаша или здравствующая сестрица. Воспитанный и возмужавший в среде корсаров Берегового братства, он считал общество разбойников более справедливым, чем общество торговцев, хотя бы потому, что в первом имущественное неравенство не только легко преодолевается, но и полностью разрушается тоже очень легко.

– Всем нравится красивая лошадь, но совершенно нет желающих ею стать.

– Истинно так...

– Это не я, это тоже Блаженный Августин сказал**. Кстати, где ты оставил свою лошадь?

– А что такое, брат Лукас?

– Дело в том, что один мой знакомый дважды оставлял коня привязанным на улице и у него дважды воровали седло...

– Думаю, моё седло не тронут. Коня я оставил на постоялом дворе.

– Ты предусмотрительно поступил. А мой знакомый в третий раз седло взял с собой, так у него украли коня!

– Не повезло ему...

– Коню, да. Скорее всего, его украли цыгане. Видно, Бог их создал для того, чтобы мы лучше следили за своими вещами...

– Видно, для чего-то создал. Видал я одного медведя, что жил у цыган, так он даже в спячку не ложился, чтоб у него чего-нибудь не спёрли! Но поют они лучше евреев и в купцы не лезут.

– Каждый из нас таков, каким его сотворил Господь, а часто ещё хуже... Вот и выходит, что каждому своё.

Значит, торговое дело ты решил оставить? Что ж, постараюсь тебе помочь. Может быть, ты и прав, не желая связывать свою жизнь с презренным жёлтым металлом, что странствует по всему белу свету, как Вечный Жид. Приобретая богатство, мы приобретаем и заботы... Но ведь не от нашего же настоятеля тебе нужно рекомендательное письмо? Поэтому мне понадобится некоторое время и...

– Готов пожертвовать несколько монет презренного жёлтого металла Святому Франциску, – вставил подходящие слова Клещ.

– Ну что ж, возлюби Бога и поступай, как хочешь...

– Это сказал Блаженный Августин, – догадался Арно.

– Видимо, очень давно ты читал его труды, коли так долго вспоминал, брат мой!

Мегеро поднялся:

– Может быть, трудно поверить, брат Лукас, но в душе я благочестивый и ревностный католик. Некоторые обстоятельства мешают мне регулярно читать святые книги и часто посещать церковь. Потому наши беседы мне заменяют проповеди. Только расстанусь с тобой, как с нетерпением начинаю ожидать следующей проповеди... Э, прах меня побери, следующей беседы!

– Да поможет тебе Дева Мария, брат мой, сегодня вечером помолюсь за тебя, но на особый успех, признаться, не рассчитываю...

Мегеро не случайно вспомнил о проповедях. В своей бурной жизни он видел много мошенников, которые ничего не проповедовали, но на его неправедном жизненном пути не встречались проповедники, которые не были бы мошенниками.

Распроставшись с монахом, Клещ отправился в

харчевню, где он оставил лошадь.

Там он спросил вина и телятины. В харчевне было полно народу, но он обратил внимание на двух молодых щёголей, что вели себя шумно. Они обсуждали, как им сегодня ночью вызвать через служанку некую Марту так, чтобы не услышал её строгий отец. У одного из них, что вёл себя наиболее развязно, Мегеро заметил на пальце перстень с сапфиром, который назойливо говорил о том, что владелец его явно не бедствует.

Уже темнело, Арно решил выехать ночью и вышел во двор седлать своего мерина. В это время он и услышал шум ссоры в переулке за изгородью. Клещ не был бы Клещом, если бы остался равнодушен к какой-либо стычке. Он вышел полюбопытствовать. Двое щёголей, бывших только что в таверне, обнажив шпаги, атаковали двоих ещё более пьяных бродяг, один из которых, увидев, как упал его приятель, пустился наутёк. В переулке не было никакого освещения, кроме луны, и бедолага бежал, натыкаясь на столбы и заборы. Мегеро и не думал вмешиваться, дело обычное – пьяная драка. Но в это время один из молодых людей, видимо, разгорячённый одержанной победой, грубо окликнул его:

– Эй, сударь! Может, вы тоже что-то хотите сказать нам? Тогда мы к вашим услугам!

– Оставь его, Хуан! Разве ты не видишь, это конюх с постоянного двора. И похоже, что он немой! – воскликнул второй, вкладывая шпагу в ножны, они оба расхохотались.

Щенки часто не могут отличить волка от собаки. Это было серьёзной ошибкой с их стороны, потому что в груди Мегеро горел огонь, который не давал ему покоя, и Клещ не был бы Клещом, если бы он стал дожидаться, когда его ещё раз оскорбят или ударят.

Он молча приблизился к франту, у которого шпага оставалась в руке, и нанёс молниеносный удар, проткнув его насквозь, второго тут же ударил по голове. Иногда достаточно просто убить человека, чтобы не считать себя оскорблённым. Мегеро был уверен, что удар из-за угла лучше смывает оскорбление, чем дуэль по каким-то дурацким правилам. Не прошло и минуты, как двое валялись у его ног. Он снял перстни с пальцев обоих, срезал кошельки с поясов и, вернувшись во двор таверны, вскочил на коня. Теперь пора было уезжать.

14. РЕКОМЕНДАЦИЯ ШТУРМАНУ ПЕРЕЙРО

Расставшись ещё с одной золотой монетой, Клещ миновал стражу у городских ворот и пришпорил коня. Не так уж плох оказался мерин. Отдохнувший, он бодрой рысью нёс всадника вдоль пригородных полей, и прохладный ночной ветер обдувал горячую голову Мегеро. Ночная дорога была приятней дневной поездки. Встретить искателей чужого золота и своих приключений он не боялся. При нём была шпага и пара заряженных пистолетов на кожаном ремне. Так что к утру он благополучно вернулся в Порто-Рибера и, подкрепившись в таверне «Семеро псов», не отдыхая, направился в порт. Теперь он уже знал, о каких кораблях ему нужны сведения и стал обходить всех, с кем уже познакомился, чтобы поболтать о новостях. На дядюшку Хончо он, конечно, рассчитывал, но и сам сидеть, сложа руки, не собирался.

Видимо, день не задался с самого начала. Уже подходя к гавани, он встретил Рафаэля Бюркеля в сопровождении двух солдат. Проклятый таможенник уже очухался и снова занялся своими делами. День свадь-

бы дочери приближался, и Бюркель был весь погружён в хлопоты.

Мегеро не боялся, что его опознает кто-то из матросов или солдат. Простому человеку нужно обладать отчаянной смелостью, чтобы выдать морского разбойника. Каждый желает продлить свои дни и хочет, чтобы его семья была в безопасности. А если донесёшь на кого-либо из этих молодцов, то за твою жизнь не дадут и затёртого мараведи.

Но начальник стражи оконфузивших его пиратов прощать не собирался. Ведь в понятии Рафаэля Бюркеля честь и репутация – это поклонение и уважение к нему, Бюркелю. И Арно, не боявшийся ни сабли, ни пули, в душе всё-таки ощутил тот неприятный холодок, который он помнил с того момента, когда ещё матросом забрался на бушприт, чтобы поправить фок-стаксель*, и увидел, как в десяти футах под ним резвятся акулы. Виселица была гораздо неприятнее морского хищника, поэтому он надвинул шляпу на лоб, закрывая шрам, и отвёл взгляд. В порту было много всякого народу, и начальник стражи не обратил внимания на Клеща, ведь тот всё же сбрил бороду и изменил костюм.

Проведя полдня в порту, Мегеро нашёл в слухах, ходивших среди моряков, подтверждение того, что ему сообщил Хончо, но не более. А старый лоцман вечером рассказал ему новые подробности, что узнал от приятелей, которых у него было столько, сколько не было народу во всём Порто-Риберо.

– Арно, болтают разное, – начал дядюшка Хончо, – но я сначала скажу, что узнал от бывшего боцмана Ренато. Я тебе о нём говорил – тот, у которого племянник служит в ратуше.

Алонсо Контрерас готовит эскадру из четырёх ко-

раблей. И одно судно будет снаряжаться в нашем порту. Куда пойдёт эскадра, толком никто не говорит. Ты сам знаешь, что это иногда даже моряки узнают только перед экспедицией. Слышал я, что может быть – на Мадагаскар. Только, что-то не похоже. Думаю, тогда бы корабли отправлялись из Ла-Коруньи*. Другой слух – корабли пойдут на восток с разведывательной миссией: узнавать о продвижениях османской эскадры, которая каждый год по островам архипелага собирает дань султану. Иногда доходит до Сицилийского пролива и совершает набеги на христианские берега.

Другие говорят, что эскадра пойдёт на запад, чтобы наказать берберских* пиратов, что совершают набеги с севера Африки. Они многие наши прибрежные города и деревни разорили. Людей увозят в рабство. Говорят, у короля терпение кончилось, вот он и снаряжает экспедицию. Куда пойдёт корабль, можно точно узнать позднее, по количеству провизии, когда судно будет вооружаться и готовиться в рейс.

– Разрази меня гром, если мне интересно, куда пойдёт дон Алонсо Контрерас! – бурно отреагировал Мегеро. – Мне важно, куда пойду я! Отлично. Отлично, Хончо! Готовься, Бульен! Это наш шанс. – Клещ воодушевился. Глядя на него, можно было подумать, что корабль отходит завтра, а он уже на капитанском мостике.

Чутьё подсказывало, что дело по нему. Опыт флибустьерской жизни приучил его, что в любом деле есть элемент авантюры. Но он должен быть не настолько велик, чтобы подвергать свою шкуру неоправданному риску, но и не настолько мал, чтобы за дело было стыдно братья уважающему себя корсару.

Через неделю Мегеро встретился с монахом в та-

верне «Семеро псов». Тот привёз обещанную бумагу. Клещ отдал кошелёк с золотыми монетами и стал читать, шевеля губами. Рекомендательное письмо на имя штурмана Арнольдо Перейро было от дона Фернандеса Эстебано, бывшего капитана галеона* «Нуэстра Сеньора де Аточа».

Мегеро поднял глаза на монаха:

– Но этот галеон затонул, идя с грузом из Гаваны!**

– Да, брат Арнольдо, но дон Фернандес уже к тому времени жил в своём имении. К тому же он никогда не командовал кораблём, он был капитаном солдат на этом галеоне.

Клещ дочитал до конца рекомендательное письмо:

– Дьявол... Э-э-э... Прости, Господи! – Клещ сделал вид, что перекрестился. – Прах меня побери! Если бы ко мне пришёл человек с такой бумагой, я бы взял его, не раздумывая. Бумага иногда бывает важнее мушкета, чтоб я сгорел! Но, брат Лукас, а если капитан, к которому я обращаюсь, лично знаком с этим доном Фернандесом? Что если он захочет навести справки?

Монах почесал свой сизый нос:

– Дон Фернандес уже слышит зов Господа, он часто пребывает в беспамятстве. Я его исповедовал, когда он приходил в себя. Это безобидное письмо он подписал в присутствии наследников и с их разрешения. Ему даже показалось, что он помнит тебя в должности сержанта...

– Благодарю, брат Лукас, если я когда-нибудь постригусь в монахи, то приду в ваш монастырь!

– Благое намерение, проводить время в служении Господу и молитве. Только молитвой можно очистить душу...

– Трудно возразить тебе. Очистить душу, конечно, можно. Только молитва мяса не даёт. Для этого нужна

свинья. Именно это обстоятельство меня пока смущает.

– Что же выходит, брат мой, «волк наелся мяса, да в монахи подался...»? Дьявол всех нас, грешников, смущает, а Господь испытывает. Добродетель имеет много поклонников, но мало последователей. Никто не может знать, что будет завтра, брат мой. Если Господу будет угодно, то и я, грешник, ступлю на корабль и отправлюсь миссионером обращать дикарей в веру Христову...

– Неблагодарная это работа, брат Лукас! Имел я дело с этими дикарями, и с красными, и с чёрными, не к ночи будь помянуты. Не крестил их, конечно, но в божьи пенаты отправлял. По-моему, так Бог их создавал отдельно от нас..., – антипатия Клецца к дикарям объяснялась просто, ведь он совсем недавно в Западной Африке имел возможность убедиться, что «чёрное дерево» превращать в золото, не такое уж прибыльное дело, по сравнению с обычным грабежом.

Положив бумагу за пазуху, Мегеро отправился к дядюшке Хончо.

15. ПОМОЩНИК КАПИТАНА

Дни тянулись медленно, но вот наконец Мегеро узнал – в Порто-Рибера заходит корабль «Эсперанса» под командованием капитана Гарсиа Карлоса. Трёхмачтовая каравелла-редонда вошла в порт и встала у причала для подготовки к походу.

Мегеро принялся наводить справки о капитане и готовиться к визиту на судно. Он принял все меры, чтобы произвести благоприятное впечатление на командира корабля, учитывая то, что ему рассказали моряки о характере Карлоса.

А узнал он, что Гарсиа Карлос, будучи в подпитии,

однажды сказал кое-что лишнее при командире эскадры. Ром, как известно, молчит, пока бутылка закрыта. Но как только уровень жидкости в ней начинает опускаться, из-за того, что пробку часто вытаскивают, то выпитый ром начинает говорить вместо хозяина бутылки.

В результате капитан Карлос был назначен командовать самым маленьким из кораблей флотилии – слабовооружённой каравеллой, роль которой определялась, скорее, как вспомогательная.

Итак, Клещ привёл костюм и себя в порядок. Сделав над собой усилие, исключил на время из словаря матросские выражения и надел на палец перстень с сапфиром. Как известно, иногда перстень на пальце может сделать больше, чем шпага в руке. Он знал, что команда набрана едва ли наполовину, поэтому и рассчитывал, что им с Дуболомом удастся попасть на судно.

Не рано и не поздно, а как раз в то время, когда завтрак уже давно прошёл, а мысли об обеде ещё не посещают занятых делом людей, Мегеро поднялся по трапу на борт и, обратившись к вахтенному матросу, велел доложить, что офицер Арнольдо Перейро просит капитана его принять. Через две минуты матрос вернулся и, махнув рукой в сторону кормы, сказал, что капитан ждёт у себя.

Мегеро шёл, внимательно осматривая судно. Весь корпус каравеллы, все его детали были выполнены из дуба. Это был старый корабль. Он понимал, почему каравелле назначено быть вспомогательным судном: прямые паруса на грот-мачте и фок-мачте* давали хороший ход при попутном ветре, а косой парус на бизани* делал её очень маневренной. В то же время небольшая осадка позволяла заходить в реки или

швартоваться там, где галеону или каракке* и близко не подойти. При её слабом вооружении, роль основного корабля ей никак не подходила. Только разведка и посыльный корабль.

В каюте капитана Карлоса пахло ароматической водой и ромом. Клещ снял шляпу и назвал себя.

– Дон Гарсиа, будучи наслышан о вас, как о мужественном солдате и талантливом морском капитане, зашёл представиться, – Мегеро знал, что лесть, как и духи, создаёт приятную атмосферу и переборщить не боялся.

Капитан, не вставая, кивнул головой и предложил сесть:

– Готов выслушать вас, Арнольдо Перейро, – хмуро сказал капитан.

– Я моряк, был на берегу несколько месяцев. Приезжал навестить больного отца. Теперь же, когда душа его в руках Господа, хотел бы вернуться на службу, – Арно протянул капитану рекомендательное письмо. – Я много лет пробыл в Вест-Индии. Дон Фернандес Эстебано, пожалуй, здесь единственный, кто хорошо знает меня по службе.

Капитан развернул и внимательно прочёл письмо. Поднял глаза на Клеща:

– Как здоровье дона Фернандеса?

– Худо, дон Гарсиа. Как бы он не отправился на небо вслед за моим отцом, – Мегеро переложил шляпу в другую руку и перекрестился, закатив глаза в потолок. Капитан скосил глаза на блеснувший на пальце сапфир.

– Я наслышан о нём, хоть и не имел чести быть знакомым лично, – уже более задушевым голосом продолжал капитан. – Что же вы умеете делать на корабле?

– Знаком с корабельной артиллерией, умею пользоваться астролябией*, лагом* и лотом*, вычислять местонахождение и прокладывать курс корабля, приходилось быть шкипером* и водить абордажную команду, – бодро отвечал Клещ. И здесь он говорил самую правду.

– У меня уже есть штурман. Предлагаю вам обойти сейчас судно в компании со мной, потом мы будем говорить дальше. Не подумайте, что устраиваю вам экзамен, но всё-таки... Дело в том, что список офицеров я должен представить генерал-капитану* эскадры дону Алонсо Контрерасу. Это его приказ.

Когда он говорил, Клещ понял, откуда запах рома. А ароматической водой пахли кожаные перчатки капитана, что лежали на столе. Некоторые щёголи так старались избавиться от запаха плохо выделанной кожи.

Беседуя, они обошли корабль, задержавшись у орудий. Их было двадцать, но в это число входили также вертлюжные* пушки и фальконеты с длиной ствола не более трёх футов – по сути тяжёлые стационарные мушкеты. Когда вернулись в каюту, дон Гарсиа уже принял решение:

– Я говорил, штурман у меня есть. Предлагаю вам место моего старшего помощника. Сейчас нужно заниматься подготовкой к рейсу: провиант, порох и прочее. Если согласны, завтра подписываем бумаги и приступайте к исполнению обязанностей. Кстати сказать, нам нужно ещё несколько матросов и канониров.

Арно Мегеро еле сдержался, чтобы не улыбнуться. О лучшем он и мечтать не мог. Он бы согласился и старшим матросом, не то что помощником капитана. Наконец-то удача улыбнулась ему!

16. «ЭСПЕРАНСА» ГОТОВИТСЯ К ПОХОДУ

На следующий день Мегеро уже приступил к исполнению обязанностей, которые определил ему капитан. Они были достаточно широки, тем более, что судно снаряжалось в рейс.

Куда готовится идти «Эсперанса», знал только дон Карлос. Куда она действительно пойдёт, знал только Мегеро. Он со всем старанием отнёсся к вооружению судна, ведь предстояло пересечь Атлантику. Потому должен быть запас провианта, с учётом резерва, на полтора месяца. И если ошибка в один-два дня с продуктами была не очень страшной, то с водой и пушечными зарядами ошибаться было нельзя. Поэтому Клещ тщательно сверял со списком всё, что принимали на борт, и если вносил коррективы, то только в сторону увеличения.

Боцман «Эсперансы» Бернар Грассо удивлялся, зачем столько воды, ведь её запасы можно пополнить в любом порту. Но Арно пресёк возражения, сказав, что бочки могут и потечь. Грассо за свою двадцатилетнюю службу на море вспомнил только один случай, когда протекла бочка, да и то с ромом. Чтобы боцман не предавался воспоминаниям, новый помощник капитана отправил его проверить запас парусины, надёжно ли закреплён такелаж и как матросы выдраили палубу.

Мегеро, не доверяя интенданту, проверял, сколько привезли галет и солонины, рису, сыру и солёной рыбы, сколько загрузили бочек с оливковым маслом, с ромом, с вином. Он лично проверял, какое количество зарядов с порохом, мешков с картечью и ядер поступило на корабль.

Капитан Гарсиа Карлос первые два дня наблюдал за своим помощником, потом, видя его усердие и стрем-

ление вникнуть во все мелочи, решил, что Бог послал ему опытного первого лейтенанта и занялся на берегу нанесением визитов вежливости знакомым мужчинам и незнакомым дамам.

Арно Мегеро был кровно заинтересован, чтобы каравелла как можно лучше была подготовлена. Никто так эффективно не может контролировать мошенников, как более опытный мошенник. Обнаружив в одной из подвод, прибывших на причал, галеты с плесенью**, он рассердился не на шутку и обрушился с бранью на приказчика, что был при обозе:

– Негодяй, ты хочешь, чтобы мои матросы ели гнилые сухари, которые даже крысы жрать не будут?! И это за деньги, что тебе платят из королевской казны?! – Клещ выхватил из-за пояса шпагу и, не вынимая клинок из ножен, что есть силы огрел приказчика по спине. – Немедленно отправить обратно эту телегу! Вместо неё, мерзавец, привезёшь две с хорошими сухарями! Или я тебя пристрелю прямо на причале, сефардское отродье!

Только вор может поймать вора, и только закон может его оправдать, поэтому новый помощник капитана пытался наводить порядок с помощью шпаги и пистолета.

Присутствовавшие при этой «беседе» матросы переговаривались:

– Ты видишь, Педро, каков первый лейтенант? Это прямо зверь! У приказчика, по-моему, не только камзол на спине, но и шкура лопнула, когда он его огрел!

– Ещё бы! Если капитан – первый после Бога, так он считает себя вторым. С другой стороны, разве ты согласен есть хлеб с плесенью? Лишь бы он матросов так не драл. А то будет у нас на судне, кроме боцмана, ещё один дракон.

– Матросов он не трогает... Кроет, правда, последними словами, как будто не офицер, а пират какой-то!

Клещ не оставлял без внимания и комплектование команды. Это было для него ещё важнее. Он сказал Дуболому, когда нужно явиться на корабль. Следом за Бульеном на «Эсперансу» пришли пять матросов, которых Мегеро подобрал по рекомендации дядюшки Хончо.

Клещ сам проверил все пушки «Эсперансы», чтобы в стволах не было гари, а на ядрах – ржавчины, и на следующий день, желая польстить капитану и пустить пыль в глаза, продемонстрировал ему, как работает команда пушкарей по подготовке орудий к бою, представив Бульена, как опытного канонира. Собственно, так оно и было.

Довольный тем, что команда укомплектована полностью, дон Гарсиа Карлос назначил Педро Бульена мастером-канониром. Так Дуболом занял унтер-офицерскую должность.

Последнюю штатную единицу в команде заполнил сам капитан. Он привёл на корабль сухощавого молодого человека с длинными волосами и короткими тёмными усами. В руке его был кожаный саквояж.

– Знакомьтесь, Перейро, это наш лекарь Даниель Рут. Несмотря на молодость, имеет опыт. Он был полковым врачом...

Клещ кивнул головой и, желая узнать побольше о новом члене команды, сказал:

– Осмелюсь заметить, господин капитан, что между полковым врачом и судовым лекарем есть небольшая разница.

– В чём же?

– Полковой врач не ходит на абордаж**...

– Это верно! Что скажете, Даниель Рут? Мой первый лейтенант – искушённый моряк.

Лекарь пожал плечами:

– Конечно, я не ходил на абордаж. Я вообще не служил на кораблях. Но я был на войне, из мушкета стрелять приходилось и шпага всегда при мне.

– Отлично, Рут! Всё приходит с опытом, освоите и эту премудрость.

17. ПРОЩАНИЕ

День отправления в рейс приближался, каравелла была готова сбросить швартовы*. Дон Гарсиа Карлос ждал пакета от дона Алонсо Контрераса, на которого он был обижен, так как считал, что заслуживает более высокой должности. Три других корабля флотилии, в том числе флагманская* каракка генерал-капитана, вооружались в других портах. Заносчивый Карлос видел себя вторым лицом после Контрераса – адмиралом эскадры, поэтому он и относился несколько халатно к своим обязанностям капитана маленькой каравеллы, чем в полной мере воспользовался Мегеро.

Он никак не афишировал своё близкое знакомство с Бульеном, которому поручил прощупать экипаж, чтобы узнать, кто к ним присоединится, когда они сместят капитана. Дуболом с пятью товарищами начали вести осторожные разговоры с матросами и канонирами из сборного экипажа «Эсперансы».

Мегеро ждал удобного случая. Поскольку каравелла перед отходом должна взять на борт солдат, надо было сняться с якоря до этого момента.

– Кроме наших пятерых, ещё человек десять, на которых можно положиться. Не подведут. – докладывал Клещу мастер-канонир Бульен. – Есть также десяток людей боцмана, преданных Бернару Грассо. Эти на

бунт не пойдут, придётся их – за борт. Ещё есть несколько дураков, с которыми и говорить опасно, не поймёшь, куда повернут...

– Если хотим иметь большинство, нужно, чтобы все дураки пошли за нами. Можно говорить им что угодно, и совсем не обязательно правду. Кого за борт, а кого – на рею, это я решу. Лучше придумать, куда бы их отправить на время...

Клещ знал, что говорил, уговорить дураков Бульен мог запросто. Они были на одной волне.

В тот день Мегеро успевал везде. Лошадь, которую капитан выделил ему на время подготовки судна, была в мыле. Он организовал посылку от неизвестных «друзей» дона Гарсиа, в которой было несколько бутылок ямайского* пряного рома.

Капитан угостил сначала боцмана, убедившись, что ром можно пить, начал пробовать сам. Вечером, когда капитан «Эсперансы» крепко уснул,

Мегеро распорядился отпустить на берег боцмана с его людьми. Он напутствовал Бернара Грассо:

– Боцман, вероятно завтра придёт пакет от генерал-капитана, будем сниматься с якоря. Поэтому сегодня можно отдохнуть. Есть возможность части экипажа сходить на берег. Возьми с собой матросов, которые это заслужили. Но только не из числа тех, что ходят в кабаки исповедоваться, а в церковь – вздремнуть. Чтоб пьяные не болтали лишнего, и чтобы к утру были на борту каравеллы.

Второго лейтенанта Мегеро тоже отправил на берег с выдуманным поручением. На судне оставался только вахтенный офицер – штурман «Эсперансы».

Когда боцман со своими друзьями отправился в таверну «Семеро псов», Мегеро приехал туда, что-

бы встретиться с хозяином. Заплатив ему, распорядился:

– Морякам на стол выставишь ром, каждому по бутылке. Да смотри, чтоб ром был крепок и горел.

– Господин офицер, от кого ром, если спросят?

– Скажешь, от друзей.

К вечеру на корабле оставались, в основном, люди, готовые идти за заговорщиками. Остальных Клещ решил силой заставить примкнуть к ним или убить.

Ближе к ночи, когда у мятежников всё было готово, Арно, отдав последние распоряжения Бульену, снова вскочил на лошадь и помчался в таверну «Белая акула». Ему не удалось дотянуться до денег Ровьезанского монастыря, но кубышку своей сестры Луисы, он всё-таки хотел проверить...

Если, кто-то сомневается, заслужил ли Дуб своё прозвище, то напрасно. Он не задумываясь мог рискнуть большой целью из-за мелкой привычки. Потому, как только Мегеро на своей лошади скрылся в конце пристани, Пит Буль решил, не теряя времени даром, запастись в дорогу толикой доброго вина. Предупредив вахтенного офицера, что ему надо отлучиться на полчаса, он спустился по трапу и отправился к ближайшему торгашу, чья лавка была недалеко от причала. Благополучно совершив столь необходимую покупку, он взял кожаный бурдюк с красным вином и собирался покинуть лавку.

Начальник таможенной стражи Рафаэль Бюркель, по прозвищу Пустоголовый, в это время, на беду Дуболома, обходил с ревизией территорию порта. Подобные инспекционные походы он практиковал с завидной регулярностью, потому как считал, что о себе надо напоминать чаще. Ведь от этого была двойная польза:

улучшалось благосостояние Бюркеля и страх перед таможенной стражей воспитывал уважение к власти. По известному закону пересечения случайностей он зашёл в эту же лавку и носом к носу столкнулся с Бульеном. Даже если бы начальник стражи был дважды контуженным и трижды пустоголовым, не узнать Дуболома он не мог.

Бюркель вытаращил глаза и заорал двум солдатам, что были у него за спиной:

– Взять его!!

В тесноте лавки солдаты стражи не успели даже выхватить сабли, как Дуболом расшвырял их по сторонам, Бюркель благоразумно убрался сам с дороги великана, забившись в угол. Дуб выскочил на крыльцо, прижимая к животу бурдюк с вином, но тут на его беду стояли ещё четверо из сопровождения начальника стражи. Направив свои мушкеты прямо в грудь верзи-лы Питера, они вынудили его остановиться.

Стражники дружно навалились на Бульена и скрутили ему руки за спиной сыромятными ремнями...

В это время подъезжавший к таверне Клещ к своему удивлению не увидел света в окнах. Когда постучал в дверь, услышал голос щекастого Леона:

– Кто там?

– Открывай, это Арно Мегеро!

Слуга дверь открыл и сразу доложил:

– Господин Мегеро, хозяйки нет.

– Где же она? Я так хотел попрощаться, – Мегеро, не поверив слуге, оттолкнул его и отправился наверх.

– Господин Мегеро, хозяйка не велела никого пускать!

Клещ выхватил шпагу, резко повернулся и приставил клинок к горлу Леона:

– Ах ты, мерзавец, ты не пускаешь в дом брата своей хозяйки?

– Что вы, что вы!

У Леона затряслись щёки. Он понял, что лучше молчать. Клещ взбежал на второй этаж. Дверь в спальню Луисы была заперта. Ударил её плечом. Бесполезно. Такую дверь без инструмента мог сломать только Бульен. Снова спустился вниз.

– Эй, – окликнул слугу. – Куда ушла Луиса?

– Я не знаю, сударь. Она ничего не сказала. Взяла саквояж и уехала...

– Какого чёрта! – выругался Клещ. – А ну, иди сюда!

Он схватил слугу за ворот и обшарил карманы. Найдя в его кармане ключ, спросил:

– Это от её комнаты?

Леон затряс головой. Клещ отпустил ему затрепещину:

– Что же ты молчал, негодяй?

– Спасибо, господин Мегеро...

– За что «спасибо», дурак?

– За то, что у меня будут синяки. Если Луиса узнает, что я добровольно отдал вам ключ, мне несдобровать!

– Ты что же, мерзавец, бываешь у неё в спальне?

– Только с её разрешения...

– Чёрт меня побери! Моя сестра сожительствует со слугой, грех-то какой! Видно, мирской путь её окончательно разошёлся с добродетелью. Что скажут мои друзья, священники-францисканцы?! – воскликнул Клещ и снова устремился на второй этаж.

Открыв дверь, ворвался в спальню сестры и бросился под кровать. Железный сундук, стоявший там не был заперт. Клещ, открыв крышку, убедился, что он пуст. Это привело его в ярость. Луиса опять упредила. Какое чутьё у этой ведьмы!

Спустившись вниз, он кинжалом взломал шкаф, тот самый, что опустошил десять лет назад.

– Что вы делаете!?! – закричал Леон.

Обозлённый неудачей, Клещ развернулся и свалил его ударом кулака в лицо:

– Заткнись, сын свиньи и монаха!

Из шкафа он выгреб около трёх десятков дублонов. Он не любил огорчать родственников без какой-либо, пусть маленькой, выгоды для себя.

– Хоть что-то на память о бедной Луисе, падающей в бездну греха!

Леон, очухавшись, стоял на карачках и стонал:

– Что я скажу... Что я скажу хозяйке?

– Скажи ей, мерзавец, что я получил офицерский патент и уехал на войну. Когда вернусь, воткнув копьё в землю Фландрии, я в этой таверне размещу роту солдат на постой. Вспомнит она, сколько мне должна! Ведь платить по долгам – это дело чести!

Арно, немного успокоившись, рассовывал монеты по карманам:

– Правда, не знаю, приносит ли какую-нибудь честь взыскание долгов....

Мегеро налил себе вина.

Леон перестал размазывать кровь по щекам:

– Как же так, целую роту? А кто будет платить?

– Кто? – переспросил Клещ, потягивая вино. – За солдат платит королевская казна. Конечно, не сразу. Но ты объясни ей, что надо любить и ждать. Любить короля и ждать, когда он заплатит. Всё, – Мегеро стукнул кружкой по столу. – Труба зовёт!

Он вышел на улицу, вскочил на лошадь и пустил её в галоп. Так Клещ второй раз простился с родным домом.

18. «ЭСПЕРАНСА» ВЫХОДИТ В МОРЕ

Самонадеянный Бюркель опять допустил ошибку. Решив, что теперь проклятый пират никуда не денется, он оставил четверых своих солдат забрать товар из лавки, ведь это главное! А сам в сопровождении двух стражников повёл Бульена в сторону ратуши. Дуболом понуро вышагивал по пристани, будучи не в состоянии даже пошевелить руками и вспоминая поговорку товарищей по Береговому братству – «случайная пуля не промахивается». Руки были связаны весьма профессионально, и бедолага уже смирился с тем, что «Эсперанса» уйдёт в море без него.

На пристани, освещённой тусклым светом фонарей, раздался дробный топот копыт. К процессии, возглавляемой Бюркелем, приближался всадник. В голове Дуболома это не вызвало никаких ассоциаций, он был в подавленном состоянии духа, в голове Бюркеля – тем более, он торжествовал.

Мегеро, обладал способностью быстро принимать решения в подобных ситуациях. Не потому, что мысли его были быстры, а в силу своей природной интуиции. В такие моменты у него случался лёгкий приступ безумия, а это безумие в стычке всегда даёт преимущество внезапности. Не успел начальник стражи и глазом моргнуть, как оказался под копытами коня. А Клещ, не успев ещё расплескать всю ярость после неудачной попытки завладеть кубышкой Луисы, вновь был приведён в бешенство – на грань срыва было поставлено предприятие, которому он отдал столько сил и времени. Он нанёс два жестоких удара шпагой в лица сопровождавших солдат. Спрыгнув с лошади, разрезал ремень за спиной Дуболома и со злостью пнул его что было силы в зад тяжёлым сапогом:

– Вперёд! На место, идиот!

Бросив лошадь тут же на причале, Арно Мегеро бросился бегом вслед за Питером на судно. Вбежав по трапу на каравеллу, направился в каюту капитана. Убедившись, что Карлос там, запер каюту и прошёл на мостик к вахтенному офицеру.

– Перейро, это вы..., – только и успел сказать штурман. Как ящерица на солнце, в свете фонаря блеснула шпага. Офицер рухнул, сражённый ударом стального клинка.

– Всем наверх! – крикнул Клещ Бульену. – Пошевеливайся, якорь тебе в глотку! Убрать трап! Отдать швартовы!

Дуболом гаркнул на матросов, те метнулись, как овцы, услышавшие рык пастушьего волкодава. Некоторые из них ещё не понимали, почему отходят без боцмана.

– По местам стоять! – продолжал командовать отходом Мегеро. Он сам стал за штурвал, матросы бросились к парусам. Бульен их подгонял. При свете луны в полной тишине мятежный корабль вышел из бухты и покинул акваторию порта. Впереди было открытое море. На счастье пиратов ветер был с материка. При лёгком норд-осте каравелла шла в фордевинд* и к рассвету «Эсперанса» уже была в пятидесяти милях от Порто-Риберо.

Клещ быстро сделал расчёты – при благоприятных условиях через двое суток они должны были выйти в океан. Но предстояло ещё разобраться с пленниками. И здесь, несмотря на свою природную жестокость, Мегеро решил не идти на поводу у Бульена, который предлагал казнить Гарсиа Карлоса. И дело вовсе не в приступе жалости или доброты, для Клеща не существовало доброго и злого, позорного и славного, чест-

ного и бесчестного – для него было только выгодное и невыгодное. Он не знал, как отреагирует команда, которая ещё не была с ним в бою и не повязана ни золотом, ни кровью. Проще было высадить бывшего капитана где-нибудь на Марокканском берегу, а там пусть он хоть сдохнет.

Утром главарь мятежников Клещ вошёл в каюту дона Гарсиа Карлоса – бывшего капитана «Эсперансы». Тот уже понял, что произошло и был готов к самому худшему. При всех своих недостатках, трусом он не был, и встретил Мегеро гневной тирадой:

– Вы понимаете, что обрекли на виселицу не только себя, но и этих несчастных? Рано или поздно вас всех схватят!

Он не догадывался, что его судно отправлялось на другой край света.

– Дон Гарсиа, подумайте лучше о себе! Эти несчастные сами за себя решили. А теперь они решат, болтаться вам на рее или пулю получить, если вы будете держать себя с тем же высокомерием! – Клещ положил руку на рукоять пистолета.

– Если ты, негодяй, думаешь, что я испугался угроз предателя, то ты ошибаешься! – Карлос встал со стула.

– Успокойся, бывший капитан! С «негодяем» я ещё соглашусь, но предателем никогда не был. Это также верно, как то, что я не присягал ни вашему королю, ни тебе, дон Гарсиа. А тот контракт, что мы подписали, можешь сожрать от злости, если это тебя успокоит. Я такой же Перейро, как ты – Филипп Четвёртый*!

Мегеро вышел из каюты и снова запер её. В это время вахтенный матрос ударил в рынду и пробил восемь склянок, Клещ поднялся на мостик и велел Бульену свистать всех наверх.

Перед ним стоял поредевший экипаж «Эсперансы» – двадцать девять человек, все кроме Карлоса и лекаря Даниеля Рута, которого тоже заперли в каюте от греха подальше.

– Так вот, ребята, захватив этот корабль мы все заключили контракт. Не с капитаном, не с королём, не с Богом и не с дьяволом. Мы заключили контракт между собой, что будем командой. Свободной командой! Отныне мы живём по законам Берегового братства. А потому первое, что мы должны сделать – выбрать капитана!

Клещ отлично понимал, чтобы командовать этими, пренебрёгшими королевским законом людьми, ему нужно их согласие. Хотя бы формальное. Он, конечно, и мысли не допускал, что кто-то, кроме него, будет командовать захваченным им кораблём. И любого, кто хоть намёком выскажет это намерение, он готов был тут же изрубить на куски. Но ему нужно было соблюсти ритуал, чтобы никто не смог обвинить его потом в нарушении этих самых «законов» Берегового братства, на которые он так любил ссылаться, потому что мало кто знал, что это за законы. И уж тем более, никто не мог их толковать. Такое право обычно предоставлялось выбранному капитану, и Мегеро старался внушить новой команде, что как в лесу самые главные законы – это законы джунглей, так и в море – пиратские.

– Никаких капитанов нам не надо, кроме капитана Клеща!! – рявкнул Бульен и ему тут же вторили два десятка глоток. Это были те матросы и канониры, что поддержали мятеж. Остальные, хоть и без восторга, согласились. Понимали, что деваться им некуда. Молча стоял высокий худой канонир с длинным носом и угловатыми бровями. Когда стих шум одобрения, он обратился к Мегеро:

– А как быть тем, кто не хочет подписывать никаких контрактов?

Арно был готов к тому, что не все так легко согласятся ступить на опасную дорогу морского разбоя. И хотя возражений в принципе не терпел, всё же решил показать всем, что каждый волен выбирать свою судьбу.

– Как зовут тебя? – спросил вновь избранный капитан пиратов.

– Меня зовут Элазар...

– Ты должно быть понимаешь, что три десятка человек, которые выбрали свой курс, его не изменят, чтобы вернуть тебя в Порто-Рибера к твоей жене...

Матросы засмеялись.

– ...Всё, что я могу, это высадить тебя на берег. Но там, где это будет удобно нам, но не тебе! А, впрочем, у тебя есть время подумать.

Худой канонир больше вопросов не задавал, но Мегеро его хорошо запомнил.

– А куда мы идём, капитан? – спросил один из матросов. – По-нашему разумению, команда это должна знать! – он повертел головой вокруг, ища поддержки товарищей. Те одобрительно загудели.

– Мы идём за золотом! И будь я проклят, если в трюмы «Эсперансы» через пару месяцев не потекут золотые монеты. Я был совсем пацаном, когда попал на французский капер, но я хорошо запомнил свой первый приз. Мы распотрошили голландского купца, и моя доля была – полная шляпа серебряных монет. А ведь я был всего лишь младший матрос...

– Капитан, а где сейчас эта куча серебра? – опять закричал матрос, крутя головой и подмигнув неизвестно кому.

– Не сойти мне с этого места, если сойду, ребятаки!

Эти монеты давно у трактирщика и тех весёлых девок, что несут свою вахту в тавернах!

Снова раздался оглушительный хохот, теперь уже смеялись все.

– С тех пор мне довелось ходить на разных каперах: испанских, французских, английских. Но лучшее время было, когда капитан прекращал отдавать львиную долю сухопутному разбойнику – королю, и поднимал на гроте чёрный флаг, тогда все подряд купцы были наши. Клянусь, были случаи, когда торговые суда отдавали нам четверть своего груза сразу же, как только замечали на грот-брам-стенге «Весёлого Роджера»! Ребятки, мы идём в Вест-Индию, на Карибы, куда не дотягивается власть короля, а власть Бога милостива, как говорит мой приятель, брат Лукас, потому что на одном корабле приходится служить католикам и протестантам, гугенотам и мусульманам, и даже безбожникам!

Вот так капитан Клещ воодушевил свою команду. Распорядился Карлоса запереть в одном из тесных кубриков и занял капитанскую каюту, где и приступил к исполнению главной капитанской обязанности – он стал думать.

19. СУДОВОЙ ЛЕКАРЬ

Думал Арно Мегеро о том, что несмотря на сокращение экипажа, провианта хватит едва ли на месяц. А нужно было минимум дней на сорок. Он вспомнил, чему учил его покойный папаша, и легко рассчитал потребное количество продуктов и воды. Надо было перед выходом в океан эти запасы, так или иначе, пополнить. Для этого как нельзя лучше подходили Собачьи острова, они же Канарские, откуда Колумб совершил свой знаменитый бросок через Атлантику. А туда

нужно заходить непременно под испанским флагом – и смещённый капитан Гарсиа Карлос очень даже мог пригодиться.

Экипажа в настоящем количестве вполне хватало для того, чтобы управлять каравеллой, но явно было мало, чтобы вступать в бой**. Поэтому, пока не придёт на Карибы и не наберёт две-три дюжины опытных морских волков, капитан Клещ ни с кем воевать не собирался. Сколько людей из экипажа будут живы и здоровы, когда они прибудут в Вест-Индию, он тоже мог только гадать. Тут он вспомнил о судовом враче и велел вахтенному матросу привести к нему Рута.

Вскоре лекарь вошёл в капитанскую каюту.

– Как вы себя чувствуете, Рут? – Клещ решил как можно доброжелательнее встретить врача.

– Обычно этот вопрос я задаю своим пациентам, поэтому мне странно его слышать. Тем более от вас. Как вы то себя чувствуете, лейтенант, устроив мятеж на корабле? И что вы собираетесь делать дальше? И вообще, куда идёт «Эсперанса»?

– Как много вопросов, Даниель Рут! И тем не менее, я на них отвечу. Отвечу на все, но только после того, как вы ответите на мой один вопрос.

– Какой же?

– Собираетесь ли вы выполнять свои обязанности на судне? – Клещ смягчил свой голос и налил стаканчик рому доктору и себе.

Рут растерянно заморгал:

– Выполнять обязанности? Очевидно, вы хотели спросить, буду ли я лечить мятежников?

– Пусть будет так, если вам нравится такая постановка вопроса, – на этот раз голос Мегеро стал жёстким.

– Но ведь за это полагается смертная казнь!

– Королевская власть далеко, а смертная казнь вас ждёт здесь, на судне, как только вы перешагнёте комингс этой каюты, и я скажу матросам, что вы отказываетесь их лечить! Поверьте, никто не будет вас держать балластом на судне. Тем более, таким балластом, который нужно поить и кормить. А если вы боитесь испанского правосудия, то я разрешаю вам не брать в руки никакого оружия, кроме хирургического. Так что можете потом сказать королевским судьям, если, конечно, попадёте в Испанию, что вас заставили лечить этих бедняг силой оружия.

Рут задумался.

– А что же будет с доном Гарсиа Карлосом, с нашим капитаном?

– Если он прошляпил судно, валяясь пьяным в своей каюте, то он не капитан. Ни для вас, ни, тем более, для меня. А что с ним будет, я ещё не решил. Мнения команды разделились: одни предлагают отрубить ему голову и скормить акулам, а другие также настойчиво требуют его голову не трогать, иначе не получится повесить тело на нок-рее. Так что я пока решаю эту головоломку.

Даниель Рут поник головой и душой. Он не знал, как поступить.

– Идите в каюту и подумайте до следующего утра. Как только решитесь дать ответ, скажите вахтенному. Я обещаю, что если вы откажетесь, то вам ни отрубать голову, ни вешать не будут... Я просто вас застрелю. Идите!

Судовой врач поднялся и пошёл к выходу.

– Эй, Рут! Вы забыли выпить ром. Рекомендую, это вам сейчас пригодится!

Даниель Рут повернулся, допил стакан и отправился в каюту.

20. ТОРГОВАЯ ШЕБЕКА «ИЗАБЕЛЛА»

К вечеру погода стала портиться, ветер посвежел и гнал волну в три фута. Мегеро ночью спать не ложился, сам руководил предштормовыми манёврами корабля. Но буря прошла мимо. На рассвете был туман, потом видимость улучшилась. Когда он уже собрался уйти в каюту отдохнуть, вперёдсмотрящий заметил парус на горизонте.

Клещ остался на мостике. Незвестный корабль шёл курсом зюйд-зюйд-вест, значит они должны будут разойтись на расстоянии хорошей видимости. Нужно было разглядеть флаг, чтобы определиться, что делать: уклоняться от встречи или отсалютовать, как велит королевский указ.

Когда судно подошло ближе одной мили, Мегеро в трубу разглядел флаг Испании на грот-мачте. Это была трёхмачтовая шебека*. Суда сходились всё ближе, уже стало понятно, по количеству пушек, что это не военный корабль. Пушек было двенадцать. Для боевого корабля это мало, а для торгового – в самый раз. Если канониры грамотные, а на борту многочисленная команда, то любому пирату зубы обломают.

Ещё недавно, не помышлявший нападать на какое-либо вооружённое судно, Клещ ощутил в груди всё тот же огонь азарта. Он, как осторожная кошка, что пытается оценить, справится ли она с крупной крысой, не мог принять решение. Но по мере того, как человек входит в состояние азарта, он выходит из себя. В таком состоянии не верить в удачу и быть пессимистом невозможно. Наступает эдакое лёгкое помешательство в предвкушении крупного куша. А Мегеро в море и так был готов на всё, кроме самоубийства. Всё ж таки это был «купец»!

Он долго смотрел в трубу, наблюдая движение людей на шкафуте* шебеки... Дуболом стоял молча рядом, заранее готовый согласиться с любым решением капитана. Наконец он не выдержал:

– Что будем делать, Клещ?

Мегеро не отрываясь от трубы, процедил сквозь зубы:

– Мне кажется, мы в море, Бульен...?

– Ну...

– ...И команда готова вступить в бой? Или мне кажется?

– Ну...!

– Так добавляй слово «капитан», когда ко мне обращаешься!! – рявкнул Клещ и, оторвавшись от трубы, скомандовал:

– Поднять сигнальный вымпел: «У меня на борту член королевской семьи»!

– Что?! – вытаращил глаз Дуб.

– Выполнять! Быстро! – Мегеро снова поднял трубу.

Бульен относился к таким натурам, на которых команда капитана действовала также возбуждающе, как крепчайший ром на его лужёную глотку. Он, не мешкая, отдал команду своим громовым басом и два матроса помчались на ванты.

Заметив на каравелле сигнальные вымпелы, какие не часто увидишь, на «купце» удивились, но через некоторое время раздался залп. Шебека салютовала из всех пушек. Капитан выполнял королевский указ неукоснительно.

– Вот так рвут зубы, дорогой Педро! Теперь купец будет целую склянку без единого заряженного орудия! Эй, ребята, поднять сигнал шебеке: «Лечь в дрейф!»

До Бульена, наконец, дошло, что придумал его коварный приятель.

– О-го-го! – взревел Дуболом. – К орудиям, канониры! Добыча сама идёт в руки! Такое нельзя упустить!

Мегеро снял шляпу и надел противоалебардный шлем из экипировки дона Карлоса. Корабли сближались.

Несчастный капитан торгового судна всё ещё не понял, во что он вляпался. Корабли, как и люди, не всегда бывают тем, чем кажутся. Матросы его сворачивали паруса, шебека замедлила ход. Тут расстояние между судами сократилось до половины кабельтова* и «Эсперанса» «приветствовала» «купца» залпом из десяти орудий правого борта. Две пушки были заряжены ядрами, они ударили в фальшборт, брызгами полетели щепки. Остальные восемь, фальконеты и вертлюжные пушки, выпалили картечью и смели орудийную прислугу, пытавшуюся ни шатко, ни валко перезарядить пушки, которые для этого надо было ещё откатить от портов. На шебеке началась паника.

Полдюжины абордажных крючьев полетели с разбойничьей каравеллы. Крепкие руки пиратов подтянули корабли борт к борту, и Мегеро, выхватив шпагу, первым прыгнул на палубу торгового судна. За ним со страшными криками устремились остальные. Бульен крикнул низкорослому матросу:

– Хуан, ко мне!

Тот помог ему размотать якорный канат, и Дуболом забросил носовой якорь «Эсперансы» на борт шебеки. Теперь она уже никуда не денется!

Мегеро не изменял своей тактике. Пираты дали залп из мушкетов, после которого уже никто не сопротивлялся. Немногочисленных солдат охраны загнали в трюмы, матросов и пассажиров – на корму. Собственно, и боем-то этот захват судна Клещ не считал.

Торговая шебека «Изабелла» везла шерсть, кожи,

вино и оливковое масло. Мегеро, конечно, не рассчитывал, что такое судно может перевозить золотые слитки. Однако весь этот товар взять на каравеллу он был не в состоянии. К тому же пирату интересно то, что можно быстро продать. Поэтому на «Эсперансу» перенесли чуть более половины бочек и тюков. Зато собрали с судна все ценные вещи, пассажиров обобрали до нитки, вытащив всё из карманов и кают, забрали всё оружие у солдат.

К Мегеро подбежал матрос:

– Капитан, там двое солдат просят к нам в экипаж!

Их привели к Клещу. Молодые солдаты попали в армию против желания, нахлебавшись досыта армейской муштры, теперь захотели хлебнуть разбойной романтики, поскольку на берегу их никто не ждал. Бульен привёл ещё шестерых матросов.

– Нашёл, где матросов вербовать! – выругался Клещ. – Здесь вся команда набрана из пастухов, пеонов* и нищих, дьявол меня заberi! Только с десятков этих олухов выстрелили из мушкетов, когда их судно зацепили крючьями, как беспомощную рыбёшку!

Мегеро всё же спросил у всех, что умеют делать. Потом махнул рукой:

– Экипаж пополнять всё равно надо, валяйте! – решив, что чему-нибудь научатся. А не научатся, так спрос будет с Дуболома.

Через несколько часов, бросив ограбленную «Изабеллу», пиратский корабль устремился к Гибралтарскому проливу.

Судовой лекарь Даниель Рут оказывал помощь раненым. Их было всего двое: один сломал ногу, второму проломили голову.

21. К ОСТРОВУ ТЕНЕРИФЕ

Пройдя при хорошем ветре Гибралтарский пролив, Мегеро взял направление зюйд-вест и проложил курс на остров Тенерифе. Он начал ощущать, что на него наваливаются всей тяжестью повседневные заботы капитана. Та цена, что он платит за власть. С главными обязанностями он справлялся: он мог вести судно в океане и мог вести команду в бой.

Хитрый от природы, с изворотливым умом, владея жестокими методами «кнута» и лукавыми методами «пряника», он мог железной рукой удерживать свору головорезов в подчинении и в рамках того порядка, при котором их можно назвать командой.

Но одного подчинения мало. Если не организована повседневная работа экипажа, то любую дисциплину начинают подтачивать черви недовольства и раздражения. История знает немало примеров, когда корабельная команда не прощала ошибок капитану. Чтобы правильно организовать повседневную жизнь на корабле, капитану Клещу нужны были помощники.

В его экипаже не было человека, который бы выполнял обязанности интенданта, пресекал мелкие склоки, следил за порядком на судне и за ежедневным пайком матросов, который бы, в случае захвата чужого корабля, взял временно на себя функции его капитана, который бы мог грамотно и беспристрастно оценить захваченную добычу и поделить её между членами экипажа, в соответствии с его судовой ролью. Попросту говоря – поделить справедливо, чтобы было как можно меньше недовольных. Потому что не бывает так, чтобы недовольных не было совсем. В этом Клещ убедился, когда сам разделил деньги и ценности с ограбленной «Изабеллы».

Сам Арно Мегеро умел читать карты, вычислять местонахождение судна и прокладывать курс корабля. Но на корабле три вахты, и как минимум три человека, вахтенных начальника, должны кое-что смыслить в шкиперском деле.

На корабле не было даже боцмана. Пока с его обязанностями худо-бедно справлялся Бульен, но у него была главная забота – это корабельные орудия. Такому боцману, как Бернар Грассо, замену найти трудно. Клещ не раз вспомнил слова, которые сказал Дуболому: «Чтобы нас было большинство, вербуй всех дураков!»

Всех людей, что сохранили верность присяге, чьё призвание было море, они оставили на берегу. С ними пошли те, что были верны золотому дублону. Для кого море было ремеслом, а призванием – бунт и грабежи. Теперь всё это предстояло расхлёбывать тому, кто заварил кашу. И Клещ лихорадочно пытался всё это разрешить. Кроме всего прочего, предстояло разобраться с пленниками и с визитом на Тенерифе.

Даниель Рут начал лечить матросов, но деньги брать отказался.

– Я помню, что вы мне сказали, капитан. И выполняю свою работу, чтобы не есть даром хлеб.

У Бульена воспалилась культя ампутированной руки. Рут осмотрел и велел снять крюк, хотя бы на время.

– Кто же вам, Пьер, так варварски закрепил эту железяку? Вы, видимо, так сильно поработали крюком, что повредили предплечье... Так недолго и всю руку потерять!

Он несколько раз намазал предплечье Дуболома своим бальзамом. Руке стало легче.

– Нужно время, чтобы воспаление прошло совсем.

Влажный морской климат этому не способствует. Если бы мы находились в моих родных Альпах, там бы всё зажило быстрее.

Тут они выяснили, что являются почти земляками. Детство Бульена тоже прошло в Альпах. Разговорившись, Рут поинтересовался:

– Что за амулет у тебя на шее, Пьер?

– О, эта штука делает меня в бою заговорённым! Это обломок кинжала, что сломался в моих рёбрах. Если он со мной, то и удача со мной, это вам любой моряк скажет!

Через несколько дней судовой врач смастерил новое крепление для его «протеза» из кожаных ремней и металлических крючков, которое позволяло распределить нагрузку равномерно на всю руку вплоть до самого плеча. Дуболом опробовал крюк и был в восторге:

– Йо-хо-хо! Теперь я могу без абордажного крюка любой борт подтянуть!

На что Рут ему посоветовал без нужды руку не напрягать, время от времени «протез» снимать и мазать руку бальзамом из баночки, которую ему подарил.

Отношения их стали ближе, и Бульен в благодарность обучил лекаря профессии рулевого. Рут часто приходил на мостик во время вахты Дуболома, и они вели долгие разговоры, вспоминая свои Альпы, либо Рут расспрашивал Дуболома о жизни в Вест-Индии. Он всё ещё сомневался, что «Эсперанса» собирается в такую даль. Когда судьба человека круто меняется, и он оставляет привычную дорогу, независимо от того, сам ли он сделал этот выбор, или его к тому принудили обстоятельства, он всё равно ещё долго и с сожалением оглядывается назад. Даниель Рут исключением не был.

– Скажи мне, Пьер, – спрашивал судовой врач, –

если мы не пополним запасы продовольствия, как же отправляться в дальний путь через океан?

– Прах меня побери, доктор! – отвечал Бульен, стоя за штурвалом. – Великое ли дело – нехватка продуктов? Выбирались из передряг похуже! Такая пустяковина нашего капитана не остановит.

– Ну, ладно, допускаю, что без пищи можно неделю протянуть. Хотя, как работать голодным матросам? А без воды? При такой жаре человек через два дня умрёт!

– Воду можно собрать дождевую. А пища, она и в океане есть. Вдруг да попадётся какой-нибудь кораблик. Рыба опять же. Но лучше всего морские черепахи!

– Их что, тоже употребляют в пищу?

– Ого, ещё как! Чтоб мне всю жизнь пить козье молоко вместо рома, если я вру! Я не ел никогда более нежного мяса, чем черепашьё. Особенно на спине, ближе к панцирю. Живучие, они, эти каракатицы! Мы переворачивали их на спину и укладывали их прямо на палубе. Натянем парусину над ними, чтобы солнце их не убило раньше времени, и ничего им не сделается. Ведь им не нужно ни пищи, ни воды!

– И что ж они, долго так живут?

– Да сколько хочешь! Их можно даже по частям есть. Если ей голову не отрезать, то она не умрёт. Вот как я, – Пит Буль поднял свой железный крюк, – мою левую клешню скормили акулам, а мне хоть бы что! – он захохотал, правой рукой поправляя штурвал.

– Самое вкусное у морской черепахи – это печень, – продолжал Дуболом, – и панцирь тоже идёт в дело. Если его выскоблить, он и котелком может служить, и сковородой. Ну а в порту за него можно не один десяток золотых получить. Черепаховые гребни из них

делают... А потом, когда кончаются продукты, крысы из трюмов и от камбуза бегут на палубу. Тут уж не те-ряйся, лови...

– Ты пробовал? – доктор Рут брезгливым не был, но ему трудно было представить, как он ест крысу.

– Бог миловал, но моряки рассказывали, которым приходилось. Да и я бы предпочёл сожрать всех крыс, чем сдохнуть ни за понюх табаку. Жареная крыса – тот же кролик, только маленький и с хвостом... – Бульен помолчал, задумавшись. – Это не самое страшное, доктор. Страшнее встретиться в океане с кракеном* или морским змеем. Вот тут сам не спасёшься, только господь Бог может спасти. Эти гигантские твари имеют право забрать душу любого, кто добровольно покинул сушу и вышел в океан.

– Неужели тебе приходилось их видеть? – с ирониче-ским интересом спросил Рут.

– Мне хватило того, что я видел тех, кто с ними встречался... Это были совершенно седые люди, руки их тряслись, а языки заикались. А вот корабль мёртвых я видел воочию, точно так же, как вижу сейчас вас...

Предаваясь подобным воспоминаниям флегматич-ный Пит Буль возбуждался и принимался в подробно-стях рассказывать доктору об ужасах, что сам видел или слышал о них от бывалых моряков.

– Это было пять лет назад в заливе Кампече. Неза-долго до рассвета из тумана на нас вышел фрегат. Он нёсся с невероятной скоростью. Как мне показалось, узлов* тридцать он давал. Как только он вышел на тра-верз нашего судна – я тогда был канониром у капитана Хагта – оттуда донеслись крики: «Воды! Воды!». Док-тор, я не только слышал вопли мертвецов. Я их видел! Они стояли у фальшборта* и тянули к нам длинные прозрачные руки, требуя помощи. Признаюсь, стало

жутко, хоть я не трус... То, что это был мёртвый корабль, несомненно. Как только мы услышали голоса мертвецов, он тут же растаял прямо на наших глазах...

В подобных беседах они проводили долгие часы, иногда Бульен доверял судовому врачу штурвал.

– Вас интересует профессия моряка, Рут? – спросил Мегеро, встретив лекаря на мостике.

– Меня интересует всё новое. Тем более, что больных на судне, благодарение Богу, пока нет, а времени у меня много. Кто-то тратит его, чтобы приобрести лишние деньги, я же хочу приобрести лишние знания. Тем более, что знания иногда тоже что-то стоят...

– Хм... В этом трудно с вами не согласиться, доктор. Знакомы ли вы с астрольбией?

– В университете я видел этот прибор. Но обращаться с ним не умею.

Мегеро решил врача научить определять местонахождение судна по высоте Солнца и Полярной звезды. К его удивлению, Рут быстро освоил эту науку. Когда-то Клещ пытался научить этому Бульена, но вскоре убедился, что это бесполезно. Мозг Дуболома отказывался понимать, как угол на какой-то тарелке может указать, где находится корабль и каким образом связаны звезда, солнце и море. Лекарь же через несколько дней уже мог свободно обращаться с этим навигационным прибором. Такое умение высоко ценилось не только среди моряков.

Обязанности боцмана Мегеро возложил на матроса Хуана Мартинеса, наиболее сообразительного, по мнению Клеща. Мартинес был низкорослый крепыш, оттого казался квадратным. Когда он стоял рядом с Бульеном, то смотрелись они весьма забавно. Хуан в плечах будучи также широк, как Дуболом, ростом был чуть более четырёх футов, и головою достигал чуть

выше пояса Бульена, рост которого был около шести с половиной футов.

22. ВИЗИТ К ГУБЕРНАТОРУ

Через две недели «Эсперанса» подошла к высоким берегам острова Тенерифе* и бросила якорь на рейде порта у восточного побережья. В середине острова, в каких-нибудь двадцати милях от порта, возвышался вулкан Тейде, что был в три раза выше Везувия. Портковые форты грозно смотрели на пиратов.

Мегеро предстояло решить непростую задачу: внушить губернатору острова, что каравелла прибыла по приказу генерал-капитана Контрераса с тем, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия, произвести мелкий ремонт судна. И всё это без участия бывшего капитана – дона Гарсиа Карлоса, который был лично знаком с губернатором Тенерифе доном Антонио Бенитосом.

По плану Арно Мегеро бывший капитан «Эсперансы» должен был написать письмо губернатору, в котором объяснит своей болезнью визит первого лейтенанта вместо себя. А уж он, Мегеро, постарается добиться от Бенитоса всего, что нужно команде «Эсперансы».

Когда Клещ вошёл в кубрик, где содержали Карлоса, то увидел, что полмесяца плена не украсили последнего. Он похудел и цвет лица был нездоровым. Надо сказать, что сам Мегеро питался из общего котла с командой, так что и дону Гарсиа приходилось довольствоваться пайком простого матроса.

Без всяких предисловий капитан пиратского экипажа предложил Карлосу – тот пишет письмо, в котором просит оказать помощь «Эсперансе», а он с этим пись-

мом нанесёт визит губернатору в качестве первого лейтенанта Перейро. За это ему будет гарантирована жизнь.

Несмотря на своё болезненное состояние, бывший капитан стойкости духа не утратил и сразу заявил:

– Даже если я напишу два письма, дон Антонио сразу заподозрит неладное и разоблачит тебя. Через час после того, как ты ступишь на берег, твои разбойники увидят, как тебя вздёрнут прямо на пристани!

– А если не напишешь, дон Карлос, то ещё не пробьют склянки, как мои разбойники вздёрнут тебя, клянусь всеми святыми! Потому что не будет смысла с тобой возиться. Если ты жив до сих пор, то только благодаря тому, что я их удерживаю от удовольствия увидеть, как ты болтаешь ногами! У тебя есть последний шанс остаться в живых – если «Эсперанса» благополучно выйдет из гавани, я тебя посажу в шлюпку, и ты увидишь своего дона Антонио. В этом тоже поручкой моё слово, хотя я знаю, что ты его невысоко ценишь, но тем не менее, тебе больше надеяться не на что.

Произнеся эти слова, Клещ вывел пленника на палубу и тот увидел, как на ноке рея* матросы закрепляют верёвку с петлёй.

– Ну, смотри! Я уже начал выполнять своё обещание. Верёвку снимут пустой, если я вернусь на каравеллу благополучно.

Дон Карлос написал письмо. Кто знает, решил ли он, что не стоит спасать «Эсперансу» ценой своей жизни, а может быть подумал, что всё равно его бывший лейтенант не уйдёт от законного возмездия, но письмо он подписал, и Мегеро внимательно его прочёл несколько раз, ища, нет ли там подвоха, который мог бы разоблачить его. Ведь излишняя самоуверенность и наглость мошенника делает его таким же уязвимым, как неве-

жество и простота дурака. Убедившись, что написано, как надо, отдал распоряжение спустить шлюпку и пошёл в каюту.

В его распоряжении были два гардероба: дона Карлоса и капитана «Изабеллы». Клещ, склонный к тому, чтобы произвести эффект, выбрал тёмно-синий камзол тонкого сукна, явно не испанского. Камзол был вышит серебряной ниткой, на вороте и манжетах – брабантские* кружева. Правда он был чуть узок в плечах, но Мегеро это не смутило. Людям его профессии часто приходится надевать мундиры не по плечу. Надел шляпу с чёрным плюмажем из страусовых перьев, перстни тоже не забыл.

Арно Мегеро не был наивным, а тем более дураком. Он прекрасно понимал, что одного шикарного костюма недостаточно, чтобы произвести должное впечатление на хозяина Собачьих островов. Одежда его явно контрастировала с разбойничьей физиономией и пиратскими повадками, длинная боевая шпага и волчий взгляд выдавали в нём человека, более склонного к авантюрам, нежели к военному порядку. Потому он заранее продумал свой разговор с губернатором Тенерифе доном Антонио Бенитосом.

Посадив в шлюпку восемь вооружённых матросов, Клещ ещё раз громко сказал Бульену, остававшемуся на корабле за начальника – если он к вечеру не вернётся, Карлос должен висеть на рее. Отдав это последнее распоряжение, он спустился по штурмтрапу*, и шлюпка отчалила от корабля.

Губернатор острова Тенерифе принял его в рабочем кабинете, который, судя по обстановке, иногда служил ему и столовой, и местом для короткого отдыха. Вокруг тяжёлого дубового стола стояли стулья чёрного дерева с жёсткими сиденьями.

– Арнольдо Перейро. Первый лейтенант корабля «Эсперанса» эскадры дона Алонсо Контрераса. Имею честь служить под командованием капитана дона Гарсиа Карлоса! – представился Клещ и раскланялся перед губернатором, как перед королём. Польстить Мегеро умел, ведь лесть и плутовство очень близкие родственники.

Бенитос пригласил сесть и уже потом спросил:

– Где же сам дон Гарсиа? Почему его нет здесь?

– Мой капитан болен, господин губернатор. Приступы болезни, похожей на лихорадку, время от времени приковывают его к постели. Он велел принести вам свои глубочайшие извинения и заверения в том, что не сегодня-завтра он сможет нанести вам визит. Вот письмо, в котором он всё объясняет...

Клещ протянул бумагу губернатору. Ознакомившись с письмом, Антонио Бенитос уже был озабочен не тем, что не видит Карлоса, а тем, за чей счёт он отпустит требуемый провиант.

Он поднял глаза:

– Есть ли какое-то письменное требование генерал-капитана на отпуск провианта? Ведь, насколько я понимаю, оплата должна производиться за казённый счёт.

– Генерал-капитан Контрерас определил нашу каравеллу как вспомогательный корабль разведки и дозора, потому мы идём впереди. Остальные три корабля, в том числе и флагманский, подойдут дня через три-четыре. Мы к этому времени должны быть полностью готовы. Кроме того, дон Карлос не стал в письме излагать все подробности... Он хочет оставить свой личный товар: шерсть, кожи, вино, оливковое масло по весьма невысокой цене. К тому же рассчитаться за него можно через полгода, когда эскадра будет возвра-

щаться с Мадагаскара, – Мегеро помолчал и добавил, – с новым товаром...

Губернатор Бенитос после этих слов заметно оживился, ведь его главным и любимым занятием была отнюдь не война, а торговля. Поэтому предложение его заинтересовало.

Что должно быть непременно у человека, который облечён властью, так это бдительность, но человек самоуверенный и корыстный часто её теряет, даже в отношении того, что касается его личных интересов. Чертовски трудно быть бдительным, когда замаячила солидная прибыль.

Антонио Бенитоса охватил азарт коммерсанта. Особенно ему понравились слова «за товар можно рассчитаться позднее». Он заверил первого лейтенанта, что тут же даст распоряжение местным торговцам снабдить «Эсперансу» всем необходимым в счёт кредита казне.

После делового разговора они перешли в гостиную, где к этому времени был накрыт обеденный стол на три персоны. Мебель здесь была ореховая, стулья обиты цветной кордовской кожей. На стенах висели картины.

Бенитос представил гостя своей супруге:

– Дорогая, лейтенант Перейро служит под началом нашего доброго друга дона Карлоса...

Мегеро расшаркался, как мог, и тут же счёл нужным извиниться за свою неловкость, так как последние несколько лет он служил в Вест-Индии.

– Сами понимаете, сеньора, когда долгие годы проводишь среди дикарей и неотёсанных матросов и солдат, поневоле становишься таким же.

На что губернаторша с улыбкой заметила, что настоящего мужчину нужно оценивать по его подвигам на бранном поле, а не по паркетному политесу.

– Как же вы оказались на корабле дона Гарсиа? – спросила она.

Клещ принялся подробно рассказывать и весьма кстати показал рекомендательное письмо от дона Фернандеса Эстебано к дону Карлосу, которое он предусмотрительно захватил с собой. И губернатор, и его супруга были когда-то знакомы с доном Фернандесом, более оживлённым стал разговор, в ходе которого любознательная сеньора Бенитос задала кучу вопросов, касаемо жизни в Вест-Индии. На них Клещ отвечал охотно и подробно, благо ему было что рассказать о Карибских островах. Губернатору не пришлось более и слова вставить, чему Мегеро был очень рад, потому что вопросы губернатора могли ненароком поставить его в тупик.

К концу дня «Эсперанса» подошла к причалу, с корабля выгрузили захваченный на торговой шебеке груз. К вечеру следующего дня был получен необходимый провиант, и каравелла вновь встала на рейде.

23. «ЭСПЕРАНСА» УСТРЕМЛЯЕТСЯ НА ЗАПАД

Благополучно решив одну задачу, капитан Клещ, не почивая на лаврах, тут же принимался за другую. Теперь он думал, что ему делать с бывшим капитаном «Эсперансы». За человека с таким именем и положением можно было получить хороший выкуп. Ведь имя стоит иногда больше, чем сам человек. Надо ли говорить, что Клещ был хозяином своего слова: он его легко давал и также легко забирал обратно. Но получить выкуп за Карлоса сейчас он не мог, тащить его с собой в Новый свет не было никакого смысла. Поэтому он хладнокровно оценивал, что будет лучше: отпустить дона Карлоса или повесить? Взвесив все за и против,

Арно решил, что лучше всё-таки отпустить.

В это время в его каюту постучали.

– Кто там, заходи! – рявкнул Клещ. Он не любил, когда к нему лезли не вовремя.

Вошёл судовой лекарь.

– Капитан, извините, что помешал...

– Что вам, Рут?

– Меня очень беспокоит, капитан, как вы решите судьбу дона Карлоса?

– Какого чёрта, доктор, вы лезете не в своё дело?!

– взбесился Мегеро. – Вы что, хотите заменить его в петле?

– Я считаю, что нельзя казнить человека вот так, без суда, без законных оснований....

Мегеро поднялся:

– Вы что, рехнулись? Что вы имеете ввиду, когда говорите про законные основания? Королевский указ? Так на корабле – я король. Даже если бы нам было нечего делать, и мы бы устроили суд, то главным судьёй был бы капитан, так какого дьявола терять время и ломать комедию? На корабле свои законы, Рут. Не нами они придуманы, не нам их отменять.

– Если на корабле всё решает капитан, так ведь он может и помиловать человека. Именно с такой просьбой я и пришёл. В своё время вы меня поставили перед выбором: либо я получаю пулю, либо служу на пиратском корабле. Так вот, если вы помилите бывшего капитана каравеллы, то я буду служить вам, как служат остальные. Если же нет, то я лучше приму обещанную пулю, чем буду соучастником казни человека, не совершившего никакого преступления!

Мегеро едва не задохнулся от злости. Этот лекарь, этот молокосос ставит ему условия! Он стиснул зубы, едва сдерживая ярость, на скулах заходили желваки.

– Я понял вас, Рут, – сквозь зубы сказал капитан пиратов. – На пулю надо было соглашаться, когда я это предлагал, – медленно цедил слова Клещ, следя за выражением лица судового врача. – Идите, я распоряжусь, чтобы на рее было две верёвки.

Чтобы иметь смелость говорить, что думаешь, нужно не иметь чёрных мыслей. Но и это не спасёт от возможных неприятностей. Даниель Рут, явно не ожидавший такого поворота к концу разговора, побледнев, повернулся и вышел. Отступать было поздно.

Оставшись в каюте один, Мегеро грохнул кулаком по столу. Ещё минуту назад он считал себя благородным рыцарем, который дарит жизнь поверженному врагу, отправляя его на берег... Доброе намерение уже само по себе чего-нибудь да стоит! Теперь же этот лекаришка поставил условие, срывающее с него нимб благородства, который он уже ощутил на своей голове. В этом и была причина недовольства главаря пиратов. Но Клещ не был бы Клещом, если бы он поступал по настроению, а не так как выгодно. Сейчас было выгодно оставить Даниеля Рута в положении обязанного, сохранив жизнь Карлоса. К тому же половина команды не одобрила бы бессмысленную казнь.

Вечером, когда огромный красный диск солнца скрылся за гористым островом, Клещ распорядился спустить одну из шлюпок, позаимствованных на шебеке «Изабелла» и, стоя у фальшборта, наблюдал, как спускается освобождённый пленник по верёвочной лестнице.

Несколько матросов стояли рядом. Клещ нашёл взглядом длинноносого бровастого канонира:

– Ну что, Элазар, теперь ты подписал контракт с командой или, может быть, тоже хочешь отправиться в гости к губернатору Тенерифе?

Баск Элазар отрицательно замотал головой. Он понимал, что, участвуя в нападении на торговое судно и получив свою долю награбленного, он по прибытии на остров сразу попадёт в тюрьму.

Отвернувшись от канонира, Мегеро язвительно напутствовал отпущенного пленника:

– Дон Карлос, передайте губернатору мои извинения, за то, что я не попрощался с ним и его супругой. Я думаю, свидание с вами скрасит эту небольшую бестактность с моей стороны!

Дон Гарсиа Карлос, бывший капитан каравеллы «Эсперанса», промолчал, очевидно опасаясь, что взбалмошный пират передумает. Он молча взял вёсла, матрос оттолкнул шлюпку отпорным крюком*, и она направилась к причалу.

Также молча, в вечерней тишине, команда «Эсперансы» подняла якорь и, ловя парусами попутный бриз, покинула рейд, с севера обошла остров Тенерифе и, оставив слева по борту остров Ла Пальма, взяла курс вост.

24. ЗАТМЕНИЕ

После благополучного посещения острова Тенерифе, где «Эсперанса» так удачно пополнила запасы провианта и необходимых для ремонта такелажа и рангоута материалов, за Мегеро закрепилась слава везучего капитана.

Пираты уверовали, что капитан Клещ и удача шагают рядом. Что может быть дороже удачи для тех, кто, оставив прошлую постылую жизнь за кормой, последовал за капитаном-разбойником, ничего, если вдуматься, не обещавшего, кроме риска быть повешенными или застреленными? А что ещё можно наверняка

гарантировать человеку в этой жизни? Только смерть. Пока удача сопутствовала пиратам. Но как говорит пословица: «Для каждой свиньи бывает день Святого Мартина», в том смысле, что не всё коту масленица.

Третьи сутки западный ветер не позволял каравелле набрать ход. Судно шло в крутом бейдевинде*, меняя галсы. Скорость упала до двух-трёх узлов, каравелла теряла ход.

Мегеро был зол, как чёрт. Он даже плохо стал спать и, наконец, опять увидел проклятый сон. Он снова карабкался по вантам* грот-мачты к золотому солнцу. Добравшись до светила, он отпиливал, отрывал, отгрызал золотые куски, в груди его горел огонь, он жёл и терзал его.

Проснулся он с болью в груди оттого, что Бульен ворвался к нему в каюту:

– Клещ! – орал великан, – Клещ! Вставай!!

Натянув сапоги, Мегеро с мушкетом в руке выскочил на палубу, где уже стояли несколько человек и с ужасом на физиономиях показывали на солнце. Клещ поднял глаза, прикрыв их ладонью, как козырьком. Сердце его чуть не выпрыгнуло из груди: диск солнца не был круглым! Треть его отсутствовала!! От светила был оторван огромный кусок, оттого вокруг стало темнее.

Капитан пиратов огляделся, он видел полные страха глаза матросов. После только что увиденного сна, ему самому это казалось кошмаром наяву. Мегеро был потрясён. И тут он поймал взгляд Даниеля Рута. Судовой врач смотрел на всё происходящее, снисходительно улыбаясь. Клещ, на секунду растерявшись, не знал, что ему делать. Но, заметив поведение Рута, он мгновенно понял, чего он делать не должен. Он не должен поддаваться панике!

– Чёрт бы вас побрал, бродяги! – хриплым голосом сказал капитан. – Даже одеться не дали!

Он развернулся и пошёл в каюту, крикнув лекарю:

– Рут, ко мне!

Когда они вошли, Клещ закрыл дверь:

– Что это, Рут?

– Это затмение, капитан. Обыкновенное солнечное затмение. Правда, не полное. Луна частично закрыла Солнце, поэтому мы и наблюдаем его в несколько урезанном виде.

Надо сказать, в своё время, когда Рут сообщил Клещу, что он закончил университет, то Арно пропустил это мимо ушей, потому что в его представлении университет – это всего лишь такая школа, где учат больше читать и быстрее считать. Сам, закончив школу и лишь научившись этим двум премудростям, Клещ думал, что и в других учебных заведениях учат тому же. Для него был непостижимым откровением тот объём знаний, которым владел выпускник университета. Потому он и удивлялся, когда Даниель Рут быстро осваивал навигационную науку. Сейчас он имел возможность ещё раз убедиться в широких познаниях судового врача.

– Какое затмение? Почему луна закрыла? Там нет никакой луны!

– Если луны не видно днём, то это не значит, что она перестала существовать...

Даниель Рут прочёл короткую лекцию, из которой Клещ понял лишь одно – это ненадолго, и скоро солнце они увидят целиком.

Когда они вышли на квартердек*, на Мегеро уже был надет камзол и на поясе висела шпага.

На шкафуте топталась вся команда и матросы, переговариваясь между собой, с тревогой смотрели на

солнце, где было видно менее половины диска в виде серпа. День заметно побледнел, лица пиратов имели также испуганный бледный оттенок, их тени на палубе были неясными, потеряли определённую форму. Количество света убывало с каждой секундой, сумерки казались необычными и странными, так как не было сгущённых теней вечера.

При появлении капитана все взгляды обратились к нему.

– Спокойно, ребята, – сказал капитан, – займитесь своими делами. Мы отвечаем за корабль, а на небе господь Бог наведёт порядок без нас!

Однако успокоить команду было не так просто. Уже оттого, что их главарь, который каждую минуту поминал чёрта, вспомнил о Боге, матросам было не по себе.

– Капитан, это дурной знак! Четвёртые сутки встречный ветер, а теперь исчезает солнце! Я говорю – это дурной знак! – кричал остроносый Элазар.

– Идиоты! Какой знак? Кому, мне? Тебе? Не много ли чести? Или, может быть, другим кораблям? Не ставьте себя на одну доску с провидением, скоты! Разве вы одни видите это чёртово солнце, медуза вам в печень?! Выполнять судовое расписание, или я буду считать это неподчинением капитану! – Мегеро вынул пистолет. – Бульен, расставить людей!

– А ну, по местам! – рявкнул великан, сам ещё не придя в себя.

В это время снова раздался крик:

– Смотрите! Оно становится больше! – боцман, которого прозвали Бочонок Хуан, показывал толстым пальцем на солнце.

Клещ посмотрел на небо. Солнце на глазах восстанавливало свои размеры, становилось светлее. Ещё миг, и оно засияло по-прежнему. Пираты разошлись,

но разговоры были только про закат солнца в середине дня.

Рут и Клещ говорили о том же. Судовой врач принялся рассказывать не только про солнечные затмения, он говорил о том, что бывают и затмения лунные:

– Ещё великий Фернан Магеллан* на их эффекты опирался в своём знаменитом походе. Его матросы роптали, что они слишком долго идут по пустынным водам Тихого океана, дескать они безвозвратно ушли от земли в водные просторы. Вы же знаете, капитан, церковь учит на основании священного писания, что Земля есть обширная равнина, окружённая водами. Магеллан же помнил, что в старинных книгах по астрономии написано: «При затмениях Луны тень, бросаема Землёю, – круглая, а какова тень, таков должен быть и предмет, её бросающий» Именно эти знания давали ему уверенность и спасли его экспедицию...

– Про путешествие Магеллана наслышан, – отвечал Мегеро доктору, – хотя и состоялось оно сто лет назад. Не спасла его самого ни учёность его, ни старинные книги. Бунтующим матросам надо не старинные книжки рассказывать, а подвешивать их на реи поближе к Богу. «Если тело близко к Господу, тогда и душе легче», – так говорил один мой знакомый монах. Магеллан – великий мореход, разрази меня гром, но и он не во всём разбирался. Он оказался плохим пехотинцем**, это также верно, как я плохой католик, и проиграл бой голым дикарям, погиб от их стрел... Когда надо было всего лишь направить на них других дикарей. Имел я с этими тварями дела. Когда им давали бусы за золото, это ещё куда ни шло.... Потом им стали давать оружие. Это глупость!

Мегеро знал, что говорил. Шрам на его лбу появился после стычки с аборигенами. Конечно, Клещ бы

предпочёл, чтобы в руках у краснокожего, которому он хотел выпустить кишки, были бусы, а не боевой топор. Что касается Магеллана... Так он же был португальцем.

25. ШТИЛЬ

На седьмой день западный ветер стал терять свой напор и к вечеру совсем стих. Все были в ожидании, откуда начнётся движение воздуха. Ночь прошла в затишье. «Эсперанса» совсем потеряла ход, паруса повисли.

Рассвет застал каравеллу практически стоящей на месте. Принявший вахту Бульен увидел, что сплошная полоса плотного тумана застилает весь горизонт. Он подумал, что это облака сливаются с поверхностью океана, но серая мгла приближалась к судну. Она обволакивала «Эсперансу, как сливки, которыми поливает кондитер своё изделие, накрывают лепёшку, не оставляя глазу ни пятнышка.

Часа через три туман стал рассеиваться, и взору вахтенного предстал горизонт и водная гладь. Причём, где кончается одно и начинается другое, нельзя было разобрать. Океан простирался неподвижной скатертью свинцового цвета, которая, заворачиваясь кверху, висела над головой и, казалось, корабль попал внутрь огромного серого шара, откуда нет ни пути, ни выхода. Кругом, насколько видел глаз, была мёртвая зыбь на воде и знойное марево в воздухе. Каравелла мерно покачивалась на ленивых волнах полного штиля.

Мегеро, отдохнув после ночной вахты, вышел на мостик. Дуболом чертыхался:

– Мёртвый штиль*, капитан, разрази меня гром! Полнейший. Как в кружке с ромом!

Клещ молчал. А что он мог сказать? Сколько продлится безветренная погода он не знал. Только господь Бог мог внести ясность в этот вопрос. Недельный или даже месячный штиль в океане не редкость. Он вспомнил, как они попали в штиль в экваториальной зоне, как мучились от голода и жажды, как портились продукты, умирали и сходили с ума люди.

Провизии и воды пока достаточно. Но если штиль надолго, то проблема будет с людьми. Пока корабль был на ходу, все занимались делом: несли вахту, следили за рулём и парусами, наводили порядок, ремонтировали рангоут* и такелаж, чистили орудия. Когда ветра нет, в душе нарастает тревога и раздражение, депрессия начинает овладевать экипажем. Отсутствие движения вперёд – это неестественное состояние корабля и моряка, отсутствие движения в океане – состояние близкое к смерти. Мегеро даже не мог сказать, что опаснее – шторм или штиль?

Шторм – опасность непредсказуемая, но её разрешение происходит на твоих глазах, и запас твоего умения и мужества необходим на несколько часов... Штиль настолько же непредсказуем, а сколько он потребует от тебя мужества и терпения, неизвестно. Капитан Клещ знал свою команду, и считал, что лучше бы им бороться со штормом, нежели с затяжным штилем.

На следующий день, когда Мегеро был на мостике один, к нему подошёл судовой врач:

– Капитан, мне кажется, вы не здоровы. Если вы не возражаете, я бы мог вас осмотреть...

– С чего вы это взяли? – возразил Мегеро, хотя проклятый сон уже изрядно измучил его.

– Цвет лица изменился, вы пожелтели, точно каштан к осени... И лихорадочный блеск в глазах.

Когда в каюте, осмотрев капитана, Рут спросил:

– Кошмары не мучают?

Мегеро непроизвольно вздрогнул. Откуда он всё знает, этот лекарь?

Нахмурившись, он опять спросил Рута:

– С чего вы это взяли?

– У вас частый и неровный пульс...

– Ну и что? Лишь бы он был, этот пульс. А там как-нибудь выровняем...

– В таких случаях доктора рекомендуют отдых и постельный режим.

Мегеро расхохотался:

– Даниель Рут, с вами не соскучишься, прах меня побери!

Скуки не было. Была тоска. Тоска и тревога наваливались на команду. Прошло четыре дня. В каюту Мегеро постучали. К его удивлению, это был Элазар.

– Капитан, команда хочет говорить с вами!

– Какого чёрта ты лезешь в каюту?! Тебе что, другого времени мало, чтобы говорить со мной?

Тем не менее, Мегеро оделся и вышел. Шестеро матросов в парусиновых штанах и с платками на головах пришли вместе с Элазаром.

Они стояли на квартердеке – Мегеро и Элазар, за спиной которого стояли пришедшие с ним для разговора с капитаном корабля.

– Капитан, как только кончится этот проклятый штиль, как только малейший ветерок шевельнёт наши паруса, мы требуем повернуть обратно. Нам хватит работы в нашем море! Разве вы не видите, что сам господь Бог противодействует нам? Сначала встречный ветер, который вымотал нас, потом исчезновение солнца... Силы небесные нас предупреждают, чтобы

мы сменили курс, чёрт нас всех возьми!

Мегеро слушал, чуть опустив голову, из-под бровей глядя на говорившего и обшаривая взглядом лица других. Когда Элазар остановился, он спросил:

– Это всё, что ты хотел сказать мне? – он шевельнул плечами. – Дьявол меня побери, хорош же я капитан, если ко мне в любой момент можно прийти и потребовать повернуть корабль обратно! В своём ли вы уме? Есть ли у вас вообще мозги, чтобы что-то решать за капитана, когда судно в рейсе?! Немедленно по местам, мерзавцы!!

– Капитан, я..., – начал было Элазар. Но это были его последние слова, потому что Клещ не был бы Клещом, если бы не понимал, когда нужно прекращать разговор. Он мгновенно выхватил пистолет и в упор разрядил его в голову баска. Пуля прошла навывлет, забрызгав кровью просмолённые штаны матросов. Тело со стуком рухнуло на палубу.

– Кто ещё хочет что-то потребовать от капитана?! – зарычал Мегеро, сняв с кожаного пояса второй пистолет. Все попятились.

– Если ещё кто-то из вас хоть взглядом... Вы меня слышите, ублюдки? ...Хоть взглядом выскажет неповиновение, я не буду вас стрелять, чтобы вашими свинными мозгами не пачкать палубу! Я вас четвертую на глазах всей команды!

Бунт был подавлен. Тело бедного Элазара выбросили за борт. Вокруг болтающейся в океанской зыби «Эсперансы» появились акулы. Матросы наблюдали их целый день. Страх и ненависть к этим тварям у любого моряка в генах. С наступлением сумерек спустившись в мрачный пропахший сыростью кубрик, матросы, забравшись в гамаки, молились, вспомнив заученные в детстве молитвы, крестясь трясущимися руками.

Надежда постепенно покидала их, они ощутили себя на краю адовой пропасти – от капитана можно ожидать только пули, оставалось надеяться на Божью милость, если Он простит им грех клятвопреступления и измены королю...

И опять настала ночь, пятая безветренная ночь. Очередная ночь бесконечного кошмара Арно Мегеро. Потом при полнейшем штиле взошло солнце. Целёхонькое солнце без малейшего изъяна. Поднялось и начало жарить вовсю.

Оно всходило каждый день и отправлялось умирать на Запад, чтобы потом снова родиться на Востоке. И не было ему никакого дела ни до Луны, вставшей на пути его лучей, ни до каравеллы, вставшей на пути к Западу посреди океана...

Часть вторая

ДАНИЕЛЬ РУТ ИЛИ ВЕТЕР УДАЧИ

*В ком больше силы — тот и прав.
Никто не спросит: «Чьё богатство?
Где взято и какой ценой?» Война, тор-
говля и пиратство — три вида сущно-
сти одной.*

И.В.Гёте

1. ЗАПИСКИ ДАНИЕЛЯ РУТА

Что заставляет людей взяться за перо и вести дневниковые записи? Конечно, наличие времени! Это всякий скажет, кто хоть раз пытался до конца измарать пером стандартный лист бумаги. Но свободного времени много у миллионов людей, однако далеко не все из них хватаются за перо. Нужно что-то ещё. И здесь первое, что приходит на ум — человек не надеется на свою па-

мять и предаёт бумаге важные события своей жизни, с тем, чтобы по истечении многих лет, когда вздумает писать мемуары, эти записки напомнили ему, какой он был смелый, умный, как он побеждал оппонентов в спорах, соперников на дуэлях, врагов на поле боя. Но нет на свете более тошнотворного занятия, чем читать такие мемуары!

Если вы хотите узнать, что-то о сути и смысле жизни какого-либо полководца, никогда не читайте его мемуаров. Правды вы там найдёте не более, чем в сказках братьев Гримм. Лучше найти в архивах и прочитать документ, написанный этим полководцем в штабе, накануне (или после) кровопролитного сражения, где он загубил (или привёл к победе) свою армию. Лучше прочесть письмо солдата, которое он написал домой перед боем, или тот стих, что сочинил в честь своей любимой, ожидая атаки тяжёлой конницы, чем слушать его через пять, десять, двадцать лет, когда он с железной кружкой на столе и деревянной ногой под столом предаётся «воспоминаниям», хлебнув зелена вина.

Для настоящей, правдивой записи нужен момент (истины), нужен порыв (страсти). Полковой врач Даниель Рут, впервые оказавшийся на корабле, да ещё и захваченном взбунтовавшейся командой, получил две этих самых необходимых для писательства вещи: стресс и свободное время. В силу этих обстоятельств непреодолимой силы некоторые свои переживания и наблюдения он доверил бумаге. И не стоит сомневаться в их истинности. Если не верить человеку, находящемуся в двух шагах от виселицы, то кому верить? Поэтому, продолжая наше повествование, мы не можем оставить без внимания его дневниковые записи, так как они существенно дополняют излагаемые в повести факты и не позволяют автору дать волю своей неуёмной фантазии.

Запись первая. «Прослужив на корабле считанные дни, я попал в довольно неприятную ситуацию, впрочем, скорее, в беду. Один из офицеров, первый помощник капитана Арнольдо Перейро, подбил матросов на бунт, захватил корабль и вышел в море, заперев капитана и меня в своих каютах. Сегодня он поставил мне ультиматум: либо я присоединяюсь к бунтовщикам и продолжаю выполнять обязанности судового врача, либо со мной расправятся, как расправились со штурманом «Эсперансы». В том, что это так и будет, сомневаться не приходится, Перейро – человек страшный. Одного его взгляда матросы боялись, а теперь, когда он захватил корабль, его взгляд стал буквально волчьим, с отблеском по-звериному равнодушной беспощадности... Впрочем, даже страшнее, ведь у волков чёрных глаз не бывает. Если меня казнят, может быть, эти записи сохранятся. По крайней мере, я на это надеюсь».

Запись вторая. «Сегодня бунтовщики напали на торговое судно. Перейро сдержал своё слово и не стал принуждать меня участвовать в разбойничьем налёте. Я оказал помощь двум раненым пиратам. Перейро лично делил добычу между разбойниками и выделил мне долю из награбленного. Я отказался. Неужели мне удастся не пойти на сделку с совестью, ведь этого не простит мне отец, и сохранить свою жизнь, чтобы не огорчать матушку?»

Запись третья. «В отличие от службы в полку, на корабле у врача, оказывается, масса свободного времени. Однорукому Питеру Бульену помог закрепить его варварский протез. Подлечил предплечье. Узнал, что мы с ним почти земляки. Он тоже родился в Западных Альпах. Коли мне выпала судьба попасть на корабль, пытаюсь освоить азы кораблевождения. К моему удив-

лению, Перейро, которого бунтовщики выбрали своим капитаном, не стал возражать и даже показал, как пользоваться астролябией. Наверное, надеется, что я останусь в его экипаже. Молю Бога, чтобы избавил меня от него и его оголтелой команды! Не знаю, как настоящее имя Перейро. Мятежники называют его – капитан Клещ».

Запись четвёртая. «Встали на рейд острова Тенерифе. Узнал от Бульена, что дона Гарсиа решили повесить. Набрался смелости и пошёл к пиратскому капитану с просьбой не делать этого. Даже пообещал, что буду исправно выполнять обязанности судового врача, если сохранят жизнь смещённому капитану. В ответ Перейро приказал на стеньге грот-мачты приготовить две петли. Думаю, что это моя последняя запись, если не вмешается Всевышний. Даже в детстве я не молился так искренне, как сегодня».

Запись пятая. «Самозванный капитан Перейро, очевидно, нанёс удачный визит губернатору острова. И, как говорят, дон Карлос ему помог в этом, написав губернатору письмо. Вместо того, чтобы повесить нас обоих, капитан морских разбойников отпустил его. Я видел, как дон Гарсиа Карлос садился в шлюпку, он выглядел больным и подавленным. Видимо, Перейро удалось сломить дух капитана «Эсперансы». Как он оправдывается перед Контрерасом и королём?»

Запись шестая. «Случилось неполное затмение солнца. Даже на меня, который знает, что это такое, сумерки, наступившие днём, произвели впечатление. Что уж говорить о матросах! Удивился, что даже Перейро, опытный моряк, невежественен в таких вопросах. Однако надо отдать должное, самообладание ему не изменило и порядок на корабле он восстановил быстро. Удивительно, матросы бегут исполнять

его команду, когда он ещё не договорил приказа!»

Запись седьмая. «Четвёртый день – штиль. Мы практически стоим на месте, застряв посреди океана. Перейро болен: беспорядочное сердцебиение, лихорадочный блеск в глазах. Видя это, напуганные солнечным затмением матросы попытались повернуть корабль обратно. Капитан пиратов даже не стал их слушать, застрелив первого, кто заговорил с ним. Даже болезнь не изменила его нрава. Он также лют и беспощаден. Справиться с командой ему поможет характер, но кто поможет справиться с погодой?»

Запись восьмая. «Сегодня уже восьмой день полного безветрия. Команда подавлена. Всё чаще вспоминаю поговорку моего отца: «Кто не был в море, тот искренне не молился». Перейро большую часть времени проводит в каюте. Болезнь его не отпускает. Лишь иногда появляется на квартердеке весь обвешанный пистолетами. Питер Бульен помогает поддерживать дисциплину. Мне кажется, этот гигант не знает, что такое уныние».

Запись девятая. «Наконец-то! Господь услышал наши молитвы. На девятый день началось движение воздуха. Потянул лёгкий ветерок с северо-востока. Все ожили. Мне кажется, вся болезнь капитана пиратов была из-за штиля. Сегодня он уже свеж и бодр, как будто это не он ещё вчера валялся на койке, жёлтый, как тыква. Этот человек двужильный, не иначе...»

Запись десятая. «...Прошло более месяца, как я сделал последнюю запись в своём дневнике. Мы пересекли Атлантический океан и подошли к острову Тортуга. Издалека остров представляет собой дивное зрелище. Перед нами в ослепляющем свете солнца из бирюзового моря поднялся ярко-изумрудный берег, окаймлённый кружевами белейшей пены. Матросы ли-

ковали, восторженными криками выражая свои чувства. У некоторых на глазах блестели слёзы радости после почти двухмесячного тяжёлого похода. Поднялось настроение и у меня. Забылись те дни, когда я был на грани отчаяния, и только мысль о том, что если я сдамся, то вряд ли мне будет лучше, удерживала меня от проявления слабости. Может быть, всё образуется? Ведь для чего-то судьба дала мне это испытание?

«Эсперанса» вошла в бухту на южном берегу острова. Гавань не слишком велика, но чрезвычайно удобна. Размером приблизительно четыре на два кабельтова. Таких судов, как наша каравелла, здесь может встать два-три десятка.

Тортуга, по моему первому впечатлению, ничем не напоминает пиратское гнездо. На рейде покойно стоят корабли под французскими и голландскими флагами. Совсем не верится, что губернатор острова, никого не боясь, потворствует морским разбойникам, ведь остров от испанской Эспаньолы отделяет лишь пролив в четыре мили. Но выгодное расположение бухты и грозный форт, возвышающийся над посёлком и гаванью, оцетинившийся пушками, гарантируют пиратам, пригретым французами, защиту от испанцев».

2. ВИЗИТ ВЕЖЛИВОСТИ

Итак, каравелла «Эсперанса» пересекла океан и вошла в гавань Бастер через проход Гран-Пас. Он был шириной почти в кабельтов. В гавань существовали два входа, глубина которых позволяла пройти морскому судну. Второй, шириною в два раза менее, назывался Пти-Пас. При доминирующих ветрах с норд-оста корабли водоизмещением в сотни тонн могли свободно входить на рейд Бастера через Гран-Пас, а выходить

через Пти-Пас. Конфигурация была весьма удобна и защищала гавань от волн, идущих из пролива, который отделял Тортугу от северного побережья Эспаньолы.

Надо ли говорить, что капитан Клещ, несмотря на тяжёлый, изнурительный поход и потрёпанное судно, испытывал, мягко говоря, некоторый душевный подъём, а говоря откровенно, он был просто окрылён своей удачей. Мало кому из джентльменов Берегового братства удавалось повернуть подобную авантюру – умыкнуть корабль из-под носа самого Контрераса!

Поэтому Арнольдо Мегеро готовился нанести визит вежливости губернатору Тортуги Бертрану де Бертезену, в чей дом имели доступ только капитаны кораблей, да и то не все.

Нарядившись в чёрный камзол, украшенный вышивкой и галуном, и не забыв надеть любимый перстень с сапфиром, Клещ по привычке надвинул на лоб шляпу с красным плюмажем и отправился к губернатору. Отдав последние распоряжения Питеру Бульену и Хуану Мартинесу, он молча оглядел вышедшего на шкафут Даниеля Рута и спустился в шлюпку.

Бертезен, хотя и не был знаком лично с Мегеро – не его уровня был разбойник, был достаточно наслышан о нём от драйверов Берегового братства. Мнение у него сложилось неоднозначное, как о том волкодаве, которого удобно использовать в травле хищников, но не удобно принимать в гостином зале, в соответствии с поговоркой: «Бешеный пёс стоит хозяину слёз». Однако сегодняшний случай был исключением – Клещ был героем дня. Увести каравеллу из флотилии знаменитого дона Алонсо Контрераса – это не столько материальный ущерб Мадриду, сколько пощёчина испанской короне.

Потому губернатор Тортуги встретил капитана Клеща довольно доброжелательно. Надо заметить,

Мегеро обдумал заранее, что он скажет губернатору, прекрасно понимая, что второй возможности произвести первое впечатление не бывает. Они поужинали вдвоём, и Бертезен нашёл Арнольдо Мегеро довольно приятным собеседником. Всё потому, что последний в своё время хорошо усвоил – если знакомство начать с комплиментов, оно имеет хорошие шансы перерасти в дружбу. Пират подробно поведал о своих приключениях, сдабривая свой рассказ таким гарниром, что можно было подумать – его головорезы совершали сии подвиги лишь из любви к французскому монарху.

– Я бы никогда не посмел предстать перед вами, ваше превосходительство, если бы не послужил каким-либо образом его величеству королю Франции! – воскликнул Клещ, поднимая первый бокал с вином.

Редкую женщину можно обезоружить комплиментом, мужчину – запросто, потому Мегеро не боялся переборщить с лестью хозяину, ведь «Эсперансе» нужен был ремонт, а команде – пополнение. Такие дела быстро не продвигаются, если не смазаны покровительством властей. А его превосходительство губернатор острова Тортуга и Берега Сент-Доменга, подобно рыцарям абордажного топора, считал грабёж почётным занятием, коль скоро он пополнял королевскую казну, впрочем, губернаторскую тоже, и, естественно, проявлял большой интерес к снаряжению разбойничьих кораблей. Господин Бертран де Бертезен считал, что это и есть его истинное предназначение, как хозяина Тортуги. Но ведь иногда и честолюбие охотно именуется себя призванием.

Потому остров Тортуга сделался вроде родной матери для всех корсаров Карибского бассейна. Иногда он отправлял в крейсерство свой двадцатипушечный фрегат*, под командованием одного из своих помощ-

ников. И личный магазин его превосходительства пополнялся новыми товарами. Поскольку франко-испанская война долгими годами то затухала, то с новой силой вспыхивала снова, любые самые грабительские действия против испанцев считались вполне законными каперскими предприятиями. И совершались они не только судами королевского флота, но и частными кораблями – приватирами.

«А он не глуп», – сделал вывод господин Бертезен. Согласитесь, трудно считать дураком человека, который восхищается тобой, особенно когда ты не видишь разницы между лестью и учтивостью. Посему, в конце разговора губернатор весьма благосклонно поинтересовался дальнейшими планами Мегеро.

– Почему я об этом спрашиваю, капитан... Дело в том, что я уполномочен лично выдавать королевское каперское свидетельство в случаях, когда офицер и его команда оказали его величеству значительную услугу. Мне кажется, это как раз тот самый случай, когда я могу воспользоваться своим правом.

Клещ, который в принципе допускал возможность такого предложения, к немедленному ответу всё же был не готов. Хорошо, конечно, иметь на грабёж монаршее соизволение, но ведь при этом и большую часть приза придётся отдавать в казну. Притом, что десятая часть и так идёт губернатору за приют на Тортуге. Это была та самая дилемма, чаша весов которой колебалась в голове Мегеро. Вдобавок ко всему прочему, для него это был вопрос острых душевных переживаний, сердце его глубоко огорчал сам факт того, что за просто так придётся отдавать кому-то честно заработанное золото, пусть даже этот кто-то – король Франции.

Несмотря на вышеуказанные соображения, Клещ, напыщенно ответил:

– Ваше превосходительство, я всегда рад служить как его величеству, так и вам – его законному представителю. Лично для меня это очень лестное предложение. Я думаю, что улажу это со своей командой. Уж вы-то знаете, что лучше посоветоваться с этими головорезами, чем потом получать от них сюрпризы в открытом море, ведь бешеными могут оказаться даже знакомые собаки!

Пообещав в скором времени дать ответ, капитан Клещ откланялся и отбыл на корабль. Так Арно Мегеро сделал первый шаг к тому, чтобы зарекомендовать себя как достойного человека. Что ж, каждый хочет иметь репутацию благородного человека, но некоторые хотят купить её подешевле.

3. МАРКО БРАГО

По прибытии на судно, Клещ распорядился большую часть экипажа отпустить на берег ровно на сутки, оставив на корабле только вахтенную команду. Матросы собрались быстро, для похода в увольнение им нужно было только надеть башмаки. На корабле они несли службу босыми.

Даниель Рут, спросив его разрешения, тоже собрался на берег. Он вовсе не стремился в местные увеселительные заведения, как остальные моряки, но имел огромное желание ощутить под ногами твёрдую землю после почти двухмесячного плавания и удовлетворить естественное любопытство молодого человека, впервые оказавшегося в Новом свете. Мегеро напутствовал его:

– Рут, вы не знакомы со здешними нравами, так что советую далеко не отставать от Питера Бульена...

– Благодарю вас, капитан, но я ещё в университете

слыл неплохим фехтовальщиком!

Клещ снисходительно усмехнулся:

– Вы полагаете, если здесь кому-то не понравится ваша физиономия, с вами начнут фехтовать? Вас просто убьют.

Три шлюпки одна за другой отчалили от «Эсперансы», увозя матросов на берег. Обрато на одной из шлюпок прибыл на корабль одноглазый моряк в шляпе без перьев и двумя пистолетами за красным поясом. Судя по радостному приветствию и выражению на лице Клеща, он хорошо знал гостя и ждал его. Они прошли в капитанскую каюту.

Гостя звали Марко Браго, один из немногих приятелей Клеща. Полгода назад он не советовал Мегеро и Бульену отправляться в Африку. Потому сейчас был удивлён триумфальному возвращению приятелей.

– Неплохая посудина тебе досталась, Клещ, а? Дьявол меня побери!

Арно Мегеро вынул из рундука бутылку рома и пригласил гостя к столу.

– Уж если добрались сюда из Валенсийского залива, так конечно... Корабль крепкий, несмотря на возраст. Сделаем ремонт, очистим днище и вперёд! Нас ждут большие дела, Марко. Надеюсь, ты присоединишься?

– А ведь я прав был, Арно, что ты не найдёшь общего языка с этим мерзавцем Бинхауэром!

– Мясник останется мясником, даже если он изучил лоцию. Не терплю, когда меня за дурака держат. Устроил бы я ему веселье, если бы это было не в Африке. Ну, да Бог ему судья, а я постараюсь, чтобы они пораньше встретились...

Марко Браго не сомневался, что старый приятель позовёт его в новую команду. Собственно, Мегеро для

этого и пригласил его на корабль, чтобы спокойно обговорить предстоящие разбойничьи дела.

– Губернатор острова, господин Бертезен, предлагает нам послужить его любимой Франции. Готов хоть сегодня вручить королевское каперское свидетельство, – продолжал разговор Клещ, разливая ром по кружкам.

– Его превосходительство свою выгоду блюдёт, – отвечал гость. – Он знает, что такой корабль в умелых руках может изрядно пополнить его казну. Однако если откажешься, Арно, то хорошего отношения от него не жди.

– Понимаю, поэтому пока не отказался. Думаю, что любой договор, в том числе и с французским королём можно исполнять лишь в силу своих возможностей...

– ...Которые должны совпадать с желанием, – подхватил Браго. – И расторгнуть его можно тоже в любой момент...

– ... А момент фортуна подскажет! – закончил Клещ и поднял кружку.

Прятели понимали друг друга с полуслова. Что их сближало, так это отсутствие совести в душе и страха в сердце. Может быть, они и боялись чего-то в этой жизни, но только не Бога, и даже если была у двух пиратов какая-то совесть, то точно не такая, как у большинства людей, потому что была она им не руководителем, а скорее сообщником. Они быстро сошлись в своё время и поддерживали всего лишь приятельские отношения, хотя некоторые считали их друзьями, но на самом деле это было не так, поскольку оба флибустьера были убеждены, что ненавидеть врагов гораздо увлекательнее, чем любить друзей. Кроме того, оба они любили золото, а переживать одновременно две любви человек не может.

4. В ДОМЕ БЕРТЕЗЕНА

На следующий день, когда экипаж «Эсперансы» вернулся с берега, Мегеро объявил, что принял в команду Марко Браго, назначив его первым помощником. Он также отдал распоряжения по ремонту корабля, распределив обязанности между Браго, Бульеном и Мартинесом.

К губернатору Тортуги он отправился через три дня, как и обещал. В доме его превосходительства он застал большой переполох. Когда Мегеро прошёл в гостиную, её покинули две расстроенные дамы, едва ответив на его поклон. Одна из них была супруга губернатора мадам Диана де Бертезен, вторую Клещ не знал.

Спустя некоторое время в гостиную вышел сам господин Бертезен:

– Прошу извинить меня, капитан. У нас сегодня несчастье – племянница упала с лошади во время прогулки. Послал за лекарем – его найти не могут...

– Ваша племянница, господин Бертезен?

– Да, Николь – дочь Франсуазы, сестры моей супруги, я привёз их сюда после смерти отца семейства... Моряки говорили, у вас на судне хороший врач?

Мегеро подумал, наверняка это Бульен распустил язык. Ничего не оставалось делать, как предложить услуги своего лекаря.

– Да, мой корабельный хирург с медицинским образованием. Если угодно, я пошлю за ним...

– Конечно, господин Мегеро! Я боюсь, нет ли у Николь переломов!

Клещ вышел из дома, в конце аллеи, у ворот, его ждали два матроса, которых он брал с собой не столько для охраны, сколько в качестве эскорта. Послал обоих на корабль, чтобы немедленно доставили лекаря.

В ожидании врача губернатор и Мегеро составили разговор. Клещ сообщил, что его команда готова послужить французскому королю. Довольный Бертезен пожал ему руку, и Мегеро отбыл на корабль, когда Даниель Рут со своим саквояжем вошёл в приёмную губернатора.

Молодой врач, как мог, привёл в порядок свой костюм перед поездкой – ему сказали, что оказать помощь нужно даме. Тем не менее, чувствовал он себя некомфортно: после двухмесячного морского путешествия вряд ли можно быть удовлетворённым своим внешним видом.

Жена губернатора, мадам Бертезен, сама проводила Рута в спальню племянницы, комментируя несчастный случай:

– Николь уже давно занимается верховой ездой... Чем ещё заниматься здесь, на краю света? Она довольно уверенно держится в седле. А в этот раз лошадь чего-то испугалась... Ну и вот, результат! Хорошо, что жива осталась...

В спальне были мать Николь – мадам Франсуаза Лоран и мулатка-горничная. Больная повернула голову, когда они вошли. Даниель Рут увидел симпатичную темноглазую девушку с каштановыми волосами. Лицо её было бледным и, как отметил для себя Рут, на нём отразилось испытываемое физическое страдание.

– Николь была без сознания, когда мы её принесли, – продолжала Диана Бертезен вводить доктора в курс дела. Мадам Лоран смахнула слезу.

Рут поставил саквояж на диван, где лежал костюм для верховой езды, дамская шляпа и перчатки. Он попросил дам удалиться, оставив только горничную.

– Извините, мадемуазель... Я обязан вас осмотреть, – сказал врач, распорядившись, чтобы горничная сня-

ла покрывало. Девушка, лежавшая в одной рубашке, молча отвернулась.

Молодой доктор видел её смущение, да и сам испытывал некоторую неловкость. Он более привык иметь дело с изуродованными солдатами, нежели с красивыми молодыми дамами. Но положение обязывает, Рут понимал, что от его смущения больной легче не станет:

– Если вы можете говорить, то, пожалуйста, отвечайте. Можно просто говорить «да» или «нет». Вы меня слышите? – ровным твёрдым голосом эскулапа спросил он.

Прошло некоторое время прежде чем пострадавшая ответила, едва ли не шёпотом:

– Да...

Через полчаса судовой врач «Эсперансы» диагностировал все последствия падения с лошади губернаторской племянницы. У неё было растяжение связок стопы, вывихнуто плечо и крупная шишка на голове вследствие удара. Всё это он и докладывал в гостиной двум дамам: её матушке и тёте, слыша в ответ многочисленные «ахи» и «охи».

– Плечо я вправил вашей дочери, простите, вашей племяннице, – говорил Рут, крутя головой. – Могу сказать, что у мадемуазель Николь довольно крепкий организм, так что я уверен, этот несчастный случай не отразится в дальнейшем на её здоровье...

– А что с её ногой, месье Рут?

– На стопу наложил холодный компресс, намазал обезболивающей мазью и сделал тугую повязку. Рекомендую пару недель провести в постели, ногу не нужно нагружать...

– Вы и на голову компресс сделали?

– Да, она ударилась головой. Хорошо, что шляпа и причёска смягчили удар...

– Она была без сознания!

– Не удивительно, от такого удара и мужчина бы сознание потерял...

– Скажите, доктор, а вы уверены, что.... Ну, что всё будет в порядке? – пыталась врача Франсуаза Лоран, мать девушки.

– Мадам, меня этому учили, – смущённо улыбаясь отвечал Рут. – Я наизусть знаю «Анатомию» Мондино де Луччи*. Уже не говоря о трудах Якопо да Карпи*...

Мадам Лоран явно ни о чём не говорили имена авторитетных учёных, однако, когда она слушала, как доктор произносит их своим уверенным баритоном, это вселяло в её материнское сердце надежду.

Даниель Рут произвёл на женское общество губернаторского дома весьма благоприятное впечатление не только потому, что врач, прибывший издалека, всегда лучше местного, но также благодаря личному обаянию и огромному желанию дам поговорить с новым человеком.

Когда у них немного улеглась тревога по поводу состояния Николь, женщины продолжили задавать доктору вопросы уже за столом. Мадам Бертезен настояла, чтобы Рут остался на ужин. Её разбирало любопытство. Встретив здесь, на краю света, новое лицо, она хотела узнать о нём как можно больше подробностей. Первое, что она спросила, когда все уселись за стол, откуда у него такой великолепный французский язык:

– Если бы мне не сказали, что вы испанец, я бы подумала, что вы родом из Бургундии.

– Я не испанец, мадам, я – швейцарец. Мои родители проживают недалеко от Женевы.

– Ах, вот оно что! Как же вы оказались на службе у испанцев?

– Это желание моего отца. Он много лет служил ис-

панскому королю. Вот и я оказался на войне, во Фландрии.

Удовлетворив своё любопытство на этот счёт, мадам Бертезен перешла к медицине:

– Скажите, месье Рут, вы лечите пиявками?

– Я лечу пиявками, мадам, когда в этом есть необходимость. Дело в том, что иногда это чревато воспалениями кожи. Видите ли, в чём дело, в организме человека присутствуют четыре гумора: флегма, кровь, чёрная и жёлтая желчь. Именно их баланс в организме и определяет здоровье человека. У каждого из нас есть его главный гумор, определяющий наше состояние. У мадемуазель Николь – это кровь, поэтому нет необходимости уменьшать её содержание в организме. Я не очень удивлю вас, если скажу, что ваша племянница любит сладкое, любит бывать на свежем воздухе...

– О! Да, да...

– ... любит весну и солнце, и любимый цвет у неё – красный?

– Ах, доктор! Откуда вы это знаете?

– Меня этому учили, – скромно отзывался Даниель Рут.

– А правду говорят, что самое лучшее лекарство – это смола дерева гваякум*, что растёт в Португальской Америке?

– Насколько я знаю, это лекарство совсем от других болезней. В хирургии же главный принцип: «не навреди», так учил Гиппократ*. А Парацельс* говорил: «Природа сама исцеляет раны», потому самое лучшее лечение – покой. *Medicus curat, Deus sanat* – Бог лечит, врач лишь заботится, и мудрость его заключается в том, чтобы следовать природе и Божьим заповедям...

В это время вошла горничная и сказала, что Николь

жалуется на головокружение и тошноту.

Судовой врач положил на стол салфетку и отправился к больной.

Когда он вернулся, супруга губернатора и её сестра, очарованные молодым доктором, посоветовавшись, уже решили, что Даниель Рут должен ночевать у них в доме, дабы не оставлять надолго больную. Мадам Бертезен даже не спросив самого доктора, распорядилась подготовить ему комнату.

5. ВРАЧ И ПАЦИЕНТКА

Горничная всю ночь дежурила в комнате Николь. Даниель Рут несколько раз навещал больную, а утром снова был у её постели.

Когда его пригласили к завтраку, губернатор объяснил доктору, что он написал капитану «Эсперансы» письмо, в котором просит, чтобы он разрешил Руту остаться в его доме, пока не выздоровеет племянница. В необходимости этого губернатора убедили, конечно же, жена и её сестра. Сам Рут не возражал, по пиратскому кораблю он ещё не соскучился.

Клещ, получив письмо, проявил своё недовольство, только тем, что смачно и коротко выругался. Возражать губернатору Тортуги он не мог, тем более, только что дал согласие поступить на службу французскому королю, пусть и временно, как он надеялся. Надолго задумываться о судьбе своего судового врача он не стал, было не до того – капитан «Эсперансы» занимался ремонтом и перевооружением судна.

Через два дня племяннице губернатора стало немного легче. Привыкнув к доктору, она охотно с ним беседовала, тем более, он сам был рад поговорить. После общения на корабле с безграмотными головоре-

зами, спокойные беседы с очаровательной девушкой, к которой он испытывал симпатию, его вдохновляли, и Рут прилагал все свои знания и умения, чтобы скорей поставить её на ноги.

На третий день он обратился к хозяйке дома и попросил, чтобы Николь одели и помогли вынести её в сад.

– Свежий воздух, мадам, поможет ей окончательно избавиться от головных болей...

Пока она была в саду, он не отходил от неё:

– Николь, ваша тётушка, мадам де Бертезен, говорила, что вы опытная наездница. Как же случилось, что вы не убереглись?

– Ах, господин Рут, досадно вспоминать, но это была моя ошибка. Когда лошадь испугалась, я полностью оперлась на стремя для левой ноги, а ведь оно на это не рассчитано...

– Да, женщинам приходится труднее, чем нам. Ведь езда в женском седле – настоящее искусство... Николь, зовите меня по имени, я ведь старше вас всего на шесть лет.

– А мне казалось, что вы старше намного...

– Перед тем, как я попал на корабль, мне исполнилось двадцать пять. Впрочем, после такого путешествия, наверно, я немного постарел. Я ведь не моряк, и первую неделю плавания страдал от морской болезни.

– Что же заставило вас, Даниель, пойти служить на корабль?

– Видите ли, я находился в отпуске, когда меня заочно рекомендовали дону Алонсо Контрерасу, а он знал моего отца...

– А кто же ваш отец?

– О! Мой отец, Николь, всю жизнь воевал и хотел, чтобы я пошёл по его стопам. Он с детства обучал меня фехтованию, стрельбе и некоторым другим воин-

ским искусствам, но моя природная любознательность заставила меня выбрать профессию медика. Это мне казалось гораздо интереснее, чем палить из пушек или мушкетов. Собственно, в том, что я согласился служить на корабле, тоже виновата моя страсть узнавать что-то новое. Кто же мог предполагать, что команда на судне учинит бунт и я окажусь на краю света?

– Меня тоже не спросили, когда привезли на Торту-гу. Отец мой служил в Шатле под началом парижского прево. Когда он умер, моя тётушка Диана вместе с дядей Бертраном забрали нас с мамой в Вест-Индию... – Николь рассказала Даниелю историю их переезда в островную колонию Франции.

Долгие часы они проводили в беседах, взаимно приятных, доктор практически не отходил от своей пациентки, её состояние с каждым днём становилось лучше, здоровье её укреплялось, как укреплялись и их взаимоотношения.

Прошло две недели, когда его превосходительство Бертран Бертезен спросил врача:

– Рут, благодаря вашим стараниям Николь быстро поправляется. Скажите, что у неё с ногой? Надеюсь, она хромать не будет?

– О, нет, ваше превосходительство. Стадия воспаления прошла, боли в состоянии покоя исчезли. А полное восстановление может занять не менее трёх месяцев. Но здесь врач уже не нужен...

– Вы что же, собрались нас покинуть? – без тени заинтересованности спросил хозяин дома.

– Мне неудобно вас стеснять, когда в моих услугах уже нет необходимости.

– Но «Эсперанса» недавно ушла в рейд...

– Признаться, ваше превосходительство, на суше я себя чувствую намного лучше. Я бы мог снять жильё,

которое вы мне порекомендуете...

– Вы что же, хотите заняться врачебной практикой?
– в глазах губернатора появилось любопытство.

– Больше мне заниматься нечем, – развёл руками доктор.

– Что ж, я подумаю.

Слова губернатора: «Я подумаю» следовало понимать так: «Я посоветуюсь с Дианой».

С мадам Бертезен он действительно посоветовался. Но у неё на образованного доктора были свои планы. Кроме постоянно мучившей её мигрени, она неожиданно обнаружила у себя массу других заболеваний и собиралась заняться их лечением после того, как Николь поправится. Она хотела, чтобы доктор ещё некоторое время провёл в их доме.

– Пойми, дорогая, – возражал ей губернатор, – Даниель Рут – формально военнопленный, ведь Франция с Испанией в состоянии войны. Если он надолго задержится в нашем доме, это может нас скомпрометировать и, в конце концов, отразится на моей служебной репутации. Не лучше ли ему перейти на другую квартиру? Тем более, что он сам изъявил желание заняться на Тортуге медицинской практикой...

Мадам Бертезен согласилась со своим мужем, при условии, что губернатор договорится со своим интендантом, чтобы тот сдал доктору пару комнат. Живёт он недалеко, и врач сможет приходить, когда понадобится. Так Рут поселился в доме губернаторского интенданта Маэля Муке.

6. ЗАПИСКИ ДАНИЕЛЯ РУТА

Запись одиннадцатая. «Опять я выбит из колеи и не могу никому и ничему поведать состояние моей

души. Когда с берега прибыли матросы и сказали, что меня приказано срочно доставить в дом губернатора, потому что там заболела какая-то дама, я обрадовался тому, что хотя бы ненадолго могу оставить разбойничий корабль. Потом подумал о том, в каком виде я предстану в приличном доме? Ведь меня приглашали не к подстреленному пирату. Мне стало неудобно за свой потрёпанный костюм. Но когда я увидел ту, к которой меня пригласили... Я забыл обо всём!

Племянница губернатора – Николь была прямо фантастически похожа на мою двоюродную сестру, в которую я был отчаянно влюблён в детстве. Тот же очаровательный овал лица, те же каштановые волосы и греческий нос. Бедная моя кузина умерла от горячки, когда ей не было пятнадцати... Кто знает, может быть именно тогда я захотел стать врачом.

У меня возникло искреннее желание помочь этой девушке и облегчить её страдания. И слава Богу, что все травмы её были не опасными, а состояние здоровья отменное! Будь на её месте более хрупкая девица всё могло быть гораздо серьёзнее.

Позднее я нашёл время и, прогуливаясь, прошёл дорогой, что идёт в посёлок Мильплантаж, где совершала конные прогулки мадемуазель Николь. На дороге полно камней! Нашей амазонке повезло, что она так легко отделалась. Эта дорога примечательна ещё тем, что там у обочины растёт громадное дерево, которое местные называют индийской смоковницей. В тени его ветвей могло укрыться две сотни человек, не меньше!

Как только мою пациентку перестали мучить тошнота и головокружение, я распорядился ненадолго выносить её в сад. Свежий воздух – лекарство, которое господь Бог даровал нам бесплатно, и им нельзя пренебрегать. Там, в саду, сидя в беседке, мы проводили

время в долгих разговорах, и я был очарован не только её девичьим обаянием, но и природным умом. Наши диалоги продолжались часами. Может быть, я просто истосковался по приличному обществу после многомесячного общения с солдатами и матросами? Но нет. Сейчас, когда только обосновался в комнате, которую мне любезно предоставил шевалье* Муке, я чувствую, что меня неудержимо тянет к Николь. А ведь она уговаривала меня остаться ещё на несколько дней! Почему я не остался? Теперь страдаю.

Боже мой, я ещё две недели назад проклинал судьбу, что она забросила меня на край света, а сегодня я готов вновь пересечь Атлантику, чтобы увидеться с Николь! Я обещал ей иногда приходить в их дом. Впрочем, как и её тётушке, супруге губернатора, приписывающей себе все болезни, о которых узнала. Господин Бертезен щедро рассчитался за лечение племянницы. Нужно будет купить приличный камзол. Думаю, что через пару дней навещу Николь.

Хозяин дома Маэль Муке вторую комнату предоставил мне под медицинский кабинет. Похоже, на острове я единственный медик с университетским образованием. Кроме обустройства кабинета, знакомлюсь с окрестностями. Тортуга высокий, но не гористый остров. Наивысшая точка – Морн-Монд, не превышает полторы тысячи футов».

7. ПОПОЛНЕНИЕ ЭКИПАЖА

Пока Даниель Рут занимался здоровьем племянницы губернатора Тортуги, капитан Клещ времени не терял. Каравелла получила хороший ремонт и вооружение. Мегеро распорядился вырезать дополнительные порты и добавил к орудиям «Эсперансы» ещё шесть

пушек. Экипаж был увеличен почти вдвое за счёт опытных моряков. Арно Мегеро хорошо понимал, кто ему нужен на корабле. Марко Браго также помогал набирать команду. Никто лучше его не знал местный люд.

В разбойничьем экипаже Мегеро, кроме испанцев, были французы, португальцы, голландцы, англичане, мулаты и метисы. Были и два индейца, которые хорошо знали карибские берега и отличались отменным зрением. Никто из европейцев не мог раньше их обнаружить парус на горизонте, если, конечно, не пользовался «зрительной» трубой, изготавливать которые первым стал великий Галилей.

Помощник капитана Браго даже взял в команду десяток буканьеров*. Они были незаменимы при заготовке провизии для похода и слыли меткими стрелками. Об этих славных представителях белой расы, решивших добровольно стать дикарями в силу непреодолимой любви к свободе, кою они понимали, как анархию, следует сказать отдельно.

Всё население Тортуги можно было поделить на несколько групп: флибустьеры, разбойничавшие на море, буканьеры, занимавшиеся охотой, колонисты-плантаторы, возделывавшие землю, и кабальные слуги, которых покупали первые, вторые и третьи. По истечении некоторого времени к ним добавилась ещё одна группа – африканские невольники.

Буканьеры промышляли не только и не столько на Тортуге, но и на покинутом когда-то испанцами западном берегу Эспаньолы. В начале это были потерпевшие кораблекрушение моряки, постепенно в их ряды вливались и прочие, выпавшие за борт традиционного и скучного общества люди: безземельные крестьяне, разорившиеся мелкие дворяне, ремесленники и торговцы, еретики и беглые преступники, солдаты, матросы, рабы

и прочие интересные для художественного исследования личности. Охотились они на диких свиней, одичавших лошадей, рогатый скот и других животных.

Быков и лошадей они добывали ради шкур и жира, мясо свиней жарили на бучанах – решётках из жердей. Ели его без хлеба.

На продажу мясо солили и коптили, пока оно не станет твёрдым. За каждый фунт мяса щедрые плантаторы давали два фунта табаку, а иногда и что-нибудь ещё.

Весь этот охотничий сброд состоял из ловких, смелых и беспощадных людей, каковыми они стали в силу своих занятий, к которым добавлялись кровавые стычки с испанцами, их постоянными врагами, не щадившими их никогда. Буканьеры, храбрые ребята, отвечали им взаимностью. Начальства они не признавали и не терпели никакого, не соблюдали никаких законов, кроме своих правил. Когда кто-то пытался им внушить что-либо, противное этим «правилам», они равнодушно и холодно отвечали одно и то же: «Это не принято на побережье».

Жилья или какого-либо дома у них не было, были укромные места встреч, где располагались их бучаны да несколько навесов, крытых листьями, для хранения шкур, пока не обменяют их на вино, ром, соль, оружие, порох, пули или инструменты.

Из одежды же эти суровые мужчины не носили ничего, кроме штанов и рубашки, ноги обматывали до колен свиной шкурой, вокруг талии обматывали мешок, в который залезали на ночь, чтобы защититься от змей и москитов.

Так жили они годами и десятилетиями, лишённые самого привычного, что имели ранее, например, сыра и хлеба. Что касается духовной стороны их суровой жизни, то священника на кафедре им заменял кабат-

чик за стойкой, когда они, выбравшись в поселение, удачно продавали свой товар, и там же проматывали все вырученные деньги за несколько дней.

Один раз в год, а то и в два они выбирались на Тортугу, где шатались по селениям, пили ром, как воду, вино покупали бочонками, тут же выбивая затычку и выпивая, не сходя с места. Помогали им, конечно, весёлые и жадные девки, слетающиеся к ним также, как к солдатам и флибустьерам, ибо «лиса бежит в сосняк, а шлюха – в кабак».

Иногда, развлекаясь, они устраивали соревнования на меткость. Именно за этим занятием застал группу буканьеров Марко Браго. Они окружили апельсиновое дерево и палили по нему из своих ружей, стараясь сбить как можно больше апельсинов, не задев веток. Браго только подивился, как лихо у них это получалось.

Там же, возле дерева, речистый, как проповедник, Браго и завербовал их. На судне был составлен договор, который им зачитали, и вольные стрелки приложили к бумаге свои большие пальцы, в знак того, что они поняли свои права и обязанности и обязуются их выполнять.

8. РЕЙД В АЛЬВОРАДО

Совсем скоро, как только потянул лёгкий норд-ост, «Эсперанса» подняла паруса и ушла на дело. В голове Марко Браго давно вызревал этот план – рейд в испанский порт Кристобаль-де-Альворадо* на берегу Мексиканского залива. Налёты на побережье всегда были неожиданны. Испанцы, как правило, хуже охраняли порты, расположенные далеко от островов Берегового братства. Кроме того, у него появились свежие сведения от своих шпионов об ослаблении гарнизона этого

поселения, расположенного в устье реки Папалопан.

Арно Мегеро, закончив ремонт и набрав экипаж, тоже торопился выйти в море. Поскольку у него других планов не было, он согласился с предложением своего помощника, зная, что опытный и осторожный Браго пустого дела не предложит.

Итак, дождавшись благоприятного ветра, «Эсперанса» снялась с якоря и взяла курс на запад. Оставив слева по борту остров Куба и полуостров Юкатан, через несколько дней благополучно вошла в воды Мексиканского залива.

Первый помощник капитана был твёрдо убеждён, что осторожность – это часть отваги, причём лучшая её часть. Совещаясь с Клещом, он предложил ему сразу в гавань Альварадо не входить, а скрытно высадить вооружённую группу, с тем, чтобы провести разведку, и с рассветом атаковать испанский посёлок с суши. Это была проверенная тактика – перед рассветом крепко спали жители посёлка, а иногда и дозорные на вышках. Кроме того, неожиданный налёт с тыла отрезал путь для бегства в горы и леса наиболее зажиточным поселенцам со своими ценностями.

Ближе к вечеру, приблизившись к берегу в четырёх милях севернее Альворадо, насколько позволила глубина, Мегеро высадил на берег двадцать семь человек десанта на трёх шлюпках. Возглавил группу Марко Браго. В этот отряд напросились буканьеры. Их старший, по прозвищу Шарль-Бык – свои фамилии дикие охотники давно забыли, сказал Мегеро:

– В лесу мы чувствуем себя увереннее, чем на этой качающейся посудине. И то сказать, какие мы стрелки из пушек? Нам привычнее ружья. Святое дело – пострелять испанских свиней. Сколько они загубили наших товарищей... Убивали даже спящих! Резали пика-

ми прямо сквозь мешок. Так погиб мой напарник-матлот*. Я тогда еле успел унести ноги от их разведчиков...

Клещ заметил ему, что некоторых врагов убивать не стоит. За них можно получить хороший выкуп. И напомнил, что охотники должны подчиняться приказам Браго.

– Ну это уж как получится. Если он успеет приказать, – отвечал буканьер. – Деньги уходят быстро, а исполненная месть душу греет долго...

Каждый из высадившихся на берег разбойников, кроме холодного оружия, имел при себе дюжину зарядов для ружья в кожаном патронташе и два-три пистолета.

По пути к посёлку пираты захватили двух рыбаков, допросив их, узнали, что из гарнизона в посёлке осталось тридцать солдат. Кроме того, там находился экипаж испанского корабля, стоящего в лагуне Альворадо. Добыв эти сведения, рыбаков убили, как пленные они никого не интересовали, а отпустить их было нельзя.

С первыми лучами солнца отряд Браго напал на посёлок. Своим единственным, но намётанным глазом, он сразу определил помещение, выполнявшее роль казармы, которое атаковал первым. Отряд буканьеров зашёл со стороны леса. Как только испанцы выскакивали из казармы, они попадали под ружейный огонь диких охотников, они промаху не давали.

Перебив половину солдат, остальных обратив в бегство, пираты начали грабёж. Испанские моряки бросились к шлюпкам и попытались добраться до своего корабля. Это был двадцатипушечный флейт*, видимо, захваченный у голландцев. Но в это время в лагуну вошла «Эсперанса» и, приблизившись на половину пистолетного выстрела, ударила из пушек правого борта по испанскому кораблю, где малочисленная вахтенная команда не могла оказать сопротивления. Потом Клещ скомандовал накрыть картечью шлюпки из орудий левого борта.

В результате скоротечного боя испанцы, атакованные с двух сторон, потеряли убитыми два десятка человек и столько же ранеными. Пираты разграбили все ценности из местной церкви и сожгли её. Забрали всё ценное у торговцев и прочих жителей.

Пленных испанских моряков допрашивал первый помощник капитана. Его интересовал, располагавшийся в нескольких милях крупный порт Веракрус*, фарватер его гавани, и гарнизон. Своим единственным глазом Марко всегда смотрел в будущее. Веракрус был соблазнительным объектом для всех джентльменов Берегового братства.

Сведения из пленных помощник капитана добывал традиционным способом, эффективность его доказала святая инквизиция – самыми жестокими и беспощадными пытками, из которых поджаривание на огне было наиболее гуманным. Самую ценную информацию о гавани дал корабельный плотник испанцев. Он рассказал, что на небольшом острове, прикрывающем бухту от волн и ветров, со стороны материка выстроена церквушка, здание таможни, складские помещения и несколько деревянных домов для гарнизона, который насчитывает не более полусотни солдат.

Погрузив всё добро на «Эсперансу» и дождавшись прилива, Клещ вышел в море. Захваченный испанский корабль вёл Марко Браго с авральской командой. Пираты потерь не имели, если не считать нескольких легко раненых.

9. СОВЕЩАНИЕ ТРЁХ КАПИТАНОВ

Птицы одного оперения собираются вместе, люди одного целеустремления – тоже. В капитанской каюте Ле Мюзеля – командира сорокапушечного трёхмачтового-

го корабля «Рой де ла Мер» собрались три «коршуна». Кроме хозяина там были: его соратник Оллгар – капитан фрегата «Феникс» и капитан Клец. Первые двое явно хотели произвести впечатление на новичка в капитанской когорте: Ле Мюзель был в атласном камзоле алого цвета, расшитом золотом, Оллгар – в бархатной куртке с кружевами и штанах из малиновой тафты.

Они давно вынашивали планы каперского рейда в порты испанской Кубы и решили пригласить в компаньоны капитана «Эсперансы», посчитав, что Клец, который недавно начал каперскую охоту в роли капитана корабля, легко согласится с ними, опытными капитанами.

Хозяин каюты начал разговор:

– Мои друзья сообщают, в Гаване формируется большой караван золотых галеонов. Подходят корабли из Мексики, Перу и Филиппин. Взять такой караван целиком по зубам эскадре разве что из тридцати кораблей. Моё же предложение – резать овец, оставших от стада. Галеон «Сан Антонио», не дойдя до Гаваны, встал на ремонт в бухте Баракоа*. Даже один этот корабль – довольно жирный куш... Я уж не говорю про то, что если мы возьмём его, то и весь порт наш.

Оллгар молчал. Они с Ле Мюзелем проговорили всё ранее. Мегеро заметил:

– На входе в бухту нас встретят пушки форта...

– Вот именно... Но фортуна благоприятствует смелым! Вот моё предложение, как нам миновать форт без потерь. У тебя, Мегеро, корабль испанской постройки. Под испанским флагом ты можешь беспрепятственно войти в бухту. Когда завяжешь бой с «Сан Антонио», то всё внимание канониров форта будет переключено на внутреннюю акваторию бухты... Появляется шанс нам пройти мимо форта. У них гарнизон ограничен. Не всё

спокойно в генерал-капитанстве Куба. Часть солдат и канониров снята на подавление восстания индейцев и негров-рабов в глубине острова. Ходят слухи, что их поддерживали и креолы-скотоводы. Потому наш расчёт на то, что из-за нехватки канониров в форте, они перейдут на орудия, что направлены в бухту, а может и часть орудий туда перетащат...

Мегеро молчал, только по вздувающимся желвакам можно было понять его отношение к предложению коллег по кровавому ремеслу. Он сдерживал свои эмоции, чтобы задать главный, по его мнению, вопрос:

– А нельзя ли полностью выслушать твоё предложение, Ле Мюзль? Вплоть до дележа наших призов...

– Что ж, законный интерес... Мы с капитаном Оллгаром предлагаем тебе три части из десяти. У тебя ведь меньше людей в экипаже.

– Та-а-к..., – Мегеро положил обе руки на стол, – а теперь послушайте, как выглядит со стороны то, что вы мне предложили. Я вхожу в укреплённую гавань, неизвестно как – с Божьей помощью или дьявольской, проскакиваю мимо многопушечного форта, завязываю бой с галеоном, который превосходит меня в вооружении и количестве людей, потом ещё и форт переносит огонь на меня. А после, когда выкосят половину моих людей, а может и более, в бухту заходите вы, господа стратеги, и помогаете добить галеон? И при этом мой экипаж получит меньшую долю, чем ваши?! Вы не подумали, что мне скажут мои люди, если я соглашусь на ваше предложение?!** – повысил голос капитан Клещ.

– Они-то считают, что у меня с головой всё в порядке!

– воскликнул он.

В разговор вступил Оллгар, который, надо признать, выглядел умнее, пока молчал:

– Но ведь твои матросы получают доли погибших! С

чего им быть недовольными?

Клещ вспыхнул и ударил кулаком по столу:

– Вы уже и матросов моих похоронили?! – он в ярости сбросил кувшин со стола.

– Тихо! Тихо! – забасил хозяин каюты. Он был знаком с темпераментом Мегеро, тем не менее, не ожидал такой бурной реакции. – Мы слушаем твои предложения.

Клещ, которого, главным образом, заботила добыча, не стал оспаривать предложенную роль боевого флагмана:

– Мой экипаж, исходя из доли риска, получает четыре доли призов из десяти, а вы – шесть!

Теперь пришла очередь возмутиться Оллгару. Он вскочил со стула:

– Да ты обнаглел, Клещ! Это наш план, наш рейд!...

Яростный торг продолжался более двух часов. И ни одна из сторон не считала это время потерянным напрасно. Ведь эта часть ремесла флибустьеров, не менее важна, чем сражение. Важность торга обуславливается величиной доставшейся доли награбленного.

В конце концов, договорились до того, что все экипажи получают равные доли, а абордажную команду «Эсперансы» усилят тридцатью головорезами с кораблей Оллгара и Ле Мюэля. Эти три доблестных рыцаря ножа и топора в принципе не могли не договориться, ведь основа любого бизнеса – это компромисс, даже если этот бизнес называется «грабёж с разбоем».

10. НЕПРИЯТНОЕ ИЗВЕСТИЕ

Когда Даниель Рут снова появился в доме Бертезенов, первой его встретила мадам Лоран:

– Ах, дорогой доктор, мы так вас ждали! Не могли бы вы нас навещать каждый день, хотя бы некоторое

время, пока Николь не встанет на ноги. Она себя вчера так плохо чувствовала, что отказалась даже от прогулки в саду... Мы уже совсем собрались вынести её в беседку, а она отправила прислугу прочь!

Рут улыбнулся, он был совсем не против приходить каждый день:

– Надеюсь, сегодня мадемуазель Николь не откажется от прогулки...

Через час они уже сидели на скамейке в саду и беседовали. Наверное, слово «беседовали» в данном случае совсем не подходит, они разговаривали так, как будто не двое суток, а два месяца были в разлуке и вот наконец-то встретились. Оба находились в превосходном состоянии духа. Доктор был весел и оживлён, его настроение передавалось Николь. Она смеялась над его остротами и улыбалась Руту, подавая ему надежду, что их знакомство не закончится с её выздоровлением. В сердце Даниеля уже вошла любовь, а она, как известно, может вдохновляться даже малой каплей надежды, как лесная птичка напивается каплями росы, но совсем без надежды она жить не может.

Перед тем, как распрощаться, Рут поговорил и с мадам Бертезен о её болезнях. После обеда, как и планировал, занялся обустройством своего медицинского кабинета.

Будучи в состоянии некоего душевного подъёма, Даниель Рут успевал многое. Он приобрёл всё необходимое для своего кабинета и начал приём больных. Нашёл, какие мог найти, книги по мореходству и стал дотошно изучать морское дело. По прошествии некоторого времени, когда оправился от путешествия и забыл приступы морской болезни, он, как это бывает со многими после первого плавания, заболел морем и был уверен, что эти знания ему пригодятся.

Каждый день навещая Бертезенов, из разговора с хозяйкой дома он узнал, что как только Николь выздоровеет, они планируют отправиться на остров Сент-Кристофер. Для Даниеля это было неприятной новостью.

Обеспокоенный предстоящей разлукой, Рут заговорил с Николь об этой поездке. Она же ему откровенно ответила, что никуда не хотела бы уезжать. Это инициатива господина Бертезена. Там служит его дальний родственник – лейтенант д,Эжен, который в прошлом году был на Тортуге. Губернатору пришла в голову идея поженить своего двоюродного племянника д,Эжена и племянницу своей жены Николь Лоран. Сама же Николь замуж не собиралась, тем более, что д,Эжен об этом пока не заговаривал.

После такого известия в сердце бедного лекаря поселилась тревога, и он потерял душевный покой, который было обрёл впервые за последние месяцы своей полной тревожных жизни. Даниель Рут сделал для себя открытие, что любовь не в ладу с покоем, это счастье имеет оттенок грусти, а может и вызывать страдания, ни с чем не сравнимые, разве что с зубной болью, что вздумала поселиться в сердце.

11. КАМНИ ГАЛЬЕГО

Даниель Рут, занятый своими медицинскими делами и поглощённый мыслями о Николь, и думать забыл об «Эсперансе», её лихом экипаже во главе с неистовым Мегеро и их разбойничьих делах. Они напомнили ему о своём существовании, бесцеремонно, грубо и сурово вторгнувшись в его наладившуюся было мирную жизнь.

Вернувшись после разбойничьего рейда в Баракоа, в гавань Бастер вошла каравелла капитана Клеща. Добыча каперской эскадры была внушительной: раз-

граблен портовый посёлок, захвачен весь груз галеона «Сан Антонио» – золото, серебро, кофе, индиго* и кошениль*. Но и потери флибустьеров были серьёзны. Особенно пострадала «Эсперанса», ведь ей досталась роль боевого флагмана: повреждён рангоут и такелаж, снесена фок-мачта. Но самое главное – потери экипажа: в абордажном бою с многочисленной командой галеона погибло пятнадцать матросов, был убит первый помощник капитана Марко Браго и ранен сам Мегеро.

За Рутот прислали рано утром, как только каравелла встала на якорь. Капитан Клещ находился в своей каюте, перевязанный окровавленным холстом. Лицо его было бледно, раненый лежал без сознания, периодически приходя в себя. Даниель Рут осмотрел Мегеро – ранения были тяжёлыми. Карточка попала в бедро, в бок и в руку. Сделав перевязку, Рут обратился к Бульену:

– Пьер, капитана нельзя оставлять на корабле. Раны слишком серьёзны, здесь он обречён. Его нужно доставить на берег в дом господина Муке, где я развернул медицинский кабинет...

– Как долго, доктор, Клещ будет поправляться? – Дуболома очень волновал этот вопрос – ведь каравелла осталась и без капитана, и без его первого помощника.

– Сейчас главное, не как долго, а выживет ли он вообще... Впрочем, у Мегеро дьявольское здоровье. Авось через пару месяцев поставим его на ноги... Позаботься, чтобы осторожнее переносили его в шлюпку. Раненого нельзя трести...

Через два часа Мегеро уже лежал на диване в кабинете Рута. Бульен выделил в помощь доктору молодого матроса в качестве санитаря и посыльного.

Клещ бредил и пытался что-то объяснить доктору. Приходя в себя, он звал его:

– Рут! Рут! Какого дьявола?! Подойди же! ...

Едва доктор подходил, как Арно Мегеро вновь терял сознание и начинал нести ахиною, бессвязно выкрикивая:

– Чёрт возьми!... Их надо немедленно... А ведь можно было... Семьдесят семь! Семьдесят семь!.. Алмазы Гальего...

Благодаря усилиям Рута, к утру у Мегеро спал жар, и он уснул.

Проснувшись, он снова позвал доктора. Когда Даниель Рут подошёл, Клещ попросил:

– Рут, отправьте матроса... У меня к вам разговор...

Доктор дал парню денег и отправил его за перевязочным холстом. Сел на стул рядом с постелью раненого. Мегеро облизнул губы. Даниель поднёс ему чашку с водой, раненый сделал два глотка:

– Послушайте, Рут... Это важно. Я никому больше не могу это рассказать... Только вы можете сделать это. Обещайте, что выполните мою просьбу!

– Капитан, странный разговор... Не зная просьбы, как я могу что-то обещать? А вдруг это не в моих силах?

– Это в ваших силах! Нужно всего-навсего забрать алмазы. Много алмазов!! – выкрикнул Мегеро. На его лбу выступили крупные капли пота, он скрипнул зубами...

Даниель Рут поднялся со стула:

– Капитан, вы тяжело ранены. Это не могло не сказаться на состоянии мозга... Вам надо успокоиться. Это пройдёт. Сейчас главное – выздороветь. Потом поговорим... Мы не на корабле. Здесь, в лазарете, все должны подчиняться лекарю!

Клещ снова стиснул зубы:

– Да сядьте же вы! Мне трудно говорить... Но я расскажу всё. Это не бред! Мне некому больше довериться, Рут.

Доктор снова опустился на стул.

Мегеро стал рассказывать, часто прерываясь:

– Это было давно... Несколько лет назад. Я тогда был матросом на бриге капитана Гальего... На траверзе Сан-Сальвадора-де-Байя мы атаковали корабль, вышедший из Бухты Всех Святых*. Это была фламандская каракка «Эндрахт»... Бой был тяжёлым. Особенности конструкции этих судов затрудняют абордаж... Их выпуклые борта загнуты внутрь.... Впрочем, чёрт с ними! Не в этом дело... Я вот о чём...

Добыча превзошла все наши ожидания. Видимо, это и сподвигло капитана утаить от общего дележа одну шкатулку. Никто из экипажа об этом не узнал. Никто, кроме моего приятеля Марко Браго, он был тогда канониром... После мы попали в штиль... Штиль не шторм, не каждый выдержит. Рут, вам пришлось узнать, что это такое, когда вы были на «Эсперансе»! Но эти восемь дней не идут ни в какое сравнение... Там мы болтались в экваториальных водах две недели. Даже в моём черепе мозги плавилась, как золото в тигеле ювелира, а я себя хлипким не считаю... Капитан Гальего умер. Именно тогда Марко Браго удалось завладеть этой шкатулкой...

Марко это всё рассказал мне перед смертью. Он ведь не сразу окочился. Жил ещё несколько часов после боя в Баракоа. Говоря по-вашему, он завещал мне эту шкатулку... Но её нужно забрать немедленно! Она спрятана в хижине приятеля Марко на одном из островов. Тот даже не знает, что это такое... Но знает, что это в его доме. Как только до него дойдёт весть о гибели Марко, он обязательно найдёт шкатулку и откроет...

Мегеро попытался приподняться на локтях, но тут же рухнул обратно на постель:

– Наклонитесь ко мне, Рут..., – попросил он и про-

должил свистящим шёпотом, – там алмазы, Рут! Семьдесят семь самородков, как один... Ты такое можешь представить?! Семьдесят семь камней величиной с хороший боб или грецкий орех... Каждый такой камень тянет на два-три фунта золота!

Обессиленный разговором Клещ замолчал. Даниель Рут вздохнул, взял чашку с водой и поднёс её к губам раненого, но тот был уже без сознания.

Говоря о том, что ему некому доверить тайну алмазов, Клещ несколько не кривил душой. Расскажи он о камнях Гальего кому-нибудь из своих приятелей, то самое вероятное, что могло произойти – их бы просто украли. А если бы эта история получила огласку, то его, только что ставшего капитаном корабля, обвинили бы в укрывательстве добычи от общего дележа вопреки священным законам Берегового братства, со всеми вытекающими последствиями. Но капитан Клещ, не был бы Клещом, если бы он готов был с кем-то делиться. И наплевать ему было на любые законы, будь они хоть трижды «священными».

12. ПРОСЬБА МЕГЕРО

Если сказать, что невероятный рассказ Мегеро не удивил и не взволновал Даниеля Рута, значит ничего не сказать. Он попросту не обратил на него внимания. Мало ли о чём думает и что говорит человек в болезненном состоянии? Это, так сказать, профессиональная реакция медика. Вторая составляющая такой реакции – отношение человека, которого одолевают совсем другие мысли и другие заботы. Какие камни? Какие алмазы?! Бред! Даже если где-то были какие-то камни, то почему они должны ждать, когда кто-то придет и их найдёт? И уж тем более, он, Рут, не соби-

рается ехать ни за какими алмазами. Все его мысли занимала Николь и её предстоящий отъезд. И ничто другое не могло вытеснить этих его переживаний и сердечных мук. Вот за ней-то он был готов ехать хоть на край света!

Отдав необходимые распоряжения своему помощнику-матросу, Рут направился в дом Бертезенов. Там его сразу же перехватила хозяйка дома Диана Бертезен, и доктор, набравшись неимоверного терпения, целый час – почти вечность! – консультировал её, прежде чем ему удалось увидеть Николь.

В садовой беседке они разговаривали всего два часа – одно мгновение! Время пролетело стремительно. Доктору показалось, что прошло минут пятнадцать. К беседке подошла госпожа Франсуаза Лоран и пригласила их выпить горячего шоколада. Рут сам порекомендовал Николь этот напиток для скорейшего восстановления здоровья.

За столом невольно зашёл разговор о предстоящей поездке дам семейства Бертезенов на остров Сент-Кристофер. Женщины, беседуя меж собой, изъявляли острое желание совершить это небольшое путешествие, чтобы как-то скрасить своё унылое существование на Тортуге. Даниель Рут с их слов понял, что остров Сент-Кристофер нисколько не краше Тортуги, хотя был освоен ранее. Мысли о том, что предстоит разлука с любимой, вновь испортили ему настроение.

Он даже сделал замечание, что рано Николь отправляться в путешествие, поскольку она ещё не совсем здорова и его беспокоит её нога. Мадам Бертезен и мадам Лоран так посмотрели на него, что он покраснел.

– Доктор, вы же говорили, что Николь уже практически здорова!

И тут Рут принялся объяснять, почему бы рекомен-

довал пока воздержаться от поездки. Но искушённые дамы прекрасно поняли его мотивы.

Вернувшись в свою квартиру, доктор первым делом зашёл к раненому. Мегеро опять вернулся к разговору. На этот раз он говорил менее эмоционально, но не менее убедительно:

– Послушайте, Рут, вы должны оставить свои дела и поехать за шкатулкой Гальего! Это не терпит отлагательства и стоит всех ваших дел... Я дам вам десятую часть этих алмазов. Вам никогда больше не выпадет такого случая, поверьте мне! Такая удача бывает только раз в жизни!

Доктор, погружённый в свои мысли, ходил по комнате из угла в угол:

– Капитан, да поймите же вы, сейчас главное и моё, и ваше дело – чтобы вы встали на ноги. Разве могут стоять жизни какие-то камни? Если вы умрёте на этой постели, вам не нужны будут ни золото, ни алмазы!

– А, чёрт! Правду говорят, переплывши океан, меняют только климат, но не характер. Когда разговариваю с вами, Рут, у меня такое ощущение, что я жую библию. Поймите же вы, если этими камнями завладеет кто-то другой, то я точно сдохну! – почти выкрикнул Клещ. – Я прямо-таки чувствую, что отдам Богу душу от такого известия, если он её примет, конечно. Не такая уж дальняя дорога до Сент-Кристофера, чтобы терять время, пренебрегая таким сокровищем. Да я готов отдать вам пятую часть, только немедленно отправляйтесь!

Рут, собравшийся было выйти, обернулся:

– Сент-Кристофер? Вы говорите об острове Сент-Кристофер?

– Да! Чёрт вас возьми! Это займёт всего несколько дней пути! – обессиленный Клещ снова замолчал. Лекарь поправил его покрывало и вышел из кабинета.

Если слово «алмазы» не волновало кровь Даниеля Рута, как у раненого Мегеро, то упоминание острова Сент-Кристофер, куда отправлялось семейство Бертеzenов, его равнодушным не оставило. Доктор задумался. Чем долее он думал, тем более ему хотелось отправиться на этот остров вместе с Николь. Но ведь для этого надо согласиться выполнить поручение Мегеро. А как? Не может же он об этом рассказать девушке, её тётке, её маме! Даниель был в некотором замешательстве. Решив, что утро вечера мудренее, он отложил разговор с капитаном. Авось тот ещё успокоится и передумает.

13. СОГЛАСИЕ РУТА

Утром неистовый больной опять взялся за своё и принялся вновь уговаривать Рута.

– Ну, хорошо, – ответил доктор, – допустим я согласился. Что я скажу? Куда я поехал? Я ведь по сути – военнопленный! Кто мне разрешит сделать хоть шаг с этого острова?!

– Это моё дело, Рут! Если вы согласны, то остальное – моё дело. Договорюсь с губернатором, найду корабль, который возьмёт вас...

– А что я скажу? Зачем я поехал?

– Дьявол меня побери! – чертыхнулся Мегеро. – За чем может поехать доктор? Скажите, что нужно лекарство для меня, и поезжайте...

– Не торопитесь, капитан! Одно условие – я сам решу, на каком корабле я отправлюсь.

Доктор подумал, что если и отправляться в этот неожиданный вояж, то в компании с Николь. Но он не знал, в какой день и на какой корабль губернатор посадит женщин. Капитану Клещу ничего не оставалось,

как согласиться с этим условием.

Через неделю доктору Руту стало известно, что в рейс на Сент-Кристофер идёт сорокапушечный корабль «Кардинал» с особым поручением губернатора. На нём же Бертезен отправляет своих дам, будучи уверенным, что на хорошо вооружённом и быстроходном корабле они будут в безопасности.

Клещ, который уже чувствовал себя лучше, но по-прежнему был прикован к постели, давал Руту последние наставления:

– Человека зовут Харберт. Это бывший моряк, приятель Марко. Он теперь глухой. Был канонир, стал лесоруб. Покажешь ему это...

Мегеро снял с шеи шнурок, на котором болтался кусочек кожи с какими-то знаками на нём.

– Этот талисман покажешь Харберту... Марко сказал, это их пароль.

– И что, этот лесоруб отдаст мне шкатулку?

– Нет, он сам не знает, где шкатулка и что в ней. Отправишь его из хижины и достанешь. В дальнем правом углу помещения плоский камень. Под ним тайник...

Клещ здоровой рукой схватил руку доктора:

– Рут, будьте осторожны! Кроме холодного оружия возьмите пару моих пистолетов...

– Разве кто-то знает об этом кладе? Что мне может угрожать?

– Во-первых, не потеряйте этот клочок кожи. Если вы заявитесь в хижину Харберта без него, в хижине и останетесь... Во-вторых, слухи о таких сокровищах распространяются вопреки всякому здравому смыслу и логике. Они могут проходить сквозь стены домов и переборки кораблей. Они, как дым, как вода просачиваются в невидимые глазу щели и попадают в уши тех, кого выберет господин случай...., – Клещ на минуту

умолк, чтобы отдышаться. – В общем, я не уверен, что никто не знает об этом сокровище. Тем более, сейчас, после смерти Марко Браго... И к тому же мы потеряли достаточно много времени... Чтоб мне вовек не встать с этого дивана! Надо поторапливаться, Рут... Как бы не случилось неприятности.

– О чём вы, Мегеро? Какой неприятности? Разве их мало произошло из-за этих камней? Подумайте, все бывшие хозяева алмазов мертвы! Капитан фламандской каракки убит, капитан Гальего мёртв, Марко Браго убит... Вы, ещё не получив алмазов, став владельцем всего лишь клочка кожи, уже..., – доктор стиснул талисман в кулаке. – Вы уже тяжело ранены! Да если бы у меня не было на то серьёзной причины, я бы ни за что не отправился за этими камнями!

14. «КАРДИНАЛ» ПРИБЫВАЕТ НА СЕНТ-КРИСТОФЕР

Прошла ещё неделя. Величественный трёхмачтовый «Кардинал», подняв паруса, вышел из бухты Бастер и взял курс на город Бастер. Да, да. Главная гавань Тортуги и главный город острова Сент-Кристофер носили одинаковое название, что явно не говорило о богатой фантазии первооткрывателей. Оправданием для столицы Сент-Кристофера служило то, что она заложена была раньше.

Краткое путешествие на «Кардинале» было для доктора Рута более приятным, нежели переход на «Эсперансе» через Атлантику. Удовольствие он получал ещё и от того, что на корабле была Николь. Оставаясь один в каюте, он размышлял о том, что ещё совсем недавно он жил иной жизнью, у него были другие цели и другие желания, но любовь к Николь накрыла

его неожиданно, как буря в знойный летний день. И вот уже прежние его устремления оборваны, как листья с дерева штормовым ветром, и исчезли навсегда в далёкой мгле. А он сам, как листок, влекомый этим же ветром, мчится неизвестно куда, не зная, что будет с ним завтра, но тем не менее испытывая блаженство лишь от сознания того, что рядом с ним, на этом же корабле, его любимая. Такие мысли посещали Даниеля в краткие минуты одиночества, но чаще он находился наверху, ожидая встречи с Николь. Он не пропускал ни одного её появления на палубе и использовал каждую возможность, чтобы повидаться с ней.

Когда однажды, стоя на квартердеке, они мило беседовали, Даниель Рут буквально физически ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Он повернул голову и заметил человека в чёрном камзоле, который отошёл от рулевого. По выправке он был похож на офицера, но по тому, как висела на поясе его шпага, было понятно, что этот высокий скуластый джентльмен более привык обращаться с абордажной саблей. Потом, выбрав момент, Рут поинтересовался у рулевого, что это за субъект. Матрос охотно ответил:

– Насколько мне известно, месье, его зовут Ланьяк. Он у нас в качестве пассажира. Это помощник капитана корабля «Рой де ла Мер».

Доктор удовлетворился ответом, несколько не беспокоясь фактом присутствия на «Кардинале» странного пассажира. Если бы ему было известно, что никто иной как Ланьяк возглавлял абордажную группу из тридцати матросов, посланную на помощь Мегеро, когда они атаковали испанский галеон «Сан Антонио» на рейде Баракоа, то, вероятно, он бы обеспокоился.

Генерал-губернатор Сент-Кристофера де Лонгвильер радушно и по-светски предупредительно встретил гостей. На обеде в честь их приезда, кроме самого губернатора, присутствовал вице-губернатор, капитан форта, и его помощник – лейтенант д'Эжен, которого посадили рядом с Николь. Его ухаживания за девушкой стали предметом страданий молодого доктора на всё время ужина, пока его не отвлек своим вопросом вице-губернатор:

– Какое же лекарство вы хотите найти на нашем острове, доктор?

Рут, промокнув губы, положил салфетку на стол:

– Собственно, это желание моего подопечного. Он утверждает, что настой корня сарсапарильи* помогает быстрее заживлять раны. Сам я этим лекарством не пользовался. Но коли раненый верит в это лекарство... Я счёл своим долгом отправиться за ним.

– Да, да, это великолепное лекарство! – подтвердил де Лонгвильер. – Не знаю, как он заживляет раны, но от подагры настой сарсапарильи помогает, это верно.

Мадам де Бертезен, видимо, дала лестную характеристику доктору, потому что губернатор после обеда, будучи в хорошем расположении духа, заговорил с ним о другом больном:

– Мне кажется, господин доктор, вас нам Бог послал! – начал Лонгвильер.

– А что такое, ваше превосходительство? – спросил Даниель, подумав при этом, что Мегеро не очень похож на Бога, скорее на его антипода.

– Видите ли, месье Рут, недавно во время рейда нашей эскадры был захвачен испанский вице-адмирал. Как вы понимаете, это очень ценный пленник. Я должен отправить его во Францию, чтобы там король ре-

шил его судьбу. Потому мне нужно доставить вице-адмирала пред королевские очи живым и здоровым. Но болезнь подтачивает его здоровье. Лечение, которое назначил мой лекарь, совершенно не помогает. Я просил бы вас его осмотреть...

Даниель Рут пообещал, что завтра с утра он этим непременно займётся. Когда Николь со своей матушкой и тётушкой покинули гостиную, раскланялся и он, надеясь сегодня решить дело, которое ему поручил капитан Клещ.

15. В ХИЖИНЕ ХАРБЕРТА

Хижину Харберта Даниель Рут нашёл без особого труда, благо Мегеро путь объяснил ему подробно. Лесоруб жил неподалёку от бухты. День подходил к концу, надвигались сумерки. Глухой хозяин долго не открывал, Руту пришлось в дверь постучать так, что стены заходили ходуном. Наконец дверь распахнулась и на пороге появилась крепкая фигура лесоруба. На обветренном лице его блестели капельки пота.

Рут молча снял с шеи амулет и протянул Харберту. Тот внимательно рассмотрел кусочек кожи и кивнул медным лбом, приглашая гостя в помещение. Доктор шагнул через порог. В хижине было душно. Рут, поставив саквояж на скамью, стал знаками объяснять хозяину, что ему нужно. Лесоруб прервал его, показав пальцем в ухо:

– Говори сюда погромче. Левым ухом я немного слышу.

Рут облегчённо вздохнул. Это упрощало общение с хозяином. Он всё в точности сказал, как учил Мегеро, и попросил хозяина ненадолго оставить в хижине его одного.

- Так велел Марко Браго, – добавил он.
- Как здоровье Марко? – спросил хозяин.
- Он ранен. Я доктор. Занимаюсь его лечением...

Хозяин покосился на кожаный саквояж Рута, потом бесцеремонно раскрыл его и старательно осмотрел содержимое. Видимо, оставшись удовлетворённым, кивнул и, сунув за пояс маленький топор-сучкоруб, вышел из хижины.

Рут, не мешкая, приступил к делу. С помощью кинжала зацепил и отодвинул плоский камень, что лежал в правом углу хижины и представлял из себя часть пола, который был выполнен из камней и глины. Этим же кинжалом стал рыть грунт. Где-то здесь должен быть тайник. Рут искал его старательнее похмельного матроса, что ищет в своих карманах последний эскудо. Наконец, клинок наткнулся на твёрдый предмет. Это была дубовая шкатулка. Та самая, что закопал здесь когда-то покойный Марко Браго. Вскрыв её, доктор убедился, что алмазов действительно семьдесят семь.

Рут впервые увидел необработанные алмазы, потому в начале даже усомнился, имеют ли какую-то ценность эти тусклые, невзрачные, неправильной формы камешки, покрытые мутной корочкой с трещинами. Но свет от свечи, попадая на грани камней, отражался и искрился, создавая в ночи иллюзию некоего волшебства. Впрочем, долго любоваться на алмазы лекарь не стал. Пересчитав камешки во второй раз, мелкие алмазы он разместил в кожаный пояс, который надел под камзол, крупные – положил на дно своего медицинского саквояжа. Следуя в точности инструкциям Мегеро, в шкатулку насыпал комья сухой глины и плотно закрыл её.

И сумку, и шкатулку он положил под лавку у двери, накрыв своим плащом, и стал дожидаться хозяина.

Когда появился Харберт, Рут сразу же собрался

уходить. Он протянул лесорубу кошелёк с золотыми монетами:

– Это от Марко Браго, – сказал ему в ухо.

– Опасны ли его раны? – поинтересовался хозяин хижины, когда кошелёк утонул в его огромной лапе.

Доктор описал ранение Мегеро:

– Ранение тяжёлое, но, думаю, он поправится...

Взяв свою поклажу, Рут толкнул дверь и шагнул в темноту.

16. СХВАТКА ПОД ЛУНОЙ

Он немного постоял у хижины, пока глаза привыкли к темноте. В это время в пространстве между облаками появилась прозрачная луна. Её узорчатый блеск раскрасил тихие воды лагуны. На земле же стало видно, куда ставить ногу.

Но едва Рут отошёл от хижины Харберта, путь ему преградили два зловещих силуэта. Неизвестные стояли спиной к луне, светившей жёлтым фарфоровым фонарём в обрамлении синих туч.

И тут Рут понял, что, торопясь, он не взял с собой пистолеты. Отпрыгнув в сторону, как кошка от дворовых псов, доктор выхватил шпагу и встал спиной к росшему у дороги дереву. В планы двух разбойников, видимо, тоже не входило стрелять из пистолетов и устраивать шум. Вынув шпаги, они двинулись на лекаря. Тот, что пониже ростом, стал заходить слева.

Рут положил саквояж и шкатулку на землю и сделал резкий выпад в сторону приблизившегося грабителя. Он отпрыгнул. По реакции разбойника было понятно, что шпага – не его оружие. Зато высокий атаковал напористо, хотя и не слишком умело. Силы ему было не занимать, но, по-видимому, рослому джентльмену

чаще приходилось орудовать абордажным топором, нежели шпагой.

При свете луны в полной тишине ночной улицы разгорелся неравный поединок. Был слышен только звон клинков да тяжёлое дыхание дерущихся. Драться одновременно с двумя противниками задача непростая даже для опытного фехтовальщика, каковым Рут и был. Если низкорослого нападавшего можно было держать на дистанции за счёт превосходства в длине рук и оружия, то с высоким доктор выбрал тактику ближнего боя и старался поразить его в ноги и кисть руки, держащей шпагу. Разбойник же, рассчитывая на грубую физическую силу, стремился пробить защиту Даниеля, нанося удары в область головы и плеч. Лишь однажды, выбрав момент, когда доктор отвлёкся на другого грабителя, он достал его своим клинком, но от глубокой раны Рута спас кожаный пояс, набитый драгоценными камнями.

Взъярившийся Даниель, проведя ложную атаку в плечо, неожиданно ударил в правую ногу выше колена, которую противник слишком далеко выставил вперёд. Разбойник смачно выругался и схватился за бедро. Если бы удар пришёлся в артерию, то на этом бы с ним было покончено. Но грабитель пришёл в себя и продолжил атаковать. Шляпа слетела с его головы, и доктор в свете луны узнал пассажира в чёрном камзоле с корабля «Кардинал». Это был Ланьяк!

Замешкавшийся на секунду Рут проморгал, как другой разбойник схватил саквояж со шкатулкой и пустился наутёк.

– Стоять, мерзавец! – вскричал Даниель, рванулся в его сторону и достал шпагой плечо убегающего. Тот выронил саквояж и скрылся в темноте, не выпуская из рук шкатулки.

Ланьяк уже понял, что недооценил лекаря – оказывается, тот владел не только хирургическим инструментом. Пират продолжал яростно атаковать, несмотря на бегство своего напарника. У него просто не было выхода. Убежать из-за раненой ноги он не мог, да это и не входило в его планы. Ланьяк жаждал захватить саквояж и проверить карманы на холодном трупе доктора.

Рут всеми силами стремился быстрее закончить схватку. Убежавший пират мог вернуться в любой момент. Он сделал шаг вперёд и направил клинок в правое плечо противника. Ланьяк, отражая удар, снёс своей шпагой клинок доктора. Но Даниель, как опытный фехтовальщик, не вложил всю силу в этот удар, правая рука его была расслаблена, шпага прошла под клинком противника, а он ещё и с силой ударил по этому клинку слева направо, когда тот и без того уходил вправо с линии атаки. Пират раскрылся и Рут, сделав выпад, вонзил шпагу в правый бок помощника капитана корабля «Рой де ла Мер». Ланьяк, издав хлюпающий звук, рухнул на землю.

Теперь надо было убираться с поля боя как можно быстрее. И Даниель, прихватив саквояж, пустился бегом по улице, предоставив господу Богу решить судьбу истекающего кровью пирата. Рут знал, что его шпага в сердце не попала, пронзив разбойнику правое лёгкое.

17. ВИЦЕ-АДМИРАЛ БАУТИСТА

На ночлег доктор Рут был определён в доме, расположенном неподалёку от генерал-губернаторского, потому утром он, как и обещал, явился, чтобы осмотреть испанского высокопоставленного моряка. Помощник губернатора, которому было поручено надзирать за пленным, проводил врача в комнату, отведённую ви-

це-адмиралу. Испанец сидел за столом. «Значит, не так уж плох», – подумал Даниель.

– Доктор Рут, – помощник коротко представил врача и назвал имя больного:

– Вице-адмирал Хуан Баутиста.

После этого он спросил, не нужно ли чего доктору, на что тот ответил:

– Нет, благодарю вас, я сначала должен осмотреть господина вице-адмирала...

Рут побеседовал с испанцем, послушал его лёгкие и заставил сплунуть на салфетку. После диагностировал:

– Думаю, у вас желудочное кровотечение, дон Баутиста. Вы чем-то лечились?

– Был у меня здесь лекарь-цирюльник. Лечил кровопусканием...

Доктор посмотрел на испанца:

– Так вот откуда у вас такой бледный вид! Что ж логику цирюльника понять можно. Если выпустить всю кровь, то она и из желудка течь перестанет, – Рут поднялся. – Есть растения, которые эффективно останавливают желудочные кровотечения. Я приготовлю вам эти лекарства...

Остаток дня Даниель Рут посвятил приготовлению лекарств. Но перед этим он увиделся с Николь, ибо сердце доктора мучила ревность. После встречи с девушкой, убедившись, что её отношение к нему не изменилось, Рут немного успокоился. Тем не менее, он желал, чтобы они быстрее покинули Сент-Кристофер. Во-первых, он не хотел, чтобы Д,Эжен, общаясь с Николь, как-то расположил к себе девушку. Во-вторых, алмазы были при нём, и он торопился от них избавиться – передать их Мегеро.

Но прошло ещё несколько дней их пребывания на острове, пока мадам Бертезен не заговорила об отъез-

де. Видимо, «Кардинал» принял весь груз, что должен был забрать на Сент-Кристофере, ибо, как доктор догадывался, главной целью визита корабля были торговые дела двух губернаторов: Лонгвильера и Бертезена.

За это время испанскому вице-адмиралу стало лучше. Кровотечение прекратилось, настроение его поднялось, и он всё чаще расспрашивал Рута, интересуясь как новостями Тортуги, так и самим доктором:

– Вы, Рут, безукоризненно говорите по-испански. Я подумал вначале, что вы испанец.

– Нет, господин адмирал, я был на испанской службе. Но теперь я такой же пленник, как и вы...

Даниель Рут в подробностях поведал, как их корабль захватили мятежники и как он оказался в Вест-Индии. Испанец с интересом выслушал печальную повесть доктора.

Вице-адмирал был знаком с генерал-капитаном Контрерасом и с капитаном Карлосом. Но, что важнее, он вспомнил и другое знакомство:

– Полковник Льерт Рут – не ваш ли родственник?

Получив ответ Даниеля, что это его отец, он воскликнул:

– Рут, мы с вами в одинаковом положении! Мы оба оказались в плену из-за подлого предательства!

Он вскочил и стал ходить по комнате из угла в угол. Потом со словами: «Вы мне помогли, я не привык оставаться в долгу, и постараюсь хоть чем-то облегчить вашу судьбу, молодой человек!», вице-адмирал позвал помощника губернатора и попросил принести бумагу и перо.

18. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ТОРТУГУ

На следующий день пришло неожиданное известие – к соседнему с Сен-Кристофером острову Невис* по-

дошёл испанский флот в составе пятнадцати тяжёлых галеонов и двенадцати фрегатов. На рейде Невиса стояло десяток французских и голландских судов, которые испанцы тут же объявили пиратскими со всеми вытекающими последствиями. Команды кораблей в лихорадочной спешке попытались сняться с якорей и улизнуть, но фортуна отвернулась от них. Только двум судам удалось сбежать на Сен-Кристофер, под прикрытие пушек форта.

В связи с этим генерал-губернатор де Лонгвильер стал готовить свою эскадру с тем, чтобы вступить в бой либо в торг, ведь у него был ценный заложник – вице-адмирал Баутиста. Может быть, его пленение и спровоцировало «дружественный визит» испанцев.

Итак, солдаты и моряки Сент-Кристофера занялись подготовкой к выходу в море. Лейтенант Д, Эжен, разочарованный прохладным отношением к себе со стороны Николь, попрощался с ней и отбыл на корабль, чему доктор Рут был чрезвычайно рад.

Лонгвильер дал команду капитану «Кардинала» срочно сниматься с якоря. Война войной, а рисковать ценным товаром было нельзя. В конце концов любая война ради него и затевается. После обеда корабль вышел в море, увозя на Тортугу трёх дам и доктора.

Нечего и говорить о том, что Даниель Рут считал свою поездку удачной. Не только потому, что он был жив и возвращался с алмазами, но, главным образом, потому, что возвращался вместе с Николь, чьё сердце, как ему казалось, лейтенанту Д,Эжену не удалось завоевать. К его хорошему настроению добавлялся тот факт, что паруса «Кардинала» наполнял попутный ветер, который восторженный Даниель про себя окрестил «ветром удачи».

Они вновь стояли на верхней палубе и животвор-

ное солнце улыбок мадемуазель Николь освещало все уголки беспокойной души Даниеля Рута. Находясь в приподнятом настроении, он чистосердечно признался Николь, что никогда в жизни не хотел бы с ней расстаться, и если она не против, то он всегда будет рядом. На что девушка, улыбнувшись, ответила, что не всё зависит от их желания. При этом она пожала Даниелю руку, улыбнувшись ласково и трогательно, из чего он сделал вывод, что она тоже испытывает к нему добрые чувства и не против связать с ним свою судьбу, но существует ещё мнение его превосходительства – господина де Бертезена. И несмотря на это «но», весь мир для Рута в эти минуты казался весенним садом.

Ещё более сильные чувства испытывал флибустьерский капитан Клещ в ожидании приезда доктора. Никто и никогда с таким искренним нетерпением не ждал встречи с Даниелем Рутот. Сам Рут тоже хотел быстрее отчитаться о своей опасной поездке. Поэтому, как только он проводил дам к дому губернатора и получил от его превосходительства приглашение к ужину, доктор тут же отправился домой, дабы навестить больного, страдающего от неизвестности.

Он сразу же зашёл в комнату к Клещу, передал камни, коротко рассказав о стычке с Ланьяком. Надо было видеть с каким выражением лица пират пересчитывал камни, как сияли его глаза, когда он перебирал алмазы. «Так не радуются, вероятно, и Божьей благодати. Вот как со стороны выглядит настоящая любовь без малейшей степени притворства и фальши», – подумал Рут, глядя на Арно Мегеро, который в этот момент совершенно не напоминал больного, настолько живым и вдохновлённым было его лицо. Казалось, он сейчас вскочит с дивана, начнёт отплясывать и петь про луну, которая «скатилась в море с небосклона, сметая звёзды, как алмазы».

Наконец, Мегеро, поднял глаза на доктора:

– Вы молодец, Рут! В таких делах шансы, как правило, пятьдесят на пятьдесят. Я диву даюсь, как вы умудрились разделаться с Ланьяком! Он опытный боец. Видно, вас действительно учили фехтованию... Я хотя и надеялся на лучшее, но признаться, был готов к худшему. Но, чёрт меня побери, мы с вами вовремя успели! Как говаривал дядюшка Хончо: «Ранней пташке достаются все букашки». Неплохие букашки нам достались, а доктор?.. Впрочем, мне нужно рассчитаться с вами.

Мегеро отсчитал восемь камней и положил их на столик:

– Они ваши, Рут.

Доктор весело хмыкнул:

– Капитан, вы полагаете, это пятая часть?

– Это десятая часть, Рут! – отрезал флибустьер.

– Я хорошо помню договоры, даже если они устные. Я не говорил вам, что дам пятую часть. Я сказал всего лишь, что готов дать пятую часть. На это вы мне ответили, что ни за что бы не поехали за камнями, если бы у вас не было своей причины! – глаза Мегеро весело сверкнули, – Надеюсь, ваши дела тоже в порядке?

Доктор бросил камни в свой саквояж.

– Хорошо, – согласился он, закрывая сумку. – Мне кажется, из вас бы получился неплохой коммерсант. Вы, прямо-таки, виртуоз в нюансах договоров...

– Ошибаетесь, доктор. Я пробовал себя на этом поприще. Но обыкновенный монах оказался проворнее меня в торговых делах! Поэтому мне пришлось вернуться к моему ремеслу. И кажется, я не прогадал, прах меня побери! А, доктор? – Клещ громко рассмеялся, ликующим смехом игрока, сорвавшего банк. Или счастливым смехом влюблённого, прикованного к

предмету своей страсти. Ведь настоящее имя истинной любви – плен, и неважно, к женщине эта любовь или к деньгам.

19. РАЗГОВОР С ГУБЕРНАТОРОМ

Экономическая сторона рейса корабля «Кардинал» завершилась вполне благополучно, тем не менее, когда мадам Бертезен рассказала своему мужу, что при всём её старании и содействии, его племяннику Д.Э-жену не удалось расположить к себе Николь Лоран, Бертран Бертезен проявил неудовольствие и даже осмелился заявить супруге:

– Выходит, ваша поездка, мадам, была не совсем удачной...

В ответ Диана Бертезен окатила его превосходительство холодным взглядом:

– Может быть, вашему племяннику, мой дорогой, стоит меньше думать о службе, когда следует уделить внимание девушке?

Мадам Бертезен никогда не повышала голос, ей достаточно было поднять брови, чтобы погрузить в смятение своего благоверного. Что она и сделала, выказав справедливое негодование замечанием супруга, после чего, изобразив на лице иронию и покачав головой, удалилась отдать распоряжения кухарке и горничной. Его превосходительство же стал в расстройстве поправлять манжеты, поняв, что ляпнул лишнего и подумал, что вечером надо будет извиниться перед Дианой.

После ужина в губернаторском доме доктор Рут просил аудиенции у господина Бертезена. Он решил, коль удача последнее время сопутствует ему, нужно не упускать момент, идти в наступление и ковать железо, пока горячо.

В кабинете губернатора после длительной словесной увертюры, подбирая подходящие слова, Даниель Рут, как ему показалось, весьма убедительно, довёл до его превосходительства свою мысль о том, что он и Николь любят друг друга и он, Рут, просит у губернатора Тортуги руки его племянницы.

Бертезен удивлённо вытаращил глаза, пытаясь в подражание своей супруге поднять свои густые брови. Он, безусловно, считал такую просьбу нахальством со стороны молодого человека:

– Но, Рут, вам не кажется, что слишком много препятствий для такого союза? Вы же подданный другой страны. Я даже не знаю, католик вы или кальвинист – приверженец новой церкви. Кроме того, я в некотором затруднении, как с вами поступить? Вы же попали в плен, находясь на испанском корабле!

– Ваше превосходительство, вы знаете, что я пленён человеком, который в тот момент не был на службе французского короля. Швейцарский Союз не воюет с Францией, ведь я не подданный испанской короны. На службе меня удерживал лишь договор с капитаном Карлосом. Сегодня этот договор расторгнут вице-адмиралом Хуаном Баутистой, как высшим офицером.

Даниель Рут положил на стол губернатора бумагу, которую ему вручил испанский вице-адмирал. Бертезен заинтересованно стал читать документ.

– Ну хорошо, допустим, сия бумага позволяет не считать вас военнопленным, и вы можете беспрепятственно покинуть Тортугу. Но только и всего...

– Что касается моего вероисповедания, ваше превосходительство, то моему отцу оно нисколько не мешало служить королю-католику, а я, как врач, откровенно признаться, далёк от религиозных разногласий, потому как у хирургов свой взгляд на главное творение Господа**...

Его превосходительство забарабанил пальцами по столу:

– Кроме вопросов духовных, к которым вы относитесь столь легкомысленно, существуют и материальные вопросы. Вы, молодой человек, видимо, о них забыли. А я, как опекун мадемуазель Николь, просто обязан о них думать. Моя племянница в замужестве не должна ни в чём нуждаться. Какое будущее вы ей можете предложить? Жены лекаря на острове Тортуга? – губернатор откинулся в кресле и в упор посмотрел на доктора.

Рут, конечно, не мог сказать губернатору, что его материальное положение сейчас не так уж плохо, отчасти поэтому он и набрался храбрости завести этот разговор, не мог он сказать ему и того, что собирается увезти Николь в Европу, а уж там-то, он был в этом уверен, у них будет всё в порядке.

Разговор их длился долго, но желанного успеха Даниелю не принёс. Господин Бертезен не дал молодому человеку никакой надежды. Рут отправился домой в расстроенных чувствах. Надо заметить, что он был огорчён, но не сокрушён, опечален, но не сломлен. Он вспомнил свою матушку, которая говорила, что деньги счастья не приносят. Теперь он знал точно, что беде-нежье тоже не приносит счастья. Но нельзя сказать, что он упал духом. На безусловный успех в разговоре с губернатором трудно было рассчитывать. Так что Рут, несмотря на некоторую холеричность своего характера, к поражению отнёсся как солдат, понимая, что это явление временное. И был глубоко прав, потому что истинный смысл жизни состоит не в том, чтобы удовлетворять свои желания, а в том, чтобы их иметь.

Его превосходительство же поспешил к супруге, передать разговор с Рут. Он правильно рассчитывал,

что после такой новости его Диана сразу же забудет ту бестактность, которую он допустил днём, будучи расстроенным тем, что не удалось организовать помолвку Николь и Д.Эжена. Он подумал о том, что, помогая многим мужчинам Тортуги обрести жён и подруг, не может устроить судьбу собственного племянника.

Здесь нужно сказать, что его превосходительство губернатор Тортуги и Берега Сент-Доменга действительно сделал очень много для того, чтобы колонисты закрепились на острове, а флибустьеры, завершив морские дела, остались на Тортуге в качестве мирных колонистов. Это именно он в числе своих первых мероприятий на острове выписал из Европы около сотни женщин, которых доставили на Тортугу в сопровождении монахинь монастыря Мадлонет*. Если на родине эти молодые девицы были весьма лёгкого поведения, и самое малое, что им грозило – это телесное наказание, то здесь они пользовались большим спросом в качестве невест. И многие неплохо устроили свою семейную жизнь.

Прослышав о том, что на острове Тортуга им оказывают больше уважения, нежели во Франции, решились на переезд и другие дамы, не отягощённые собственностью и моралью. Прибыв на остров, они убеждались, что колонисты и флибустьеры на деле ничуть не хуже, а иногда даже лучше, тех молодцов, с которыми им приходилось сталкиваться в прошлой бурной жизни.

Кстати, именно флибустьеры, а не колонисты первыми брали «на abordаж» понравившихся красоток. Взяв дамочку в жёны, отважный рыцарь Карибского моря торжественно заявлял нечто подобное: «Я беру тебя, не требуя отчёта о твоём поведении в прошлом, но если, дав клятву быть мне верной подругой, ты нарушишь её, – тут морской разбойник поднимал над го-

ловой мушкет, – он отомстит тебе! Не будешь верна ты – будет верен его прицел!»

Женщины, безусловно, произвели некоторую перемену в устройстве жизни мужского населения острова. Конечно, они не передали одичавшим поселенцам правил и обычаев высшего света, от которых сами были безмерно далеки, но всё ж способствовали их «очеловечиванию», привив много общего с европейской цивилизацией в привычках, взглядах и поведении. От мужей же они переняли воинственный дух и отвагу, которые помогли им чувствовать себя наилучшим образом в условиях Нового света.

Тем временем, Рут, находясь в некотором возбуждении после разговора с высокопоставленным родственником своей возлюбленной, сразу домой не пошёл, а решил прогуляться, направившись по тропе, мимо светившихся окон таверны, откуда доносился шум веселья. Там не менее дюжины освежённых ромом глоток горланили песни:

За ветер удачи, за ветер добычи!

За меткость прицела, за прочность клинка!

За губы любимой, за сладкое тело!

За вкус чёрной крови из глотки врага!

Песня смолкла, застучали кружки. Через неприкрытые окна на улице было всё хорошо слышно. Выпив, кто-то прокричал скабресную шутку в адрес собутыльника. Тот ответил в том же духе, но ещё резче. Раздался хохот, потом грохот, и началась потасовка. К ней тут же подключились все, находившиеся в увеселительном заведении, даже не поняв, из-за чего началась эта «разминка», но, тем не менее, добавляя в драку накала и свирепости.

Как практикующий хирург Даниель прекрасно знал,

что спиртное убивает гораздо больше моряков, чем пули. В то же время, как житель Тортуги, он знал и то, что спроси любого флибустьера, тот скажет, что предпочёл бы умереть скорее от рома, чем от картечи. В этом и была причина, что в любом поселении после того, как ставилась церковь, чтобы угодить Богу, вслед за ней воздвигалась «часовенка» в виде кабака, чтобы потешить дьявола.

Отвернувшись, доктор прошёл мимо таверны, не дожидаясь, когда развеселившаяся в кабаке публика начнёт выкатываться на улицу, и отправился домой.

20. ТОРГОВЫЙ КОРАБЛЬ «СЕН-БЕРТРАН»

Супруга губернатора, Диана де Бертезен, родная тётка Николь, конечно, тоже была не в восторге от такой партии для любимой племянницы, как корабельный врач. Тем не менее, поговорив с Николь, с доктором она говорить не стала, потому что у каждого разговора должно быть продолжение, а отказать от дома она ему не могла, точнее, не хотела. Слишком много у неё обнаружилось болезней, а советы и лекарства доктора Рута ей очень помогали. Ей даже временами казалось, чтобы если бы не доктор, она бы давно умерла.

Мадам Лоран, мать Николь, и вовсе не хотела говорить ни с кем, кроме дочери и своей сестры, на эту тему. Материнское сердце желало родному чаду только счастья, она не хотела девушку ни к чему принуждать, считая, что та сама во всём разберётся и не желала даже косвенно быть причиной огорчений Николь.

Потому Даниель Рут продолжал бывать в доме Бертезенов. Правда, уже реже. Были к тому две причины: отношения с его превосходительством стали более сухими, а вторая причина была в том, что Николь совер-

шенно выздоровев, снова возобновила конные прогулки и у доктора была возможность встретить её там.

Время они проводили в сердечных беседах, в которых Даниель своё красноречие употреблял на то, чтобы убедить Николь в искренности и серьёзности своих намерений. Девушка отвечала ему взаимностью, но была сдержанна в отношении планов их скорой женитьбы. Потому, что не представляла себе, как можно добиться согласия господина Бертезена. Она очень не хотела семейного скандала, слишком многим они с матушкой были обязаны тётушке Диане и её супругу. Даниель же убеждал её: он докажет кому угодно, в том числе и её дядюшке-губернатору, что он, как будущий муж, нисколько не хуже Д.Эжена. Как он это делает конкретно, он не говорил, да и сам в точности не знал, но был убеждён, что это так и будет. Ничто так не стимулирует любовь, как неодолимые препятствия: кто любим – силен, кто любит, тот всемогущ, потому говорил Даниель горячо и убедительно, как говорят все влюблённые. Слова его звучали сладкой музыкой, кружили голову Николь, ей казалось, что она вдыхает воздух рая... Но темперамент её не был таким холерическим, как у Даниеля Рута, а природная женская интуиция подсказывала: настойчивость и терпение помогут более, дабы изменить мнение её родственников, нежели поспешность и натиск – в соответствии с поговоркой: «К тому приходит благодать, кто умеет ждать».

Свободное от свиданий, а также от лечения колонистов и флибустьеров время, Даниель Рут посвящал изучению морского дела, читал книги по истории кораблестроения и навигации и подробно расспрашивал о тонкостях мореходства всех шкиперов, штурманов, капитанов и боцманов, канониров и матросов. Этого требовал его пылкий ум, природная жажда знаний

и неуёмная энергия, не позволявшая сидеть без дела.

Так проходили недели и месяцы. Мегеро, как только смог встать на костыли, заявил доктору, что в его медицинском кабинете он чувствует себя как мушкетер на аналоге, и перебрался на корабль. Капитану снова нужно было заниматься ремонтом корабля, снова нужно было пополнять команду: часть людей погибла в последнем походе, кто-то ушёл к другим капитанам, пока он валялся у доктора на диване.

Испанский корабль, захваченный в порту Кристо-баль-де-Альворадо, Клещ продал губернатору. Без помощи погибшего Браго ему было трудно оснастить и отремонтировать два корабля, тем более – набрать две команды. Бертезену тоже второй корабль был не слишком нужен, но его соблазнила цена. Мегеро, потеряв из-за ранения много времени, торопился от него избавиться и назначать высокую цену не стал, тем более для губернатора, который, надо отдать ему должное, умел извлекать прибыль из своего служебного положения.

Как говорит известная французская поговорка, если вино на столе, его надо пить. Коли судно было куплено, его нужно было эксплуатировать. Один каперский корабль у господина Бертезена уже был. После некоторых экономических расчётов он сделал вывод, что приобретённое судно выгоднее использовать в качестве «купца», а не капера. Операция по доставке собственного товара из Вест-Индии в Марсель сулила немалую выгоду**. Кроме того, оснастить и набрать команду на торговое судно было не в пример дешевле.

Не мудрствуя лукаво, господин де Бертезен дал купленному кораблю скромное название «Сен-Бертран», подобрал капитана, которого звали Блез Ламерт, заключил с ним контракт, поручил набрать команду и подготовить судно.

Даниель Рут, конечно, сразу узнал об этом. Сердце его билось слишком часто от любви к Николь, мозг тоже не отдыхал – он думал, как ему поднять свой авторитет в глазах её высокопоставленного опекуна и добиться руки племянницы губернатора Тортуги. Кроме авторитета, он думал также и о том, что господин Бертезен назвал в числе главных препятствий отсутствие у него достаточных доходов. Как только Даниелю стало известно, что «Сен-Бертран» готовится не к каперским рейдам, а к коммерческим операциям, он счёл, что это никак не противоречит его внутренним убеждениям и решил начать карьеру моряка.

21. ЗАПИСКИ РУТА

Запись двенадцатая. «Вновь я принимаю решение, которое очевидно повлияет на мою судьбу. Разве что теперь оно более осознанное, чем-то, когда я согласился доставить камни для господина Мегеро. Иногда, достигнув цели, начинаешь понимать, что ты – всего лишь средство. Не о камнях же я думал тогда! Все мои мысли занимала Николь, даже когда я отправился в хижину Харберта... Я тогда забыл пистолеты, с которыми до этого не расставался. Но слава Господу – Он меня спас! Значит, для чего-то это было Ему нужно? Потому я не жалею о том, что согласился с поручением капитана Клеща, и сегодня я бы поступил точно так же. Хотя не хотел бы больше иметь с ним никаких дел...

Но разве я мог остаться на Тортуге, когда Николь увозили для того, чтобы д,Эжен уговорил её выйти за него замуж? Да я бы умер здесь от тоски и неизвестности! Так что услуга разбойнику Мегеро – небольшая плата за то, что я был рядом с Николь. А главное, мы

вместе вернулись! Нет, не это главное... Главное, что мы, наконец, объяснились. Вернее, объяснился я, а она не возражала. Вот это и есть главное.

Теперь остались сущие пустяки – добиться согласия губернатора, вернее, губернатора и его супруги, на наш брак. Насколько я понимаю, её матушка, мадам Лоран, возражать не будет. По крайней мере, до сего дня она ничем не выразила своё несогласие.

Так вот, возвращаясь к моему решению... Я решил служить на корабле. Жить на острове и не быть моряком, это противостоит природе. Тем более, что морское дело меня весьма увлекло. И прав господин Бертезен, когда говорит, что если сидеть лекарем на Тортуге, то не добьёшься ничего. Я вижу, как он относится к морякам. Если и есть люди достойные его внимания на его острове, так это капитаны кораблей. Тем более – его кораблей! Меня привлекает то, что «Сен-Бертран» готовится не к каперским, а к торговым рейсам. Это окончательно повлияло на моё решение. Невозможно более ждать у моря погоды. Хотя Николь заверила меня, что она будет ждать сколько угодно. Но я не могу ждать, сколько угодно, прекрасно понимая, что моя судьба – это она!

Самое страшное для меня сегодня – это потерять надежду на то, что мы будем вместе. Без неё жизнь моя превратится в прозябание и не будет в ней ни единого счастливого дня. Только её голос, только её взгляд меня сегодня вдохновляют и наполняют сердце радостью, а голову мыслями, что впору сравнить с божественным сиянием. Разве может с этим сравниться моё прежнее унылое существование? Остаётся только сожалеть о тех днях, прожитых впустую, когда я ещё не знал Николь. Расстанься сейчас я с нею, не смогу ни есть, ни спать и зачахну, как бледнеет и чахнет

зелёный росток, имевший несчастье прорасти под тяжёлым валуном. Теперь я точно знаю, зачем судьба меня привела на «Эсперансу»... И может быть, я должен отчасти быть благодарен пирату Мегеро, что увлёл меня на другую сторону света?

Как бы то ни было, я твёрдо решил попасть в экипаж «Сен-Бертрана», даже если капитан Ламерт не сочтёт возможным предоставить мне место второго штурмана... Что ж, отправлюсь в рейс простым матросом.

В своих смелых ночных мечтаниях я не раз похищал Николь и увозил её в Европу. Но ведь это без корабля сделать невозможно. Поэтому я ещё и ещё раз убеждаюсь – путь к дому лежит через океан. А мой дом теперь – это объятия Николь. И неважно, где мы с ней будем вместе – здесь, на Тортуге или там, в Швейцарии».

Вот такую, полную решимости и самых искренних чувств запись сделал Даниель Рут в своём дневнике накануне того дня, когда он обратился к капитану торгового корабля «Сен-Бертран» Блезу Ламерту.

22. РУТ СНОВА НА КОРАБЛЕ

Когда он явился к Блезу Ламерту, занимавшемуся вооружением судна, тот был, конечно, весьма удивлён. К тому времени авторитет Рута на Тортуге, как медика, был весьма высок. Чему немало способствовал и капитан Клещ, к мнению которого в Береговом братстве прислушивались. Мало того, что доктор заштопал и поднял на ноги флибустьерского капитана в кратчайшие сроки, так ещё Клещ однажды высказался в авторитетной кампании себе равных: «Если и есть на этом богоспасаемом острове настоящий джентльмен, так это доктор Рут. Клянусь морским дьяволом, господа!»

Каких похвал не скажешь в адрес человека, который доставил тебе кучу алмазов на блюдечке с голубой каёмочкой! Впрочем, мы говорим только о репутации Даниеля Рута в глазах капитана Клеца, ведь у любого человека столько репутаций, сколько у него знакомых.

Так вот, капитан Ламерт был очень удивлён:

– Мсье Рут, но разве стоит менять вашу практику на берегу на должность лекаря на торговом судне?

– Хочу сказать вам, что я готов выполнять обязанности врача на вашем судне, капитан, но во вторую очередь...

– Кем же вы себя видите в первую?

– Я бы хотел служить вашим помощником, капитан.

– Вы? Моим первым помощником?

– Ну, почему сразу первым? У вас есть вакансия второго помощника.

– Да, но...

– Прошу вас экзаменовать меня в навигации и устройстве корабля, и, если вас удовлетворят мои знания, надеюсь мы заключим контракт.

Второй раз капитан Ламерт был удивлён, когда убедился, что лекарь умеет пользоваться всеми навигационными приборами, знает весь рангоут и такелаж, а также корабельную артиллерию.

Капитан Ламерт и второй помощник капитана Рут подписали контракт.

Когда его превосходительство узнал об этом, он тоже очень удивился и высказал явное неудовольствие, предполагая, как на это отреагирует его Диана.

– Что же вы, Ламерт? Неужели нельзя было найти другого офицера?

Капитан Ламерт, был калачом тёртым и знал, когда нужно угодить губернатору, а когда напомнить, кто капитан корабля.

– По-моему, ваше превосходительство, вы сами составили наш контракт, в котором сказано, что я набираю команду. Если вас что-то не устраивает, давайте его перепишем!

– Нет, нет, капитан, это просто моё мнение...

Он помнил, что даже маленькое нарушение контракта влечёт большое недоверие.

Нет надобности говорить, что супруга губернатора была очень недовольна тем, что Даниель Рут сменил род деятельности и она осталась без своего доктора. Мадам Бертезен не замедлила высказать мужу своё крайнее неудовольствие в довольно резких выражениях. На что его превосходительство, уже обдумавший эту ситуацию, ей мягко отвечал:

– Что поделать, дорогая, я не могу ему этого запретить – он волен поступать, как ему заблагорассудится. Рут ведь не уезжает с Тортуги. Пусть послужит на корабле. В конце концов, это наш корабль. Образованный и надёжный человек мне и там пригодится...

– Ах оставьте, Бертран! То, что он остался на Тортуге, отнюдь не ваша заслуга!

Госпожа Бертезен могла бы и не разговаривать с супругом, она его понимала и так, как понимает ветеринар своих пациентов, ни о чём их не расспрашивая.

Губернатор только вздохнул, ему трудно было влиять на мнение жены, поскольку невозможно было узнать точно, в чём оно состоит.

Диана Бертезен обсудила эту новость с сестрой. Мадам Лоран, конечно же, переговорила с дочерью. На что Николь ответила:

– Мама, я не иду против воли моего дядюшки и не требую, чтобы он немедленно дал разрешения на наш брак с Даниелем! Но я не могу влиять на его решение пойти на более выгодную службу. Вы прекрасно знае-

те, что его превосходительство ему прямо сказал, что прозябание врачом на Тортуге – это не путь к достатку.

Как только эта новость дошла до Мегеро, он удивлялся недолго, так как во всём привык искать материальную причину. Поскольку их с Рутот связывала тайна алмазов Гальего, его тут же пронзила догадка, от которой флибустьерского капитана даже пробил горячий пот. «Ай да доктор! Он не так прост, каким хочет казаться. Оказывается, делец ещё тот! А я-то голову сломал, как мне поступить с камнями».

Ход мыслей Клеща был прост и логичен. Поскольку камни нельзя продать здесь, их надо сбыть в Европе. И продать их нужно после огранки. Ведь обработанный алмаз, даже потеряв в весе стоил в пятнадцать, а то и в двадцать раз дороже! Мегеро нисколько не сомневался, что доктор именно за этим и хочет на «Сен-Бертране» отправиться в Европу. Ведь от племянницы Бертезена он никуда не денется! Арно Мегеро решил встретиться с доктором Рутотом, не откладывая этого дела в долгий ящик, поскольку более других его утомляли дела, к которым он ещё не приступил, и конца им не было видно, потому что все дела капитана Клеща были связаны с деньгами, а деньги его лишь возбуждали, но никогда не насыщали.

23. РАЗГОВОР С КЛЕЩОМ

Даниель Рут большую часть времени находился на корабле, подготавливаемом командой к выходу в море, иногда наведываясь по необходимости в свой кабинет в доме интенданта Муке. Именно там, за письменным столом, его и застал капитан Клещ. Он вошёл без стука, поздоровавшись, бросил шляпу на диван, на котором провёл не самые приятные дни своей замечатель-

ной жизни и уселся на стул, стоящий посреди комнаты. Рут развернул свой стул и тоже присел.

После некоторых общих фраз доктор спросил Арно Мегеро о здоровье:

– Я вижу, вы, капитан, уже обходитесь без трости? Раны не беспокоят?

– Раны уже не болят, однако ночью мучает бессонница. Раньше я спал, как бревно, а сейчас даже ром не помогает... Правда, признаюсь, после него я хотя бы бодрствую в лучшем расположении духа.

– Если раны не беспокоят, значит плохой сон у вас не из-за них, а по другой причине.

– Что вы имеете ввиду?

– Сами знаете... Камни уже у вас, но они всё равно вам не дают покоя.

– Это верно, доктор. С ними надо что-то делать. Однако, Рут, с алмазами вы мне оказали большую услугу, клянусь всеми чертями преисподней!

Даниель усмехнулся:

– Вы полагаете, капитан, она существует, эта преисподняя?

– А как же, прах меня побери! Иначе куда отправляются все флибустьеры после смерти? Впрочем, этого не проверишь, оттуда приветы не приходят...

– Что верно, то верно... Вам надо выбросить из головы эти алмазы, тогда ваш сон восстановится. Мудрые люди говорят, что богатство счастья не приносит.

– Видно, когда-то им пришлось поиметь такой опыт! Каждый однако хочет испытать это на себе. Не думать об этих камнях – задача невыполнимая, это всё равно что не думать о себе, – Мегеро навалился на спинку стула и положил ногу на ногу. – Так вот, возвращаясь к нашим алмазам... Вы мне помогли, но ведь я тоже в своё время вам жизнь спас. Сгоряча мои головорезы

могли вас повесить!

– Да, да, я помню две верёвки на нок-рее...

– Да, не об этом я, Рут! Кто старое помянет.., – пират нетерпеливо махнул рукой. – Я о том, что нам надо и дальше держаться вместе, так будет безопаснее для вас... Да и мне спокойнее.

– До сих пор я считал, что у меня на Тортуге нет врагов...

– У вас, может быть, и нет, но не у ваших алмазов. Разве ночное свидание с Ланьяком вас в этом не убедило?

– Вы что же, капитан, хотите дать мне телохранителя?

– Это, если понадобится... Пока рано. Я о другом. Скоро «Сен-Бертран» отправляется в Марсель...

– Да, вроде бы так...

– Мне это известно достоверно.

– Видимо, вы более информированы...

– Это точно. Вы, наверное, сами понимаете, что наши камни можно поменять на золотые монеты только там. Причём, коли их продавать в Европе, то выгоднее продавать бриллианты, а не алмазы... Вы, вероятно, об этом тоже знаете...

– Мои познания в ювелирных делах весьма ограничены...

– Вот, вот... Я и предлагаю довести дело до конца, найдя подходящего ювелира.

Мегеро замолчал, выжидательно глядя на Руту. Даниель не знал, что ответить. Он встал и прошёлся по комнате:

– Капитан, но это же не просто взять что-то и привезти. С ювелирами я никогда не имел дела!

Клещ, понимая, что лошадь привести на водопой можно, но пить она должна захотеть сама, продолжал

молча гипнотизировать доктора своим взглядом.

– Мне надо подумать, – сказал Рут.

Мегеро подтянул сапоги и поднялся со стула:

– Когда мой помощник Питер, которого все почему-то зовут Дуболомом, говорит: «Надо подумать», я вздрагиваю. Но если это говорит доктор Рут, то я уверен, что именно так и будет.

Флибустьерский капитан надел шляпу и по привычке надвинул её на лоб, закрывая шрам.

24. «СЕН-БЕРТРАН» НАПРАВЛЯЕТСЯ В ЕВРОПУ

Надо признаться, Даниель Рут сам ломал голову, как ему поступить с восемью алмазами, полученными от Клеща. И то, что он подсказал, было действительно самым разумным вариантом. Однако, доктору очень не хотелось дальше иметь дело с Мегеро. От этого человека постоянно исходила опасность.

С другой стороны, он понимал, что если Клещ что-то задумал, то обязательно добьётся. Своё прозвище он получил не даром: во что он вцепился, будь то корабль или человек, уже не отпустит. Его слова: «Нам надо держаться вместе» надо было понимать так: «Никуда ты, доктор, не денешься, раз уж вляпался в наши разбойничьи дела».

Рут в этом винил только себя самого, когда он, решив во что бы то ни стало отправиться вместе с Николь на Сен-Кристофер, согласился выполнить поручение Мегеро. В тот момент его нежная страсть и ревность заменили ему разум и мысли. Теперь же Даниель почувствовал себя мухой, которая неосторожно уселась на каплю мёда. Не зря говорят, что любовь – это торжество воображения над разумом.

После некоторых размышлений он утешил себя

тем, что сам решил сменить медицинскую стезю на ремесло торгового моряка. Вспомнил он и о том, что ему необходимо иметь какие-то денежные средства, чтобы возобновить сватовство к своей избраннице. «Что ж, – подумал он, – не разбив яйца, не приготовишь омлета, придётся заниматься коммерцией во всех её проявлениях, включая ювелирные дела». После этого он немного успокоился, ведь когда мы судим себя сами, приговор обычно бывает в нашу пользу.

Вместе с капитаном Блезом Ламертом он занимался подготовкой корабля к дальнему рейсу: загружали в трюмы запасы провианта и воды, принимали груз. За груз отвечал Рут, как второй помощник капитана. Поэтому у него с господином Бертезенем состоялся отдельный разговор.

– Я доверяю вам ответственное дело, Рут, – начал губернатор. – Дело в том, что в последнее время голландские торгаши развили невероятную активность на островах, принадлежащих французской короне. Это наносит большой ущерб нашей торговле. Уже невозможно купить товар по справедливой цене, также трудно и пристроить его здесь, в Вест-Индии, с хорошей коммерческой выгодой. Засилье голландцев возмутительно велико, их вездесущие купчишки настолько обнаглели, что его величество король Франции, вероятно, в ближайшем будущем объявит Голландии войну**... Впрочем, это его королевское дело. А наше дело наладить торговлю с выгодой для Франции!

Здесь надо отвлечься и пояснить, что, когда господин Бертезен говорил о выгоде для Франции, он имел в виду, в первую очередь, свою выгоду. Когда он говорил о покупке по «справедливой» цене, это означало втрое дешевле.

Даниель Рут, уже достаточно долго был знаком с го-

сподином Бертезеном, чтобы хорошо понимать губернатора Тортуги. Его превосходительство хотя и был патриотом, но при этом был твёрдо убеждён, что деньги, прежде, чем попасть в королевскую казну, должны пройти через его руки. В конце концов, на то они и деньги, чтобы ходить по рукам. Когда же приходила пора заплатить налоги, весь его патриотизм испарялся, как испаряется дождевая лужа под палящими лучами выглянувшего из-за туч солнца.

Что касается взаимоотношений французов с голландцами, то здесь Рут знал точку зрения испанцев. Те смотрели на этот альянс, как на союз двух воров, запустивших руки в карманы друг друга так глубоко, что не способны поодиночке ограбить их, испанцев, которые, собственно, были третьим вором, успешно грабившим уже полтора столетия аборигенов Нового света.

– Почему я говорю это вам, Рут?.., – пояснил губернатор, заканчивая разговор, – возможно, нам предстоит долгое сотрудничество. Если рейс в Марсель будет удачным, я подумаю о приобретении ещё одного судна...

«Сен-Бертран» шёл в Европу в составе каравана из восьми торговых и шести военных кораблей. Впрочем, различие этих судов было невелико. На военном корабле было больше пушек, матросов и канониров, торговый – мог взять в свои трюмы больше товара, потому как численность экипажа и запас провианта был меньше. Прибыль, конечно, приносила доставка товара, потому что возить пушки туда-сюда – дело, с точки зрения коммерции, явно невыгодное. С другой стороны, только идиот мог отправить безоружным судно, везущее огромные ценности. Любой, вывалившийся из строя и отставший от конвоя корабль, имел девять шансов из десяти стать добычей пиратов.

Перед отплытием Даниель Рут наедине нежно по-

прощался с Николь. С Арно Мегеро он тоже прощался наедине, хоть и не так нежно, тот вручил ему два крупных алмаза. Сразу все камни пиратский капитан решил не отправлять, он был готов рисковать своей жизнью, но не своими алмазами. Ведь жизнь для него была всего лишь игрой, наподобие игры в кости, где учёт побед и поражений он вёл с помощью денег.

25. ДАНИЕЛЬ РУТ В ЖЕНЕВЕ

Как только «Сен-Бертран» оставил укромную гавань Тортуги и устремился на восток, Диана Бертезен, решив, что отсутствие Даниеля Рута поможет более успешному разговору с племянницей, вновь возобновила с ней беседы о племяннике губернатора лейтенанте д,Эжене.

В разговоре с Николь тётушка была сколь ласкова, столь и настойчива. Она вначале намекала, а потом и говорила прямо, что если состоится помолвка с лейтенантом, то щедрость господина Бертезена позволит ей получить солидное приданое, а учитывая хорошие доходы и предприимчивость Д,Эжена, их молодая семья будет обеспечена на всю жизнь.

Несмотря на всё её красноречие, девушка либо молчала, либо отвечала своими аргументами на доводы своей властной тётки. И вовсе не потому, что была упряма, хотя отчасти и это имело место быть, а потому, что любовь, коль она есть, до такой степени ненавидит принуждение, что для неё в силу какой-то особой природы ненавистны даже уговоры, не говоря уже об отказе от этой любви. Ведь отказаться можно только от надуманного чувства, настоящая же любовь приказов не слушает, от неё не спасёшься и за дверь не выставишь.

В конце концов, Николь заявила:

– Ах, тётя, вы всё время говорите о состоянии и карьере Д,Эжена, но что если Даниель Рут сделает успешную карьеру и станет обеспеченным человеком? Что вы скажете в этом случае?

– Дорогая племянница, англичане говорят: «Катящийся камень мхом не обрастает», тебе придётся так долго этого ждать, что можно и состариться, не дождавшись!

– Неужели вы считаете, что Рут не сможет обеспечить свою семью? Ведь вы же сами говорили, что он способный молодой человек...

Поняв, что её племянница обладает не менее твёрдым характером, чем она сама, Диана Бертезен решила взять паузу, надеясь, что время всё расставит по местам и девушка просто устанет ждать очаровавшего её лекаря. Строгая тётушка была в том возрасте, когда начинают забывать, что разлука может убить лишь маленькую любовь, большую – она делает крепче.

Время шло, спустя месяц, оставив по левому борту форт Сен-Жан*, корабль губернатора Тортуги «Сен-Бертран» входил в лазурные воды марсельской гавани. Паруса были убраны, судно прошло около кабельтова до намеченной стоянки и капитан, стоящий на мостике рядом с лоцманом, скомандовал: «Отдать якорь!»

Шлюпка была спущена, и капитан Ламерт в сопровождении Рута и матросов отправился на пристань. После того, как были решены таможенные вопросы, и они вернулись на корабль, Даниель Рут обратился к капитану с просьбой об отпуске.

– Насколько я понял, пока мы получим груз для обратного рейса пройдёт дней двадцать. Мне же, чтобы съездить в Женеву* и навестить родителей, две неде-

ли достаточно. Я прошу вас, капитан, предоставить мне эту возможность. Кто знает, когда я в следующий раз окажусь в Европе? Я готов компенсировать вам и первому помощнику те труды, что вам выпадут в моё отсутствие., – Рут положил на стол кошелёк с золотыми монетами.

Блез Ламерт, взвесив его на руке, решил, что они с первым помощником без труда справятся, и запер кошелёк в рундук.

– Только я вас предупреждаю, Рут, через двадцать дней «Сен-Бертран» отправится в Вест-Индию независимо от того, будете вы на борту или нет.

– Я успею, капитан. Если я буду менять лошадей, то до Женевы доберусь за пять дней, не более...

– Мы предполагаем, а Бог располагает! Давно ли вы, месье Рут, путешествовали по Франции?

– Признаюсь, давно...

– Вот-вот... Моряки говорят: «В незнакомых водах, нет безопасных бродов». Тем не менее, желаю вам удачи!

Получив отпуск от капитана Ламерта, Даниель Рут, не теряя ни дня, отправился в дорогу. Вопреки опасениям капитана, путь он проделал без приключений и через пять суток увидел вершину Мон-Блана*.

К этому времени отец и мать Даниеля, разумеется, уже получили известие о том, что каравелла «Эсперанса» была захвачена пиратами прямо в гавани Порто-Рибера, и у них оставалось мало надежды на то, что они увидят сына живым. А потому встреча была особенно радостной и сердечной.

И уже потом Льерт Рут стал расспрашивать сына, как ему удалось вырваться из рук пиратов. Даниель отцу всё рассказал честно, кроме того, что алмазы достались ему от Мегеро. В его изложении владельцем

камней был губернатор Тортуги Бертран де Бертезен. Молодой Рут знал, что даже эта маленькая ложь, по мнению его матушки, была большим грехом перед Господом, но перед старым Рутом, учитывая его характер, это была вещь весьма полезная. В остальном рассказ Даниеля был точен, включая его чувства к племяннице губернатора.

Льерт Рут нахмурился, слушая сына о том, как тот оказывал пиратам медицинскую помощь, но, когда Даниель показал ему бумагу, полученную от вице-адмирала Баутисты, он сменил гнев на милость по отношению к поведению сына среди пиратов, вспомнив поговорку: «Находясь в Риме, веди себя как римлянин». Старый Рут хорошо знал вице-адмирала. Коли он проявил участие к его сыну, значит Даниель этого достоин.

Когда же молодой Рут дошёл до рассказа о том, как он стал обладателем восьми драгоценных камней, выполняя рискованное поручение, старый служака и вовсе остался доволен, ибо так удачно не начиналась служба даже у него. По этой причине, а также потому, что Даниель был всё-таки его сыном, стало быть его созданием, а любой человек относится весьма благосклонно к своему творению, полковник Рут согласился помочь сыну в его делах с ювелирами, благо он знал их всех.

Нужно отметить, что пока Даниель не поступил в университет, Льерт Рут воспитывал его довольно сурово, ведь он хотел видеть сына только военным, причём успешным военным. Именно поэтому он муштровал и натаскивал Даниеля с двенадцати лет во всех воинских дисциплинах, в которых сам был искусен. Главным же стимулом в обучении старый солдат считал обязательность наказаний. Поэтому сына он держал в

строгости и наказывал регулярно, иногда сам не зная, за что, и искренне считая при этом, что его сын сам поймёт, за что, ведь наказаний без причин не бывает. Теперь старик был горд тем, что его наставления не пропали даром.

Уже на следующий день отец и сын были у ювелирных дел мастера Саммела Кюве. Мастерская ювелира одновременно служила и лавкой для торговли. Недорогие изделия Кюве делал не только на заказ, а среди его клиентов были не только представители городской знати и духовенства.

В мастерской было довольно светло. В соседней комнате, где было меньше места и света, работали два подмастерья.

– Приветствую вас, господин Рут, в убежище моих трудов! – поднял руки хозяин. – По-моему, мы с вами не виделись года два?

– Точно так, маэстро золотых дел! – Старый Рут пояснил своему сыну:

– В последний раз господин Кюве инкрустировал ножны для кинжала, что подарил мне один испанский гранд в ответ на мой подарок – двуствольный пистолет. Ты помнишь, я его тебе показывал...

– Да, да, молодой человек! Я не очень разбираюсь в кинжалах, но в ножнах кое-что понимаю. Теперь у полковника Рута самые лучшие ножны в нашем городе, – похвастался ювелир.

– Сегодня, господин Кюве, мы с сыном пришли по более серьёзному делу. Извольте взглянуть на эти камни...

Четверть часа, а то и больше, старый ювелир разглядывал алмазы через шлифованное стекло, что заменяло ему ювелирную лупу. Потом ещё столько же выяснял у младшего Рута, что же он хочет.

Два алмаза, что вручил Даниелю Мегеро перед рейсом в Европу, Кюве согласился обработать сразу и оценить. Касаемо остальных сказал, что оценит их позже, назвав лишь их приблизительную стоимость. Поэтому свои камни Даниель оставил отцу, который дал сыну лишь аванс за них, поскольку не располагал достаточными средствами. Даниель Рут надеялся, что он снова навестит своих родителей в ближайшее время.

После того, как второй помощник капитана корабля «Сен-Бертран» уладил свои коммерческие дела, он провёл ещё три дня с матушкой и отцом, а после отбыл в Марсель, выслушав прощальное напутствие матушки. «Береги себя, сынок. Сверх меры трудного для себя не ищи, и что свыше сил твоих – не испытывай!» – сказала она и, перекрестив, поцеловала сына.

26. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Спустя пять дней Даниель Рут уже вновь был на борту своего корабля. Предназначавшийся им груз ещё полностью не был получен, и второй помощник капитана сразу занялся делом, исполняя свои обязанности с усердием человека, дорвавшегося до любимой работы. На самом деле старания Даниеля Рута были вызваны желанием поскорее выйти в море и взять курс на маяк с именем «Николь».

Прошла ещё неделя, прежде чем оставшийся товар был привезён купцами в порт, переправлен в трюмы «Сен-Бертрана», уплачена пошлина и таможенники выдали необходимые бумаги. Наконец корабль, получив весь назначенный груз, вышел из гавани в воды Лионского залива и направился вслед за солнцем на запад.

Этот рейс в Вест-Индию был благополучным и при

попутном ветре, который Рут вновь счёл «ветром удачи». Долгими вахтенными часами он думал о предстоящей встрече с Николь и подводил итоги своего путешествия в Европу: поручение Мегеро он выполнил, обменяв два его алмаза на золото, свои камни тоже пристроил. Правда деньги за них получил только наполовину, но отец обещал, что в следующий рейс он уже получит всё за реализованные алмазы. Так что сам Даниель себя уже не считал бедным лекарем. Если к этому прибавить жалование за рейс и вознаграждение, которое обещал капитан Клещ за услугу, то он вполне себе респектабельный жених. К тому же теперь он себя считал уже опытным морским офицером.

Исходя из вышеизложенного, он счёл возможным преподнести Николь в подарок кольцо с бриллиантом, приобретённое у ювелира Кюве, которое, по его мнению, должно не только девушке понравиться, но и произвести впечатление на её высокопоставленного родственника. Думая о своей возлюбленной, он часто доставал колечко из рундука и предавался счастливым мечтам, мысленно торопя парусник, неспешно рассекавший форштевнем* длинные океанские волны.

Но иногда его одолевали тревожные мысли о том, что господин губернатор может предпринять ещё одну попытку поженить своего племянника д,Эжена. Воображение рисовало ему приезд лейтенанта на Тортугу и сердце Даниеля разрывалось от невыносимых страданий, меру которых не будучи влюблённым познать невозможно. Быть в неведении относительно событий в губернаторском доме было для него настоящей пыткой. Но ни за что на свете несчастный Рут не захотел бы променять свои любовные страдания на безмятежное спокойствие того времени, когда он не был знаком с Николь.

На тридцать пятый день обратного путешествия, как раз, когда была вахта Рута, за два часа до полудня, пробили четыре склянки и марсовый матрос крикнул: «Земля!», то были берега Эспаньолы. До родного порта было рукой подать. Даниель Рут поймал себя на том, что впервые подумал об острове Тортуга, как о родной гавани.

27. РУТ – ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК КАПИТАНА

Прошло два месяца, как «Сен-Бертран» возвратился из Марселя. За это время произошло не так уж много событий. Самое приятное для Даниеля Рута – это то, что Николь приняла его подарок – кольцо, приобретённое у ювелира Саммела Кюве. Неприятным же было то, что лейтенант Д,Эжен в его отсутствие снова приезжал на Тортугу. Но и третья его попытка покорить племянницу губернатора Тортуги оказалась безрезультатной.

Тётушка Диана, несмотря на правило всегда добиваться своих целей, даже прониклась некоторым уважением к своей племяннице, видя в её упорстве черты своего характера и вспоминая себя в молодости, что, согласитесь, всё-таки приятно, даже если молодёжь поступает наперекор твоим настойчивым советам.

Вручив колечко своей любимой, Даниель с полным основанием стал считать, её своей невестой, собственно и Николь восприняла это как первый шаг к помолвке. Родственники же её словно не замечали этого. Губернатор Тортуги говорил с ним только о делах коммерческих да о мореходных качествах своего корабля. Блез Ламерт после столь длительного и сложно-го рейса дал самые лестные характеристики Руту как

штурману. И то сказать, это был первый морской поход Даниеля, и он старался как мог, исполнительности ему было не занимать. Здесь спасибо нужно сказать его отцу, который солдатскую дисциплину вбивал сыну бамбуковой тростью, и Даниель хорошо помнил эти уроки мужества.

Поэтому, когда заболел первый помощник капитана Ламерта, он перевёл на эту должность Даниеля Рута, заключив с ним новый контракт и повысив его денежное вознаграждение. Так что к следующему плаванию Рут готовился в качестве первого штурмана. Потому теперь при подготовке корабля к рейсу, он не только контролировал загружаемый в трюмы товар, помогая второму штурману, но и обеспечивал необходимый запас воды и продуктов на длительный рейс. Он следил за тем, чтобы дубовые бочки под воду были старыми, из обожжённого дерева, вода была с добавлением уксуса, дабы долее не портилась**.

Запасая провиант, Рут опирался не только на свой уже имеющийся опыт, но и советовался, причём не только с капитаном, но даже с корабельным коком, чтобы ничего не упустить. Солонина была основной пищей моряков. Её мелко рубили и варили, добавляя рыбу, бобы или чечевицу, специи и обязательно ром. Почти то же самое кок делал с галетами, когда они становились твёрдыми, как камень. Эти сухари он молот, разводил водой, добавлял туда соль, те же бобы и специи. Вся эту кашу матросы называли «собачьим пирожным».

Ну и, конечно, Рут не забывал о луке, чесноке, во избежание цинги, а также оливковом масле и сушёных овощах. Профессия медика ему позволяла правильно оценить разнообразие запасённых продуктов.

28. ШТОРМ

Поскольку до следующего рейса прошло достаточно много времени, многие матросы ушли на другие корабли, капитану Блезу Ламерту пришлось изрядно обновить команду, особо не придираясь к профессиональным качествам кандидатов в экипаж.

И вот, когда груз, который губернатор Тортуги намеревался отправить в Европу, был сформирован и нашёл своё место в трюмах «Сен-Бертрана», корабль в составе каравана вновь взял курс на Марсель.

Вышли из гавани при лёгком попутном ветре. Но в этот раз «ветер удачи» изменил Даниелю Руту и кораблю. Два дня небо было чисто, а океан на всех румбах спокоен, как швейцарские озёра. При всех парусах судно шло уверенно, разрезая слабую пологую волну и делая не менее десяти узлов.

На третий день ветер переменился и посвежел. Уже на восходе солнца небо стало ярко-красным за счёт подсвеченных солнцем лёгких облаков, обычно идущих впереди шторма. От былой безмятежности не осталось и следа. Постепенно всё небо становилось красным уже с тёмным медным оттенком, а вдали, на горизонте, появилась чёрная зловещая полоса. Ветер, казалось, стал затихать, стало душно, жара усилилась, приближалась буря.

Ламерт распорядился убрать паруса, и вовремя. Гребни волн стали захлёстывать палубу, водоворотами уходили в подветренные шпигаты*. В воздухе повисли капли воды и морской пены, затрудняя видимость, а потом ещё и пошёл дождь. Ничего не было видно, ничего не было слышно – гигантские грохочущие волны, поднимая корабль на гребень, бросали его в бездну, испытывая стонущий корпус судна на прочность. Когда

временами прекращался ливень, а судно находилось на гребне очередной страшной волны, было видно, что на мили вокруг океан кипел, а ближе подступали огромные стены бушующей воды.

«Сен-Бертран» бросало из стороны в сторону, как крошечную скорлупку грецкого ореха; поднимаемый волной, жалкий кораблик с голыми мачтами и спущенными стенгами зарывался форштевнем в гребень, и казалось, он уже не появится из под очередной волны. Дополняло картину страшное небо, по которому бешено неслись чёрные облака, молния зигзагами резала темноту, и, разрывая барабанные перепонки, бил гром, как будто пытался открыть ворота преисподней.

Даниель Рут впервые попал в океанский шторм и это было для него серьёзным испытанием. Сознание того, что он является первым помощником, не давало ему возможности проявить слабость, подвести капитана и показать плохой пример матросам.

Океан бушевал два дня**. Когда к концу третьих суток напор стихии стал ослабевать, никто из команды не мог поверить, что они живы после такого урагана. Постепенно уходил страх одних и оцепенение других. Выходило солнце, таял туман. Нечего было и думать отыскать другие суда каравана.

В команде не досчитались троих. Погиб на глазах у Рути второй штурман, проявив неосторожность. Не было также двух матросов, очевидно их тоже утащило за борт штормовой волной. Капитану Ламерту крепко досталось – были повреждены правая рука и нога, кроме того, он ударился головой.

Нужно было определяться, где они находятся. Никто ничего не мог сказать, кроме того, что их основательно отнесло к зюйд-весту. Навигационные приборы были в нерабочем состоянии.

29. РАЗВЕДКА НА БЕРЕГУ

Когда день вступил в свои права и туман рассеялся, Рут, осматривая горизонт, к западу заметил неизвестную землю. Дав команду взять курс восток, первый помощник зашёл в каюту капитана. Блез Ламерт лежал на постели с перевязанной головой. После короткого совещания с капитаном было решено, что Рут на шлюпке должен отправиться на берег, чтобы определиться с местом их нахождения.

«Сен-Бертран» галсами приближался к береговой полосе. Очертания земли становились всё явственней. Над кораблём появились птицы. Непонятно было, что это за остров. Судя по всему, он был не малых размеров. Замерили лотом глубину. Корабль бросил якорь в двух кабельтовых от берега, ближе подойти не позволяла осадка судна с трюмами, полными товара.

Взяв с собой двенадцать матросов, на которых он мог положиться, первый помощник капитана Даниель Рут направил шлюпку к берегу.

Берег неизвестной земли был песчаным и пологим, чуть далее начинался лес, а далеко за деревьями виднелись вершины холмов.

Наполовину вытащив шлюпку на отмель и закрепив швартовые концы за самодельные кнехты*, чтобы застраховаться от шальной волны, команда разделалась. Четверых матросов Рут оставил на месте, восемь человек взял с собой и отправился через лес к самому высокому холму, оценив расстояние до него в две-три мили, не более. Поднявшись на вершину, он хотел осмотреть местность и, возможно, найти следы людей, если таковые здесь есть, опасаясь, как и вся его команда, наткнуться на испанцев.

Войдя в заросли, моряки поняли, что переоценили свои возможности. Это был болотистый мангровый лес*, и чтобы пройти по нему даже три мили, нужно потратить немало времени и сил. За это время прилив мог лишить их шлюпки. Рут принял решение вернуться на берег. Просигналив на корабль о вынужденной задержке, он послал матросов по берегу в разных направлениях с целью найти надёжную бухту для шлюпки, что дало бы им возможность провести разведку без страха потерять её.

К вечеру таковая бухта была найдена, шлюпка надёжно пришвартована, и команда Рута стала готовиться к ночёвке.

Тут к первому помощнику капитана подошёл молодой матрос:

– Господин Рут, мне кажется, там дальше по берегу я видел следы людей...

– Тебе кажется или ты видел? И где это «дальше»?

– Рут был недоволен тем, что день прошёл впустую.

– Когда обнаружили эту бухту, я прошёл ещё с полмили по берегу. Там я увидел на берегу колья, остатки разделанной рыбы. Как будто на берегу побывали рыбаки. Разрешите нам туда наведаться, пока не стемнело... Может быть найдём что-нибудь интересное.

– Томас, какого же чёрта ты мне сразу не доложил? Бери двух человек и быстро туда! Но что бы там ни обнаружили, до захода солнца вы должны быть в лагере...

Трое матросов, прихватив ружья, двинулись вдоль берега, держась подальше от зарослей. Остальные сооружали лежбище для ночлега и готовили ужин из подстреленного козлёнка.

Прошло два часа, уже стемнело и Рут начал беспокоится. Но тут к костру вышли посланные им на разведку трое матросов. Однако из темноты появились

четверо! С матросами был полуголый индеец со связанными за спиной руками.

Томас объяснил Руту – индейца нашли привязанным к дереву неподалёку от того самого места, которое заметил матрос.

– И что же он говорит? – спросил Даниель Рут.

– Ничего он не говорит, господин Рут! Может быть, краснокожий Билл его спросит? Он-то должен знать, на каком языке разговаривать с этими чертями!

Матрос Билл был индейцем-полукровкой. Рут пригласил его поближе, заставил сесть рядом пленного индейца. Билл задал пленнику несколько вопросов, на которые тот коротко отвечал.

– Ну что? – нетерпеливо поинтересовался Рут.

– Он из племени мискито*, больше я ничего не понял...

– Как же, не понял? Он даже употребил испанское слово «земля» и английское «корабль». Давай спрашивай дальше! Впрочем уже понятно, что это никакой не остров. Это материк – Москитовый берег*. Как далеко нас унёс ураган! Насколько мне известно, индейцы мискито воюют с испанцами, а здесь хозяйничают англичане. Это уже хорошо!

Первый помощник капитана с помощью матроса Билла почти полночи допрашивали индейца. К концу разговора были получены сведения, в общих чертах проясняющие ситуацию.

Поселение индейцев племени мискито находится приблизительно в десяти милях, за холмами. Военный форт англичан ещё дальше, на Большой реке**. Они, пятнадцать молодых мужчин из индейской деревни, жили здесь во временном лагере и охотились на морских черепахах. Из оружия у них были ножи, дротики и гарпуны, которые использовали для охоты на этих зем-

новодных. Привязали его к дереву в наказание свои соплеменники по приказу сына вождя их поселения. В чём была вина молодого охотника ни Рут, ни допрашивающий индейца Билл, так и не поняли.

Но что его соплеменники настроены были серьёзно, все поняли рано утром. Отряд спасло то, что Рут какую-никакую военную школу прошёл и на ночь выставил двух часовых. Индейцы на рассвете атаковали их лагерь. Одного часового убили, он даже пикнуть не успел, но второй поднял тревогу. Проснувшиеся моряки дали ружейный залп в сторону атакующих, индейцы бежали, оставив двух убитых.

Когда похоронили своего матроса и двух индейцев, Томас подошёл к Руту:

– Неужели этот индеец для них так важен, что мискито пошли на такой риск, господин первый штурман?

– Может быть и важен, Томас... Ведь он же сказал, что у них конфликт с сыном вождя. А может быть и нет... Возможно они приняли нас за испанцев. Вот и весь секрет. Нужно скорее возвращаться на корабль. Всё, что нам было нужно, мы узнали. Теперь проложить курс не составит особых проблем.

30. ИСЧЕЗНУВШИЙ КОРАБЛЬ

Через два часа шлюпка вышла из бухты и направилась вдоль берега к месту первой швартовки. И тут первого помощника капитана корабля «Сен-Бертран» ждал весьма неприятный сюрприз. Их корабля не было!

Надо ли говорить – для Даниеля Рута это было потрясением. Он терялся в догадках. Может быть Ламерт решил временно сменить место стоянки, и корабль скоро появится? Но капитан в таком состоянии, что вряд ли бы стал попусту дёргать гружёное судно. И

другие мысли заползали в голову Рута. Капитан ранен, второй штурман погиб... Он, первый штурман, взяв лучших людей, покинул борт. Что могло случиться на корабле? После нескольких месяцев жизни на Тортуге среди проходимцев, авантюристов и прочих джентльменов удачи, Даниель Рут мог предположить всё что угодно, даже самое худшее.

И был бы прав. Корабль, гружёный самым дорогим товаром, предназначенным для Европы, стал очень большим соблазном для новых людей, набранных в команду. Тем более, в этот момент он представлял весьма лёгкую добычу. Бунт на корабле возглавил новый боцман Буато со своими приятелями. Захватив «Сен-Бертран», они надеялись найти убежище на испанских берегах. Буато бывал на Москитовом берегу, он сразу понял, что идти нужно на север, чтобы попасть на Кубу.

Разбойники, захватившие «Сен-Бертран», резонно думали, что такой фарт выпадает весьма редко. Это как четыре короля в покере. Но получив четыре короля, мало кто допускает, что его противнику выпадет четыре туза. Фортуна редко целует сразу двоих.

То же самое случилось с пиратом Буато и его друзьями. К их несчастью и изумлению на пути мятежного корабля появилась «Эсперанса». Капитан Клещ, выйдя в море, никому не объявил, куда он направится, потому что резонно подумал, если он в море примет решение, куда идти, то на берегу никто не узнает о цели его рейда. Но шторм спутал карты ещё более, и ему выпало четыре туза.

«Эсперансу» тоже сильно отнесло к югу, и капитан Клещ выбирал цель для своего каперского рейда в западной части Карибского моря. Он был весьма удивлён, когда в каюту к нему вошёл Натан Клодю, его первый

помощник, которого он подыскал после гибели Марко Браго, и доложил, что матрос-наблюдатель из бочки на фок-мачте видит на горизонте корабль Блеза Ламерта.

Нужно сказать, что Мегеро в этот раз доверил Руту не два алмаза, а гораздо более, поэтому весьма обеспокоился, что «Сен-Бертран» находится здесь, а не на пути в Европу. Ещё более он был удивлён и обеспокоен, когда увидел, что Ламерт хочет уклониться от встречи, сменив курс и поставив дополнительные паруса.

«Эсперанса» пустилась в погоню, Клещ не сомневался, он вскоре достанет «Сен-Бертрана» и во всём разберётся. Флейт в полном парусе легко бы ушёл от каравеллы, не будь он с грузом и потрепан штормом. А если учесть, что капитан Клещ был умелым мореходом, то шансов у мятежников не было. Погоня продолжалась более суток. Когда Мегеро начал настигать убегающий корабль, приказал спустить французский флаг и поднять на грот-брам-стенге* чёрный пиратский флаг. Он хорошо знал психологию морских разбойников и рассчитал верно. Мятежная команда Буато, увидев, что Мегеро идёт под чёрным «Весёлым Роджером», не только удивилась, но пришла в панику.

Приятели Буато – старший канонир Омар и интендант Закарья переговаривались стоя у орудий:

– Омар, ты понимаешь, что это значит?

– А то, что болтаться всем нам на реях! Это также верно, как у тебя во лбу два глаза, Закарья... Он не пощадит ни нас, ни корабль, пусть он принадлежит губернатору или хоть самому королю. Если мы не сдадимся, он просто пустит нас ко дну, его канониры промаха не знают... Это поняли даже наши матросы, ты видишь, как они на нас смотрят...

Всем до единого в экипаже «Сен-Бертрана» было ясно, что если грозный капитан, никогда не страдавший жалостью и суровостью, находясь на каперской службе королю, вдруг поднял чёрный флаг, то в случае малейшего сопротивления пощады не будет никому из экипажа, вплоть до юнги. Раздумывали они недолго, схватили и связали своего главаря Буато и начали сворачивать паруса. Канониры мятежного корабля даже не подошли к пушкам.

31. «ЭСПЕРАНСА» НАСТИГАЕТ «СЕН-БЕРТРАН»

Через час корабли уже стояли борт к борту, и Мегеро со своими людьми вошёл на борт «Сен-Бертрана». Капитан Клещ прекрасно понимал, что произошло, также как и то, что нужно делать и чем лечить заблудший экипаж мятежного корабля. Когда матросы вытолкнули из толпы связанного Буато, Клещ, не проронив ни слова, движением головы указал на нок рея, где его люди сноровисто сооружали верёвочные петли. Не прошло и двух минут, как тело несостоявшегося пиратского капитана болталось на ветру, как язык колокола в благовест на Пасху.

– Первый готов, капитан! – подняв свой страшный крюк гаркнул Дуболом громовым басом.

– Кто был его помощником? – спросил Клещ, стоя посреди палубы в окружении своей грозной свиты.

Мятежники указали на Закарью, тот рухнул на колени, закричав:

– Я не виноват, адмирал! Видит Бог!

Мятежник всё ещё надеялся спасти свою шкуру, поименовав капитана Клеща адмиралом, но тот постоянно пуская в дело лесть, сам на неё не был падок.

– Бог не видит, Закарья, он слишком высоко. Мы

тебя поднимем повыше, чтобы он разглядел, что за каналья влез в доверие к Ламерту. Ты величаешь меня адмиралом? Что ж, пусть будет тебе утешением, что тебя вздёрнули по приказу адмирала. Ты был плохим канониром, а интенданта из тебя не получилось вовсе!

Когда второго предателя сунули в петлю, Мегеро снова спросил:

– Кто стоял третью вахту?

Омар вышел из толпы:

– Я, капитан... Прошу пощадить меня. Я расскажу всё!

Клещ скрестил руки:

– Ну что ж, рассказывай, быть может, верёвка не коснётся твоей окаянной шеи... Но если ты соврёшь хоть на йоту, я прикажу выпустить твои кишки и прибить их гвоздями к грот-мачте, а тебе будут факелом поджаривать задницу, чтобы ты бегал вокруг грота и наматывал свои потроха до их скончания... Это очень красивое зрелище, я видел. Так англичане допрашивали индейцев, очень способствует искренности. Отвечай, собака, где капитан Ламерт? Где первый штурман Рут?

Весь бледный от страха Омар, трясясь, отвечал:

– Первый помощник Рут ушёл на берег с матросами на разведку и не вернулся... Никто не знает, что с ним! А капитан Ламерт...

Мятежник запнулся.

– Что «капитан Ламерт»?

– Капитан Ламерт умер...

– Они уморили его! – крикнул кто-то из толпы матросов. – Они велели не давать раненому ни крошки хлеба, ни капли воды!

– Что-то невесело ты поёшь, Омар... Но тебя не повесят, коли я обещал, – Мегеро снял с ремня пистолет и разрядил его в грудь мятежника.

– Накорми рыб, Дуболом, – приказал Клещ.

Бульен вышвырнул тело за борт, после чего Мегеро, обратясь с «проповедью» к мятежным матросам «Сен-Бертрана», показал на третью верёвку на рее и сказал:

– Имейте в виду, мерзавцы, этот ошейник пустым не останется!

Клещ забрал часть матросов с «Сен-Бертрана» на свой корабль, а на мятежном корабле оставил Дуболома с десятком своих людей. Разбавив экипажи, он посчитал, что таких мер достаточно, и капитан Клещ повёл корабли к Москитовому берегу.

32. РУТ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Придя в себя от потрясения из-за исчезновения корабля, Рут с матросами стали совещаться, как им быть дальше. Кто-то предлагал ждать – может быть, корабль вернётся. Рут склонялся к тому, что на судне произошёл бунт, и ждать здесь бессмысленно. Другой вариант был только один – идти в форт к англичанам, пленный индеец соглашался стать проводником. Там возможно договориться, чтобы их отправили первым кораблём, который придёт в форт, на Ямайку или Барбадос, а уже потом – на Тортугу. Правда, таковой корабль мог придти и через полгода. Так что их возвращение могло затянуться на долгие месяцы.

Это было первым минусом такого плана, а вторым было то, что рассчитывать за прогулку на английском корабле было нечем. Денег, понятно, ни у кого не было. Только у Рута в кожаном поясе лежали алмазы Мегеро, про которые никто не знал.

В конце концов, решили подождать двое суток, вдруг да объявится корабль? Если же нет, то готовить-

ся к многодневному переходу через джунгли.

Даниель Рут снова и снова беседовал с индейцем, которого стали звать Краснокожий Томас, по имени матроса, пленившего его. Или наоборот, освободившего, ведь индеец был привязан к дереву своими соплеменниками. Краснокожий Томас уже стал лучше понимать матросов. Они говорили не на французском, не на испанском и не английском. Это был тот самый сленг, который включал слова из многих языков и был понятен всем морякам.

Когда Рут добился от индейца мало-мальски понятной схемы, начерченной палочкой на песке, и сравнил два маршрута, то понял, что лучше пройти на шлюпке вдоль берега до устья и потом подняться по реке. Маршрут этот был в три раза длиннее, но здесь была вероятность встретить какой-нибудь корабль и меньше риска встретить индейцев. Он объяснил это своей команде – им предстояло несколько дней работать вёслами. Матросы с ним согласились, не много было охотников идти через болотистый лес. Шлюпка направилась вдоль морского побережья на север в сторону устья реки.

33. МЕГЕРО ПЫТАЕТСЯ НАЙТИ РУТА

Когда два корабля – «Эсперанса» и «Сен-Бертран» подошли к Москитовому берегу, откуда несколько дней назад сбежал взбунтовавшийся экипаж «Сен-Бертрана», и встали на якорь, Мегеро послал на берег боцмана Хуана Мартинеса, низкорослого крепыша по прозвищу Бочонок Хуан, с десятком матросов.

Только к вечеру Мартинес нашёл маленькую бухту, где когда-то стояла шлюпка Даниеля Рута, рядом было брошенное место стоянки. Напрасно матросы Марти-

неса рыскали по округе и палили из ружей, никаких более следов экипажа Рута они не нашли. О чём боцман и доложил капитану Клещу по прибытии на корабль. Мегеро велел позвать в свою каюту Питера Бульена и своего первого помощника Натана Клодю, заменившего погибшего Браго.

Все эти морские волки очень хорошо были знакомы с Москитовым берегом и понимали, что для компании Даниеля Рута единственным спасением был английский форт на Большой реке.

– А если их захватили мискито? – предположил Боцнок Хуан. – Мы нашли около стоянки две могилы – в одной матрос, а в другой – два индейца. Значит, была стычка!

– Даже если они попали в плен к индейцам, те всё равно доставят их в форт, если, конечно, не убьют сразу. Мискито дружат с англичанами, их объединяет общий враг – испанцы. Так что нам придётся навестить англичан, – подвёл итог совещания Мегеро.

Ему нужно было найти Рута. Не для того, чтобы выручить его из беды. Но для того, чтобы спасти свои алмазы. Если бы не камни, Клещ бы палец о палец не ударил, чтобы найти доктора. Это вообще было не в его правилах – кого-то спасать. Он мог бы единолично предстать перед губернатором Тортуги Бертраном де Бертезеном, как герой, спасший от мятежников его корабль с ценным грузом и получить причитающуюся премию.

Утром корабли подняли якоря и отправились на север к Большой реке. Подойдя к устью, Клещ оставил флейт «Сен-Бертран» на якоре, а сам на «Эсперансе» пошёл вверх по реке, осадка каравеллы была меньше на добрых четыре фута.

34. ВСТРЕЧА НА РЕКЕ

Если вдоль морского берега шлюпка с командой Рута шла со скоростью полтора-два узла, то вверх по реке – гораздо медленнее, матросы, несколько дней работавшие вёслами, уже выбились из сил. Потому в этот раз Рут решил остановиться на ночлег пораньше. Они причалили к берегу и, когда первый помощник дал команду готовить место ночёвки, к нему подошёл индеец и, коверкая слова, стал что-то говорить. Рут окликнул матроса:

– Эй, Билл, иди переводи! Твой краснокожий приятель хочет что-то сказать...

Индеец протестовал против ночёвки на берегу, убеждая моряков, что здесь опасно.

– Пока плыли по реке, он видел, что за нами наблюдали мискито, – объяснил Билл.

– А где-же нам остановиться?

– Он говорит, там, выше по реке за поворотом, есть остров. Лучше остановиться там.

Все вернулись в шлюпку и продолжили путь. Пройдя вверх ещё милю, они действительно обнаружили небольшой остров, покрытый невысокими деревьями и кустарником. От берега его отделяла неширокая протока. Причалив к острову, длина которого была не более кабельтова, стали обустраивать место стоянки.

На ночь Рут поставил двух часовых: одного у шлюпки, второго – у другой, западной, оконечности острова, откуда текла река. Если индейцы вздумают напасть ночью, то подойти на лодках проще всего именно с этой стороны.

Подремав немного, Рут поднялся, ему не спалось – на душе было тревожно. Индеец тоже не спал. Взяв

его с собой, Даниель отправился к матросу-часовому на западной стороне. Тот сидел в кустах и всматривался в темноту. Лишь на реке иногда появлялась светлая дорожка, когда луна появлялась из-за туч. Рут с индейцем присели рядом.

Краснокожий Томас временами тревожно озирался, его беспокойство передалось и Руту. И не зря. Незадолго до рассвета они заметили, что к острову приближаются две лодки, следом за ними двигался плот. В темноте невозможно было сосчитать, сколько там людей. Но судя по вместимости лодок и плота – не менее двух десятков.

Матрос-часовой стал поднимать ружьё. Рут шёпотом велел ему не поднимать шума:

– Бесплезно здесь связываться с ними, нужно отступать в лагерь. Там организуем оборону...

И они, скрываясь в зарослях, стали пробираться к лагерю. Там Рут поднял всех и приказал готовить оружие, ещё не решив, что лучше – принять бой или уйти вниз по реке.

Сомнения его развеял вскоре начавшийся рассвет. Кроме тех краснокожих, что высадились на западной оконечности острова и уже приближались, продираясь сквозь заросли, моряки увидели, что через протоку к острову направляются ещё две пироги с дюжиной индейцев.

Первый помощник капитана понял, что против такого количества аборигенов им не устоять. Он приказал дать залп из ружей в сторону индейцев, после чего моряки спешно стали грузиться в шлюпку, осыпаясь стрелами краснокожих, что подошли достаточно близко. Несколько человек уже было ранено и Рут в том числе. Он просто обломил стрелу, попавшую в предплечье, решив, что наконечник вытащит после. Шлюп-

ка отчалила от острова, вскоре за ней устремились лодки индейцев.

Морякам пришлось бы туго, но именно в этот момент из-за излучины появилась «Эсперанса», неспешно поднимающаяся вверх по реке. Каравелла медленно и величественно двигалась по неширокому руслу, громада парусов возвышалась над заблестевшей на восходе зеленью берегов, белоснежные паруса стали багровыми в лучах восходящего солнца.

Измумлению Рута и его моряков не было предела. Никто из них не мог и подумать, что спасение придёт так неожиданно в виде корабля «Эсперанса», который Рут в своё время проклял, за то, что стал его пленником, а потом много раз благословил за то, что в Новом свете нашёл свою любовь.

Мегеро тоже вела любовь, только к алмазам. Увидев Рута и возликовав, что нашёл доктора живым, от избытка искренних чувств, которые он давно испытывал к краснокожим, Клещ велел дать залп из носовых вертлюжных пушек по лодкам аборигенов. Для индейцев это было страшной неожиданностью. Они думали, что к английскому форту может направляться только английский корабль. Крупная картечь разнесла лодки в щепки, многих убив, ещё больше ранив. Оставшиеся в живых пытались вплавь добраться до берега. Клещ приказал абордажной команде упражняться в стрельбе из мушкетов, пока видят хоть одного индейца.

В это время шлюпка Рута подошла к борту «Эсперансы», и спасшиеся моряки начали подниматься на борт каравеллы по верёвочной лестнице.

На корабле оказали первую помощь раненым. Рут не без помощи нового корабельного лекаря вытащил из левого предплечья застрявший наконечник стрелы

и обработал рану. Ему, несмотря на помощь самого Рута, пришлось повозиться с удалением обломка стрелы с наконечником, который был закреплён на стреле с помощью животного сухожилия. Оно разбухло от крови, наконечник по форме напоминал гарпун и тоже не хотел поддаваться. Но с помощью скальпеля и петли его всё-таки удалось извлечь.

С перевязанной рукой он вскоре сидел в каюте капитана и рассказывал о том, что происходило с их кораблём и командой за последние две недели.

– Однако, доктор, я уже второй раз спасаю вам жизнь, – усмехаясь заметил Мегеро, разливая ром по кружкам.

– Да, капитан. Это также верно, как то, что я второй раз спасаю ваши алмазы!

– Ах, дьявол меня побери! Вы абсолютно правы, ваша услуга гораздо ценнее, я постараюсь в долгу не остаться. Действительно, что стоит наша жизнь по сравнению хотя бы с одним таким камушком?

Даниель Рут уже вернул Арно Мегеро кожаный пояс с алмазами, что должны были отправиться в Европу, потому у капитана «Эсперансы» было хорошее настроение. Рут тоже вздохнул облегчённо, узнав, что «Сен-Бертран» целёхонький ждёт их у входа в устье реки.

Клещ поднял кружку:

– За благополучное ваше спасение! А заодно и всего остального, включая корабль господина губернатора.

– Думаю, господин Бертезен будет не слишком доволен из-за того, что «Сен-Бертран» вместо Марселя оказался у Москитового берега.

– О чём вы, Рут? Это чудо, что корабль с грузом остался на плаву после такого шторма! Я уверен, во время урагана не один корабль ушёл на дно. Если он

о чём и будет жалеть, так только о потере такого опытного капитана, как Ламерт.

35. КУРС НА ТОРТУГУ

Пока капитан Клещ и Рут беседовали в каюте, первый помощник Клодю командовал разворотом судна на реке. Фарватер был не широк, поэтому моряки совершили оборот с помощью крепких стволов растущих на берегу деревьев, швартовых канатов и кабестана. Вся операция заняла не более двух часов, и каравелла направилась вниз по реке, к её устью.

Выйдя в море, каравелла подошла к «Сен-Бертрану». Рут перешёл на свой корабль и принял командование. Поскольку штурман корабля погиб во время шторма, Мегеро направил своего первого помощника Натана Клодю, чтобы помочь Руту довести судно до острова Тортуга, куда они благополучно прибыли через неделю. Краснокожего Томаса Рут взял на корабль, по законам Нового света он должен был стать его рабом или кабальным слугой**.

Губернатор Тортуги господин Бертезен уже получил сведения о некоторых судах, погибших во время шторма, который был далеко не заурядным и захватил даже Тортугу, причинив немалый ущерб. Его превосходительство, будучи реалистом, в мыслях уже простился со своим кораблём и его экипажем, сделав это молча и без эмоций, оберегая покой своих женщин, особенно Николь. Ведь получи она известие о гибели Даниеля Рута, с ней могло случиться неладное. Поэтому он был не просто приятно удивлён, но невероятно обрадован, когда в гавани неожиданно появился «Сен-Бертран», изрядно потрёпанный, но со спасённым грузом. Это привело его превосходительство в полный восторг и

даже в состоянии некоторой временной эйфории и помогло ему без особой печали пережить утрату капитана Ламерта.

«Сен-Бертран» встал на ремонт, плотники и остальная команда занимались рангоутом и такелажем. Губернатор Тортуги принимал у себя в кабинете Мегеро и Рута, как спасителей своего корабля. Капитан Клещ в ходе их беседы высоко оценил действия Даниеля Рута в условиях шторма и столкновения с индейцами, что подтверждало его боевое ранение – Даниель носил левую руку на перевязи.

Последний подумал, что Мегеро нахваливает его из благодарности за спасённые алмазы, но он ошибался. Чувство благодарности было неестественно для капитана Клеща, как неестественно чувство жалости для гильотины. Арно Мегеро всегда думал о своей выгоде и надеялся, что господин Бертезен снова направит «Сен-Бертран» в Марсель и, может быть, с Даниелем Рутом в качестве капитана.

Именно поэтому он превозносил мореходные умения своего бывшего судового врача. Он даже намекнул губернатору, что готов уступить ему своего первого помощника Натана Клодю, чтобы усилить экипаж «Сен-Бертрана», если, его превосходительству будет угодно. Его превосходительству было угодно. Потому что прямо сейчас найти всех офицеров в экипаж он был не в состоянии, а корабль нужно было отправлять в Марсель в ближайшее время, ведь часть его, времени то есть, уже была потеряна, а оно, как известно, находится в неразрывной связи с главным двигателем и смыслом жизни – с деньгами.

Был доволен Бертран де Бертезен, он нашёл людей, которые смогут повести его корабль к берегам Франции. Был доволен Рут, он не только не получил

выговор, но ему оказали доверие возглавить экипаж корабля, и он уже думал... Нет не о том, как он поведёт «Сен-Бертран» через Атлантику, а о том, как он скажет Николь, что выполняет данное ей когда-то обещание стать настоящим мореходом.

Был доволен и капитан Клещ – на губернаторском корабле командирами будут два его человека. Осталось только в команду подобрать пару десятков отчаянных ребят... О чём он думал дальше, мы не знаем, потому что если в голове много чёрных мыслей, то там темно и невозможно разглядеть их все. Главное, что все были довольны.

36. СЕМЕЙНЫЙ УЖИН

На следующий день в доме губернатора был ужин в честь спасения корабля «Сен-Бертран». За столом сидели супруги Бертезены, мадам Лоран, её дочь Николь и Даниель Рут, вернувший корабль после урагана в родную гавань. Левая рука главного героя покоилась на свежей перевязи.

В начале ужина его превосходительство, подняв бокал, поблагодарил Рута и произнёс хвалебные слова в его адрес:

– Думаю, человек, прошедший сквозь такой шторм на «Сен-Бертране», доказал не только надёжность корабля и свою надёжность морехода. Но также и солдата, храбро отразившего нападение краснокожих...

Женщины расспрашивали Рута о подробностях его злоключений на Москитовом берегу. Даниель отвечал всем, но восторженный взгляд его был направлен только на Николь.

Когда пришло время ему сказать приятные слова участникам ужина, Даниель Рут поднялся с бокалом

вина в руках и с такими же восторженными глазами, в коих блеснула решимость. Он поверг присутствующих в шок, заставив их замереть с бокалами в руках, громко сказав:

– Ваше превосходительство господин де Бертезен, мадам де Бертезен, мадам Лоран, я прошу руки вашей дочери и вашей племянницы Николь Лоран. Мы с ней пришли к выводу, что жить друг без друга более не можем и просим назначить помолвку*. Со своей стороны, сообщаю, что мои родители благословили нас...

Все молчали. Губернатор понял, что Рут нарочно выбрал такой момент, чтобы пойти ва-банк, не испросив, а буквально потребовав назначить помолвку. Бертезен, разумеется, этого не ожидал, потому что на Даниеля Рута это было совершенно не похоже. Такое поведение, действительно, нельзя было ожидать от доктора Рута, но он забыл, что за прошедший год молодой человек из доктора превратился в капитана, причём, не без его участия. Что ему ответить? Бертезен понимал, от ответа Руту зависит рейс корабля, зависит крупная финансовая операция.

Губернатор Тортуги молчал, удерживаясь от соблазна поставить молодого наглеца на место. Он выжидал, надеясь, что супруга придёт на помощь. Мадам Бертезен молчала, выжидая, что скажет супруг и понимая, что тот думает в первую очередь о своих торговых операциях. Она знала настроение Николь, знала её упорство и уже кожей ощущала семейный скандал. Но ради чего? Ради кого! Ради Д.Эжена, неловкость которого в общении с дамами уже стала её раздражать?

Мадам Лоран молчала и вытирала слёзы то ли волнения, то ли счастья. Мадемуазель Лоран тоже молчала, но её глаза говорили за неё. У Николь было ощу-

щение, что эти слова говорит не её возлюбленный. А она сама, сказав их, кинулась с высокого утёса в океан любви, но, если её не подхватят ангелы, она захлебнётся в этих волнах последнего и единственного в её жизни мгновения счастья. Девушка смотрела на Даниеля сияющим взглядом влюблённой, и даже отнюдь не проницательному господину Бертезену было ясно, что она ответит, если спросить её.

Но все молчали, его превосходительство, наконец, решился и спросил, немного помычав и поставив бокал:

– М-м-м... А что, собственно... М-м... А? – он поставил бокал на стол и взял салфетку, – Я хотел спросить, а что скажет наша племянница?

– Тётушка Диана! Дядя Бертран... Ваше превосходительство, я согласна!

Окончание ужина было скомкано, первой встала и попрощалась мадам Бертезен:

– Ну что ж, я думаю, это нужно спокойно обдумать и обсудить, – после чего удалилась, сохраняя бесстрастное выражение лица. Разошлись все, только Николь и Даниель ещё долго беседовали в гостиной...

Их помолвка состоялась через неделю. После торжественного ужина его превосходительство, прихлёбывая ром, беседовал с Даниелем Рутотом уже почти по-родственному, давая последние наставления перед очередным рейсом:

– Вы, Даниель, впервые будете командовать кораблём, поэтому прошу вас советоваться с Клодью. Я знаю этого моряка, он более десяти лет служит на каперских судах его величества. Надеюсь, он будет вам хорошим помощником...

Губернатор встал из кресла и прошёлся по кабинету. Положил руку на плечо поднявшегося Рута:

– Сидите, Даниель, у меня просто затекли ноги... Так вот, только один рейс «Сен-Бертрана» в Марсель принёс мне... То есть нам, нашей семье, солидную выгоду... Когда вы вернётесь, нам предстоят расходы на свадьбу, это большой праздник. Впрочем, деньги нужны всегда. Деньги, дорогой Даниель, это праздник, который всегда с тобой, в отличие от медового месяца. Деньги – это кровь нашей жизни, чем больше денег, тем живучей человек. Если у нищего осталась монета в один су, он купит хлеба. Отними у него эту монету, и он умрёт! Деньги текут везде, давая жизнь. Посмотри вокруг! Конечно, человек состоятельный не умрёт, если у него отнять одну монету. Но в чём состоит его счастье? В том, чтобы, прожив год, ты посчитал, что доход твой на один пистоль больше, чем расходы. Это уже счастье!.. – господин Бертезен остановился посреди кабинета и махнул рукой, – про один пистоль, это я так, образно... В общем, счастье – это полноценная жизнь, когда золото течёт в наши карманы. Моя Диана мне иногда говорит: «Тебя волнуют только деньги!» Не волнуют, они меня успокаивают. Чем их больше, тем надёжнее... Впрочем, у женщин счастье в другом – тратить их...

Господин губернатор вздохнул и, устав от продолжительной речи, плюхнулся в кресло и отхлебнул из бокала.

37. СНОВА В МАРСЕЛЬ

После помолвки воодушевлённый Рут вплотную занялся подготовкой судна к рейсу. Помогал ему Натан Клодю. Характер своего помощника новый капитан «Сен-Бертрана» никак не мог понять. Этот человек был бесстрастен в любых ситуациях. В среде джент-

льменов Берегового братства его называли «человек-маска». Лицо его казалось лишено всякой мимики. С одним и тем же выражением лица, лишённым свирепости, он мог рубиться в абордажном бою, с той же миной, лишённой всяких признаков веселья, сидеть в кабаке, глядя на танцующих девок. Не понимая его настроения, люди старались меньше с ним общаться, оттого не то что друзей, но и приятелей у него почти не было. И только такой человек, как Мегеро, мог спокойно воспринимать Натана Клодю, потому что ему было в принципе наплевать на настроение, чувства и мысли своих людей, его интересовал только результат их работы на корабле, а штурманом и солдатом Клодю слыл отменным. Губернатор Тортуги не зря сказал, что он опытный моряк.

Краснокожий Томас на острове быстро овладел необходимым запасом слов, чтобы исправно выполнять обязанности прислуги и вестового. Любопытный Рут всё время порывался узнать подробности его конфликта с соплеменниками. Теперь, когда индеец стал внятно изъясняться, он рассказал Даниелю, что с сыном вождя ссора произошла из-за девушки, которая считалась невестой Краснокожего Томаса, а сын вождя её отнял. Во время охоты на черепаха он просто решил свести счёты. Предъявив ему вздорные обвинения и привязав к дереву, он надеялся, что москиты к утру сделают своё дело.

Даниель Рут, узнав историю своего пленника, проникся к нему некоторым сочувствием, поскольку сам познал подобные переживания и страх потерять любимую. Он решил взять Томаса на корабль и сделать из него матроса.

Прошло пять дней после помолвки Даниеля Рута и Николь Лоран. Всего пять дней, и опять их ожидала

длительная разлука. Торговый флейт «Сен-Бертран» вновь вышел из гавани Бастер, отправляясь через Атлантический океан, теперь уже под командованием капитана Рута, который смотрел на очертания острова, что таяли за кормой, на исчезающий в волнах кильватерный след корабля. Потом Даниель Рут перевёл взгляд на своё обручальное кольцо и сердце его наполнилось уверенностью, что несмотря ни на какие штормы и штили, он вновь вернётся в родной порт, потому что парус его наполнял ветер удачи.

Часть третья

ОСТРОВ РИФОВ ИЛИ ДВА КАПИТАНА

Кто поднял паруса, тот бросил жребий
В. Гюго

1. СНОВА В ЖЕНЕВУ

Не существует такого жизненного лабиринта, куда бы человек не отыскал вход, при этом всё приписывая воле рока. Даниель Рут, вспоминая свою любимую, думал о том двойственном положении, в которое его завела судьба. Чтобы добиться её руки, он выбрал профессию моряка. Но обручившись с Николь, он вынужден тут же с ней расстаться. Расстаться надолго. Потому что он выбрал свой путь, ведь тот, кто надеет-

ся на ветер удачи, обязательно должен покинуть тихую гавань.

Он часто вспоминал день, когда впервые поднялся на борт корабля, вступив в должность судового врача «Эсперансы». В молодости человек всегда чувствует себя свободным, потому что у него есть выбор, он ощущает простор, он видит его. Но видеть всегда легче, чем предвидеть.

Он, Рут, выбрал профессию врача, и был счастлив. Но оказался на войне, потому что он врач. Он пошёл служить на корабль, потому что хотел ближе увидеть и познать море. Но оказался в руках пиратов, потому что был на корабле. Он встретил Николь и был счастлив, но вынужден её покинуть. Что ж, человек иногда встречает свою судьбу на том пути, по которому идти не собирался.

Рассуждая таким образом, Даниель приходил к выводу, что человек в общем-то сам участвует в создании того пути, того лабиринта, того коридора со стенками, по которому ему предстоит идти всю жизнь. Рассуждения свои он доверял бумаге, ежедневно делая записи в дневнике, где через строчку упоминалось имя – Николь.

Чем дальше «Сен-Бертран» уходил на восток, разрезая волны Атлантики, тем чаще Рут обращался к своей невесте в мыслях и реже в записях. Как известно слова используются в трёх случаях: чтобы выразить свои мысли, чтобы скрыть свои мысли и вместо мыслей.

Когда Рут перечитывал собственные мысли, выложенные на бумагу, то они ему казались застывшими и неживыми. Уже на следующий день, просматривая то, что написал о своей возлюбленной, он считал, что недостаточно точно и глубоко выразил свои мысли. Оно и верно, ведь влюблённый, в отличие от философа, думает и помнит не словами, а чувствами. Прошлые

записи, как ему казалось, отвлекали от мыслей. Он закрывал дневник и сидел с пером в руках, витая в розовых облаках мечты и воспоминаний.

Но записи записями, а к своим капитанским обязанностям Даниель относился весьма серьёзно, «Сен-Бертран» был хорошо подготовлен к дальнему плаванию. Да и погода была устойчива и благоприветствовала морякам. Видимо, Господь решил, что хватит испытывать Рута.

В свободное от вахт время молодой капитан иногда делал записи в личном дневнике, обсуждал вопросы навигации с первым помощником – Натаном Клодю и со вторым штурманом, также обучал морскому делу Краснокожего Томаса, который кроме обязанностей матроса выполнял работу вестового и делал уборку в капитанской каюте.

Обучение Томаса увлекало Рута, он сам получал некоторое удовольствие, ощутив себя в роли наставника. К тому же индеец оказался толковым малым и уже через пару недель легко ориентировался в корабельных снастях: рангоуте и такелаже. Ловкости же ему было не занимать, и он бесстрашно работал на вантах с верхними парусами.

Особенно ловки были пальцы индейца. Это Рут заметил, когда Томас показал, как он обращается с метальным ножом. Когда нож влетал в очерченный круг величиной с дыню с расстояния в пять или десять шагов, Рут удовлетворённо крутил головой, но, когда Краснокожий также уверенно вогнал нож в цель с расстояния в тридцать шагов, удивлению Даниеля не было предела. Далеко не каждый и пулей попадёт на таком расстоянии, учитывая точность боя пистолетов. Также ловко индеец метал топоры и любое другое холодное оружие. Казалось, у него какое-то сверхчутьё, которое помогает

ему рассчитать, сколько оборотов должен сделать клинок, чтобы горизонтально войти в цель.

К концу рейса Краснокожий Томас многому научился и Рут убедился, что он может не только томагавки* метать. Хотя по-французски индеец говорил, коверкая слова, но понимал всё прекрасно, в том числе и жаргон матросов. Будучи очень исполнительным, Томас стал незаменимым помощником для капитана Рута. Поэтому, когда в гавани Марселя Рут оставил «Сен-Бертран» на попечение Натана Клодю, Краснокожего Томаса он взял с собой, чтобы индеец сопровождал его в Женеву, ведь он вез туда алмазы Мегеро.

Путешествие их в Женеву прошло также благополучно. Там Льерт Рут, отец Даниеля, решил все дела с ювелиром Кюве к обоюдному удовольствию. Алмазы капитана Клеща и самого Рута были проданы. Даниель вернулся на корабль через двадцать дней. «Сен-Бертрану» предстояло вскоре сняться с якорей. Тут и произошло то событие, которое изменило планы Рута и едва не изменило всю его жизнь.

2. ЧУЖОЙ НА КОРАБЛЕ

«Сен-Бертран» стоял у причальной стенки, принимая последний груз – бочки с питьевой водой. Даниель Рут оформлял бумаги в таможне.

– Что за шум в порту? – спросил он чиновника, когда всё было подписано, – Стражи полно... Как будто ищут кого-то?

– Да, месье Рут, действительно так. Сбежал опасный преступник. Его на корабле должны были отвезти в крепость Иф*, а он исчез прямо из тюремной кареты, как только она въехала в порт...

– Видимо, он лёгок на ногу, коли так быстро бегают

в кандалах?

Чиновник посмотрел по сторонам и, понизив голос до шёпота, сказал:

– В том-то всё и дело. Не было кандалов, потому что суда не было.

– Как же это возможно – в тюрьму без суда?

– Возможно, месье Рут, возможно. Временно туда отправляют и без суда. Правда, время там тянется, ох, как долго...

Когда Даниель Рут возвратился на корабль вместе с Краснокожим Томасом, всюду следовавшим за своим капитаном, как верный спаниель за охотником, первый помощник Клодю встретил его ещё на причале.

– Капитан, кажется, у нас на борту посторонний...

Даниель остановился. Лицо Клодю как всегда было бесстрастным.

– Что за посторонний? И почему вам «кажется»? Где он?

Вместо ответа первый штурман крикнул вахтенному матросу:

– А ну, иди сюда!

Подбежавший матрос стал объяснять:

– Грузчики таскали бочки... Я обратил внимание – у одного штаны, как у адмирала. Я ещё решил, может подарил кто парню? Думаю, обратно пойдёт, рассмотрю как следует его физиономию... А он не вернулся!

– Ну и...? Что он, иголка что ли? – Рут повернулся к своему первому помощнику. – Обыскали трюмы?

Натан Клодю развёл руками:

– Разумеется – всё судно... Кроме вашей каюты. Она заперта изнутри. Я поставил туда часового...

– Вы думаете, он у меня в каюте?

– Если его там нет, значит у него были крылья и он улетел!

Рут в сопровождении Клодю и Томаса направился в свою каюту.

Постучал в запертую дверь:

– Эй, господин Неизвестный! Как вас там? С вами говорит капитан корабля. Откройте немедленно, иначе я прикажу взломать дверь!

Ответом была тишина. Наконец, за дверью раздался шорох, и щёлкнул засов. Клодю выхватил из-за пояса пистолет и толкнул дверь.

Посреди каюты, скрестив руки, стоял высокий человек с чёрными волосами в когда-то приличном камзоле, изрядно потрёпанном и без манжет. По одежде Рут определил – это либо португалец, либо испанец. Движением руки он отстранил первого помощника и спросил по-испански:

– Вы испанец? Как вы сюда попали и что вам нужно на моём судне?

Незнакомец опустил руки:

– Да, я испанец. Но в мои намерения не входило шпионить или причинить вред вашему кораблю... Я прошу вас выслушать меня, капитан... А после... После вы поступите, как сочтёте нужным. Я прошу полчасика разговора с вами!

В тоне незнакомца была усталость и отчаяние. Рут кивнул. Первый помощник подошёл к незваному гостю и бесцеремонно обыскал. Тот не возражал, оружия у него не было никакого.

После этого Рут приказал Клодю и Томасу покинуть каюту. Сам уселся в кресло как был, при оружии – не снимая шаги и не вытаскивая из-за пояса пистолета. Незваному гостю он указал на стул напротив.

– Итак, я готов выслушать ваше объяснение, сударь. Кто вы такой?

3. РАССКАЗ ИСПАНЦА

Гость смотрел прямо в глаза Даниелю:

– Я бывший капитан испанского корабля «Санта Катарина», который входил в эскадру моего кузена генерал-капитана Алонсо Контрераса. Моё имя Рауль Контрерас.

Даниель Рут вздрогнул при этих словах. Хорошо, что гость опустил взгляд в этот момент. Рут не хотел, чтобы тот заметил его реакцию.

– Нашу эскадру ещё до выхода в рейд начали преследовать неудачи. Пираты прямо в порту захватили наше дозорное судно – каравеллу «Эсперанса», которой командовал Гарсиа Карлос. Мы преследовали каравеллу, но не смогли её настигнуть. Разбойникам удалось обмануть губернатора острова Тенерифе, они пополнили запасы провианта и ускользнули от нас. Мы опоздали всего на сутки...

Даниель, слушая историю своего корабля, весьма волновался и с трудом сдерживался, чтобы не вмешаться в рассказ Рауля Контрераса. Один вопрос он всё же решился задать:

– Какова же судьба капитана каравеллы – господина Карлоса?

Гость поднял взгляд:

– Вы его знали, капитан? А вы сами не испанец?

– Нет, сударь, я не испанец. Меня зовут Даниель Рут. Но у меня в Испании много знакомых.

– Как и у меня во Франции, – вздохнул Контрерас. – Капитана Карлоса мятежники высадили на Тенерифе. После генерал-капитан за утрату корабля отправил его под домашний арест в своё имение.... До принятия решения королём. Что с ним стало потом, я не знаю, потому что начались неприятности у меня....

– Что же с вами случилось, дон Рауль?

– В подробностях долго рассказывать, господин Рут. Скажу суть – я нарушил приказ генерал-капитана и атаковал в одиночку берберский* порт. Когда у тебя трёхмачтовая каракка, на борту которой шестьсот матросов и солдат, легко переоценить свои возможности... Мы были разгромлены, меня контузило фугасом, и я попал в плен. Потом берберские пираты продали меня французам. Так я оказался в Марселе. Вместо того, чтобы отправить в Париж, местные судебные власти решили меня запереть в замок Иф, чтобы после ждать распоряжений короля. Его величество знает нашу фамилию, но этого, конечно, недостаточно, чтобы тотчас заняться судьбой испанского офицера. Из крепости Иф редко кто выходит обратно, там только вход, выхода нет...

Рут не нашёл ничего удивительного в том, что король Франции знает о Контрерасах, ведь имя Алонсо Контрераса, которого незванный гость называл своим кузенком, известно всем морякам Европы, как самого отчаянного вояки и авантюриста во всём Старом Свете.

Тем не менее, он подумал, что это вряд ли поможет беглецу:

– Вы полагаете в Бастилии* вам будет приятнее провести время?

– В Париже у меня есть друзья. Достаточно влиятельные друзья...

– Вы надеетесь, что вам удастся вернуться в Испанию?

Контрерас встал и прошёлся по каюте:

– Капитан Рут, вы производите впечатление благородного человека. Я буду с вами откровенен до конца. Тем более, что у меня нет выхода – стража, я полагаю, уже рыщет в порту, разыскивая беглого испанца... Мне возвращаться в Испанию сейчас не имеет смыс-

ла. Там меня ждёт суд. За провал рейда эскадры кто-то должен ответить. Не сомневаюсь, что это будет дон Карлос и я, с ним за компанию. Сейчас у меня только один выход: попасть в Париж, заручиться протекцией моих друзей и предложить свою шпагу французскому королю. И я, капитан, прошу у вас сочувствия и помощи. Я умею быть благодарным, господин Рут!

В голове Рута была сумятица, а в груди – пожар. Его одолевали противоречивые мысли, в душе бушевали не менее противоречивые эмоции. События тех дней явились в его памяти уккоризненно и ярко. Он ощущал себя виноватым в том, что не оказал сопротивления пиратам на «Эсперансе». Рауля Карлоса он воспринял, как собрата по несчастью. С одной стороны. С другой стороны, он служил теперь французской короне и укрывать беглого испанца – значит совершить преступление. Это прямой путь на каторгу. Даниель Рут вспомнил испанского вице-адмирала Баутисту, который в порыве благородных чувств одним росчерком пера избавил его, Рута, от унижительного положения пленного.

В это время в каюту раздался негромкий стук и голос Краснокожего Томаса позвал:

– Каптайн! Каптайн...

– Войди, Томас!

Краснокожий заглянул в каюту:

– Каптайн! Штурман посылал. Там на корабль стража пришёл.

4. СТРАЖА

Рут велел Томасу проводить испанца в крют-камеру**, пока он будет разговаривать со стражниками. Те уже поднялись на борт: четыре солдата с мушкетами и офицер.

– Господин капитан, имею предписание осмотреть судно на предмет поиска опасного государственного преступника, – заявил офицер, – прошу вас дать сопровождающих для осмотра трюмов и кают.

Даниель ответил офицеру стражи обаятельной улыбкой:

– Господин лейтенант, разрешите сначала проводить вас в мою каюту! – Рут повернулся к штурману:

– Пусть солдаты пока осмотрят верхнюю палубу.

В каюте Рут сразу же достал из шкафа бутылку рома и налил в два бокала так быстро, как будто он проделывал это несколько раз в день. Офицер, намеревавшийся было отказаться от угощения, удивился той ловкости, с какой капитан обращался с бутылкой, хмыкнул и взял бокал. Он ведь не знал, что эти пальцы ещё проворнее обращаются с хирургическим скальпелем. Между тем, старания Рута были направлены на то, чтобы расположить офицера к дружеской беседе, пока его мушкетёры томятся на палубе.

– Кто этот преступник, которого вы ищете, лейтенант? – сделав глоток из бокала, спросил Даниель.

Офицер, развалившись в кресле, отвечал:

– Не знаю, что он совершил, но очевидно – очень опасен. Ведь обыкновенных воров в крепость не отправляют. Нам приказано обыскать все корабли, а их десятки, работы сегодня предстоит много... Хотя, быть может, этот мерзавец давно покинул порт.

– Вот и я об этом, лейтенант. Я тоже ценю время и чужое, и своё. Мне нужно выходить в море, если мы не поймаем поднявшийся попутный ветер, потеряем много времени...

– О, я понимаю вас, капитан. Если вы дадите..., – лейтенант пошевелил пальцами, как будто ощупывал монету, – ... дадите слово, что у вас на борту преступ-

ника нет, мы ограничимся осмотром палуб. Знаю, что коммерсанты не любят пускать стражу в свои трюмы.

– Ну что вы, господин лейтенант, совсем не в этом дело! Я соблюдаю таможенные правила! Хочу быть предельно честным и с вами, – Рут подался чуть вперёд и снизил голос, – я не могу сказать, что у меня на борту нет преступника, – сказал он, наливая ром стражнику. Тот вытаращил глаза.

– У меня на корабле не один десяток тех, по кому верёвка плачет, продолжал капитан. – Мы ведь прибыли с острова Тортуга. Вся моя команда набрана из пиратов. Форбаны* высшей пробы, клянусь честью, клейма некуда ставить! – Рут стукнул бокалом в кружку лейтенанта. – Сорок дней, что шли до Марселя, мы с моими помощниками жили в ожидании бунта на корабле. Но теперь, получив деньги, они стали немного спокойнее, мои головорезы. Хотя, вы правы. Уж кому-кому, а моим матросам точно не понравится, если вы пойдёте в трюмы и кубрики. Ведь каждый что-то хочет привезти из Франции на Тортугу. Не каждый день мы бываем в Марселе, прах меня побери! Я, думаю, вам нужно было больше людей взять с собой. Лезть в трюмы с четырьмя солдатами неосмотрительно. Там слишком темно и тесно, и мушкет там не помощник...

Лейтенант стражи сидел, судорожно сжимая опустошённый бокал:

– Тем не менее, капитан, я обязан убедиться...

– О, да! Как я вас понимаю, господин лейтенант! Вы исправно несёте свою службу и ничто не заставит вас нарушить служебный долг, – Даниель встал, подошёл к шкафу, вынул оттуда кошелек и аккуратно положил его на стол. – Но, кроме долга есть ведь и другие христианские чувства, не так ли, мой лейтенант? Ужель мы с

вами не поймём друга друга? Ведь мы там, на Тортуге тоже служим французскому королю, пусть и не в очень приятной компании...

Офицер, не отрывая глаз от кошелька, расправил усы:

– Ну что ж, господин капитан, вы, я вижу, человек очень благородный и верно служите королю..., – лейтенант поднялся с кресла, левой рукой заталкивая кошелек за пазуху, правой отдал честь и вышел из каюты.

5. РУТ И КОНТРЕРАС

Проводив стражников, Рут снова велел привести Контрераса. Накормив пленника, продолжил с ним разговор. Даниель Рут уже успел прокрутить в голове все возможные и невозможные варианты спасения Контрераса, так же как и последствия своей помощи беглому преступнику.

Он прекрасно понимал, что из всех людей, посвящённых в эту историю, наибольшую опасность для него представляет первый помощник Натан Клодю. Это был человек капитана Клеща, а если Арно Мегеро узнает эту историю, то у него появится серьёзный повод шантажировать Рута. Даниель же рассчитывал, что, продав алмазы Мегеро и доставив ему деньги, он прекратит всякие дела с этим пиратом.

– Если бы стража нашла вас на судне, господин Контрерас, меня бы арестовали вместе с вами, – сказал Рут, разливая ром, когда они закончили обед. – Через час мы снимаемся с якоря, так что у вас времени немного для принятия решения – либо вы отправляетесь на «Сен-Бертране» в Новый Свет, либо остаётесь здесь, во Франции...

На что Рауль Контрерас отвечал, подняв бокал:

– Пью за здоровье благородного капитана славного корабля «Сен-Бертран»! Клянусь памятью моей матери, я не забуду никогда вашей услуги!

Выпив ром, испанец продолжил:

– Господин Рут, я вам весьма благодарен за спасение, и хотел бы просить вас, чтобы вы довели ваше богоугодное дело до конца. Высадите меня западнее на побережье Франции, в рыбацком посёлке неподалёку от крепости Перпиньян. От Перпиньяна до Тулузы три дня пути, а там я уже найду способ добраться до Парижа!

Рут подумал, что у Контрерасов авантюризм, видимо, в крови. Ни слова ни о деньгах, ни о документах! Но Рут был согласен с тем, что нельзя быть благородным наполовину. Так что он успел уже подумать и об этом:

– Бог с вами, пусть будет по-вашему, я высажу вас, где хотите. На траверзе Перпиньяна я надеюсь быть уже завтра.

И Рут отправился на квартердек, чтобы командовать отходом судна.

К вечеру следующего дня «Сен-Бертран» подходил к рыбацкой деревушке, стоявшей в устье небольшой реки Тет, впадающей в Средиземное море. Семью милями выше располагалась крепость Перпиньян.

Даниель Рут выписал своему пассажиру отпускной паспорт на имя матроса Рауля Контре. Велел выдать ему провизии на три дня, дал немного денег и матросский тесак.

– Я мог бы дать вам пару пистолетов, господин Контрерас. Но думаю, это будет лишнее. Матросы, списанные с корабля, с пистолетами не путешествуют. Вы и без того слишком заметный человек...

Свой камзол Рауль Контрерас также сменил на матросские штаны и куртку. Испанец крепко пожал руку Рута на прощание:

– Я благодарю Бога, что мне повезло встретить капитана, для которого понятие чести не пустой звук...

Даниель пожелал ему удачи и подумал: «Тебе повезло встретить капитана, которому очень не повезло, когда он собирался в поход вместе с твоей эскадрой, и который так нелепо попал в плен к пиратам. Впрочем, тебе, испанец, я тоже не завидую. Неизвестно ещё, как сложится дальнейшая твоя судьба...»

Натан Клодю стоял, опершись на фальшборт, и молча наблюдал, за спуском шлюпки на воду и проводами неожиданного гостя. Невозможно было понять, как он к этому относится. На его каменном лице нельзя было прочесть ни одной эмоции.

Гребцы доставили Рауля Контрераса на берег, и он зашагал в сторону деревни.

Следующие две недели прошли спокойно. Ветер менялся. Корабль шёл то быстрее, то чуть медленнее, меняя галсы. Море было относительно спокойным.

6. ЗАПИСКИ ДАНИЕЛЯ РУТА

Свободное время, а главное, события в гавани Марсея, заставили Даниеля Рута вновь обратиться к своему дневнику – ему он доверял мысли и переживания, которыми не мог поделиться ни с кем, разве что со своей невестой, но она была очень далеко. Итак, приведём очередную запись из дневника Рута.

Запись тринадцатая. «События последних дней явно вывели меня из равновесия, поставив перед выбором. Впрочем, выбор я уже сделал, и сделал в общем-то не задумываясь, выручив беглого испанца. Если бы я промедлил, результат был бы, конечно, другой, а стало быть и другой выбор.

И вот только теперь я переживаю и обдумываю,

правильно ли я поступил. Если говорить об этом поступке с точки зрения здравого смысла, то, разумеется, это было безумием. Я мог попасть во французскую тюрьму. Кто бы тогда утешил Николь? Кто бы объяснил ей мотивы моего поступка? Кроме того, в глазах всех я бы стал бесчестным человеком.

Но и теперь надо мной висит Дамоклов меч последствий моего безрассудного поступка, свидетелем которого была вся команда «Сен-Бертрана», а значит велика вероятность, что об этом будет известно губернатору Тортуги, а потом и моей невесте.

Впрочем, Николь я и сам всё расскажу. Невозможно держать это в себе. Уверен, она меня поймёт. Ведь кроме понятия внешнего долга – того, что видят и понимают все, потому что он прописан в законах, существует долг внутренний, тот что не прописан на бумаге, но живёт в сердце, в душе и называется совесть. Это и есть внутренний долг. Возможно, я следовал ему, следовал позыву сердца. Как же я мог не помочь человеку, который служил со мной в одной эскадре и попал в положение, подобное моему?

Есть ли его вина в том, что он оказался пленником французов? И что же он совершил против них, чтобы отправляться без суда в самую жестокую тюрьму Франции? Разве мой отец не говорил мне, что первейший долг офицера – не быть малодушным? Разве не он говорил, что нужно исполнять свой долг, не обращая внимания на последствия, что в делах чести мужчина не должен принимать советов ни от священников, ни от судей? Но ведь то, что оправдывается законами чести, может иметь весьма неприятные последствия по законам писаного права!

И что же делать, когда есть эти два долга – внешний и внутренний? Получается так, что один мнимый.

Чтобы исполнить один долг, приходится жертвовать другим. Но ведь существует же истина, в конце концов! Существует же справедливость! Мне кажется, что настоящий долг должен быть основан на чувстве справедливости.

В своей беспокойной жизни я часто срывался с любимых якорей. Иногда это даже от меня не зависело. Но всё-таки существует он – моральный якорь, с которого человеку нельзя срываться – это чувство долга, основанного на справедливости. И когда исполняешь этот долг, чувствуешь себя неуязвимым во всех отношениях.

Я верю, Николь меня поймёт. Это для меня главное. Мнение остальных меня мало интересует. Мне даже хочется быстрее ей рассказать об этом случае, чтобы получить её одобрение!

7. НЕИЗВЕСТНЫЙ ОСТРОВ

Ветер с румба норд-ост потянул ещё с утра. К вечеру на горизонте появилась туча из числа тех, любоваться которыми капитан Рут предпочёл бы стоя обеими ногами на твёрдой земле. Из своего первого опыта борьбы со штормом он вынес тот урок, что бороться с ним бесполезно. Бороться можно только лишь за свою жизнь. Океан во время бури ужасен и прекрасен. Прекрасен в тот момент, когда эта буря заканчивается.

Ночью началось волнение, паруса и стеньги капитан приказал убрать. Команда была в тревожном ожидании. Океан покоряется тем, кто умеет покориться ему. Волны на глазах становились всё выше. Ветер завыл бесконечную и жуткую песню, как в дьявольской печной трубе. На «Сен-Бертран» обрушился ураган – разъярённый и неумолимый. Может быть, он не был самым свирепым, но продолжался он долго.

Прошли сутки, затем вторые. Моряки боролись за жизнь судна, в краткие минуты отдыха вознося молитвы Всевышнему о спасении. Каждый надеялся, что именно его молитву Господь услышит и займётся им персонально, примет участие в спасении не только его души, но и брального тела.

Шторм стал стихать на четвёртые сутки. Когда видимость улучшилась, моряки увидели землю там, куда их нёс уже потерявший силу шторм.

Именно в этот момент, когда капитан и первый штурман обменялись мнением, что легко отделались: все мачты и люди были целы... И именно в этот момент волю злого рока и без того потрёпанный «Сен-Бертран» налетел на рифы*.

Корабль получил серьёзную пробоину. Рут распорядился подготовить пластырь, чтобы уменьшить течь и сохранить ход судна хотя бы ненадолго. Матросы подвели щит под пробоину, прижали бревном, уперев его в шпангоут. После клиньями ещё сильнее прижали щит, герметизировав пластырь с помощью мешков с ветошью.

Однако морякам было понятно, что это обеспечит живучесть корабля на считанные часы, слишком велика была пробоина.

Незнакомая земля была единственным спасением, и команда корабля вынуждена была пристать к зелёному острову.

Когда была найдена подходящая лагуна для кренгования* и ремонта корабля, капитан Рут послал разведку, чтобы выяснить, насколько велик остров и, главное, обитаем ли он. От этого зависело многое, в том числе насколько спокойно пройдёт ремонт, если он вообще состоится.

Преодолев широкую полосу песчаного берега, ма-

тросы-разведчики углубились в лес, заросли его были довольно густы. Над ними возвышались огромные деревья с могучими кронами. Летающих там птиц не было видно, зато слышно было очень хорошо, их пение, щёлканье, трещанье и свист сливались в сплошную какофонию.

К вечеру разведчики вернулись. Это был отряд из восьми человек во главе со вторым штурманом Диего Корбо – молодым, едва ли старше Рута, мужчиной. Он был тёмноволос и черноглаз, потому в экипаже его все звали – Ворон.

– Капитан, мы никого не встретили, но я уверен, что остров обитаем, – докладывал Руту Диего-Ворон, – мы видели следы костров, и ямы-ловушки, вероятно, на коз или свиней. Других крупных животных мы не видели. Лес простирается далеко. Встречаются отдельные поляны, но это там, ближе к горам, что расположены южнее. Есть вода, небольшой ручей в трёх милях отсюда. Течёт со стороны холмов и впадает в океан...

– То, что пресная вода недалеко – это хорошо. Плохо, что остров обитаем. Как бы местные туземцы не оказались слишком воинственны. Нас чуть более полсотни. Даже имея огнестрельное оружие начинать войну не хотелось бы.

Рут приказал обустроить лагерь. По его распоряжению фальконеты, лёгкие пушки, сняли с корабля и доставили на берег.

8. ТУЗЕМЦЫ

На следующий день, когда устройство лагеря ещё не закончилось, моряки заметили – на опушке леса в полумиле от их лагеря появились туземцы. Их было

несколько десятков. Вооружены они были луками и копьями, но враждебных намерений не проявляли, наблюдая издали за действиями гостей острова.

Моряки с опаской поглядывали на аборигенов. Посоветовавшись с первым помощником, капитан приказал приготовить мушкеты, не устраивая суеты, чтобы не насторожить индейцев.

– Клодю, что если попытаться поговорить с ними? Кажется, они не собираются на нас нападать...

– Что ж, можно направить пару человек с подарками. Всё равно нужно договариваться, нам здесь не один день придётся стоять.

– Может быть, мне самому пойти? – предложил Рут.
– Вместе с Томасом?

Первый штурман усмехнулся:

– Это самое глупое, что можно придумать. Глупее, только пойти ещё и нам, со вторым штурманом и боцманом. Тогда остальной экипаж наверняка будет обречён, если индейцы нас прикончат. Предлагаю отправить вашего краснокожего с полукровкой Биллом. По крайней мере, эта пара похожа на этих чертей. Из языка что-то, может быть, поймут... Если туземцы их съедят, то экипаж ничего не потеряет.

Даниель, хмыкнув, посмотрел на Клодю, но согласился. Он подозвал Томаса и Билла. Полчаса их инструктировал, велел не брать огнестрельного оружия, но взять сумку с подарками, куда положили несколько ножей и пару столярных инструментов.

Билл и Томас направились в сторону леса. По мере их приближения на опушке появлялось всё больше индейцев. Сначала их было около трёх десятков. Они стояли, выстроившись в шеренгу, наблюдая за идущими к ним парламентами. Шеренга быстро увеличивалась в количестве: вот их уже полсотни, из лесу

выдвигаются другие, их становится больше. Когда матросы приблизились на расстояние менее кабельтова, добрая сотня туземцев стояла в ряд с копьями и луками.

Билл в знак приветствия поднял руку и закричал на одном из индейских наречий:

– Сакубана! Всё хорошо! Ты моё второе «я»! – эти слова он адресовал стоящему в центре шеренги высокому воину. Судя по тому, что его голову украшали перья диких птиц, он был главным.

Неизвестно, понял ли его высокий, но он повернул голову к рядом стоящему индейцу, что-то ему сказал. Тот воткнул копье в землю, похлопал себя ладонями по бёдрам и стал топтать ногами, как будто собираясь пуститься в пляс.

Поскольку копье было в земле, парламентарь сочли эти жесты дружественными и подошли ближе. Высокий молча смотрел им в глаза. Томас положил к его ногам сумку, показал на неё пальцем, потом на туземца:

– Подарок тебе, хозяину этой земли и этого неба, – сказал он уже на своём наречии.

Индеец, что приветствовал их топаньем ног, схватил сумку и подал главному. Некоторое время они рассматривали подарки, вертели в руках полдюжины ножей и инструмент. Матросы не заметили, как они оказались в кольце вооружённых туземцев. Высокий что-то скомандовал своим воинам и они, подталкивая гостей в спины, повели их в лес.

Капитан Рут, наблюдающий за происходящим в подзорную трубу, приказал заряжать снятые с корабля фальконеты картечью, а морякам экипажа быть готовыми к отражению атаки.

9. ПЕРЕГОВОРЫ

Однако спустя пару часов из лесу вновь появились индейцы. Среди них шли два матроса-парламентёра. Краснокожий Томас нёс на плечах тушу козлёнка, у Билла в руках был мешок. Рут, неотрывно наблюдавший за ними, понял, что первый контакт был удачным, коли матросы возвращаются с ответными подарками. Главная цель достигнута – столкновения с аборигенами не будет.

Через полчаса матросы сидели в палатке капитана, где стояли две скамьи, кресло и пустая бочка вместо стола. Здесь Рут и Клодю выслушали их рассказ о встрече с индейским вождём.

Краснокожий Томас нашёл способ объясниться с хозяевами острова, используя не только слова и жесты, но и рисунки. Разгладив ладонью песок, он прутиком изобразил их корабль и объяснил, что тот получил повреждение, налетев на рифы. Индейцы знали о буре, которая захватила и их остров. Осведомлены были они и о подводных скалах, что препятствовали кораблям подходить к острову с севера.

Самое главное, туземцы поняли, что белые оказались здесь случайно, цели у них нет никакой, кроме ремонта судна. Вождь же их против этого не возражал, но пригласил к себе капитана корабля.

– Каптайн, он сказал, пусть главный приходит. Главный должен говорить с главным, так говорил вождь гураибов, – объяснил Томас.

– Они называют себя гураибами? Что скажете, Клодю? – Рут повернулся к первому помощнику.

– Я бы не ходил, – помедлив, высказался штурман. – Я бы пригласил главного дикаря сюда и продемонстрировал ему наш оружейный арсенал. Туземцы

должны понимать, что такое пушки и мушкеты...

– Боюсь, отказ от приглашения индейцы воспримут как трусость с моей стороны.

– Но ведь бывает и веская причина. Может быть, капитан вывихнул ногу?

– Я подумаю, Клодю.

Рут повернулся к матросам:

– Томас, Билл, скажите-ка мне, много ли индейцев в лагере, где вы были?

– Это временный лагерь, капитан, – начал Билл. – Здесь только мужчины, их не больше сотни... Где их посёлок и сколько их там, один Бог знает.

– Каптайн, гурайбы на тропе войны, – добавил Томас. – Этот лагерь не просто так...

– Значит, на острове есть ещё племена? Час от часу не легче... Нет, Клодю, я пойду к индейцам. Ремонт в один день не делается. Нам предстоит провести здесь пару недель. Мы должны быть уверены, что выберемся с этого острова. Я должен идти!

10. У ВОЖДЯ

В гости к вождю капитан Рут отправился в сопровождении тех же краснокожих матросов Билла и Томаса. В качестве подарков опять взяли ножи, благо этого товара из Европы везли много.

Лагерь индейцев был замаскирован так, что его не легко было обнаружить. Вождь располагался в хога-не*, что стоял посредине лагеря и представлял из себя шалаш из жердей, переплетённых ветвями и обмазанных глиной. Остальные туземные воины обходились шалашами, крытыми корой деревьев, либо просто навесами из ветвей и листьев. Этакая хижина без стен, которая у индейцев называется «карбэ».

В хогане вождя был плотно утрамбованный земляной пол, чисто выметенный, ровный и гладкий. На полу лежало несколько козлиных шкур.

Из одежды на воинах были только кожаные набедренные повязки и мокасины, из чего Рут сделал вывод, что на острове есть ядовитые змеи. На вожде, кроме этого, был надет плащ из перьев птиц. На поясе и через плечо – белые и лиловые бусы из обработанных раковин.

Что бросилось в глаза Руту, так это огромный и яркий попугай, сидевший в клетке из прутьев*. Размером он был не менее трёх футов, а в окраске его перьев, присутствовали цвета всех флагов Европы.

Вместе с гостями в хоган вошёл высокий индеец. Когда они, следуя приглашающему жесту хозяина жилища, уселись на шкуры, некоторое время все молчали. Вождь сверлил взглядом Даниеля Рута, словно говоря: «Ты ко мне пришёл, так скажи, что тебе нужно». По крайней мере, так показалось капитану, который решил прервать молчание. Ткнув себя пальцем в грудь, он сказал:

– Рут!

Затем таким же образом, на всякий случай, представил матросов.

Вождь повторил его жесты:

– Кватокто! – назвал он себя.

Потом ткнул пальцем в высокого индейца:

– Гудэхи!

«Слава Богу, – подумал Даниель, – начало положено, дальше должно быть легче»

Дальше, действительно, разговор пошёл активнее. Рут использовал земляной пол и пруттик, для графического дополнения своих слов. Быстро ухватив несколько слов из словаря индейцев, он уже через полчаса неплохо их понимал.

Вошёл ещё один индеец, поставил перед гостями угощение: пими-окан – сушёное и измельчённое мясо, с добавлением сала и ягод. Рут уже был знаком с этим блюдом. Принёс и напиток – отвар из каких-то листьев.

Капитану не давали покоя слова Томаса о том, что индейцы «на тропе войны». Он ждал удобного момента, чтобы задать вопрос туземному вождю. Когда они проговорили целый час, он наконец решился:

– Мы моряки, наш дом – корабль. Он повреждён бурей, поэтому мы далеко от наших поселений, вдали от наших семей. Что заставляет вождя Кватоко и его людей жить без семьи во временном жилище?

Кватоко внимательно посмотрел на капитана «Сен-Бертрана», как будто задумавшись, стоит ли дальше вести разговор, потом коротко и отрывисто сказал несколько слов своему воину Гудэхи. Тот поднялся. Посмотрев на него, Томас тоже встал:

– Вожди должны немного говорить одни, – пояснил он Руту.

В хогане остались его хозяин – Кватоко и Даниель Рут. К удивлению, последнего оказалось, что вождь индейцев знает довольно много испанских слов. Корабли испанцев бывали на острове. Этим и объяснялось, наличие у туземных воинов некоторого количества железных топоров и ножей. Хотя у многих томогавки имели кремнёвое навершие либо из шлифованного камня, а наконечники стрел были из зубов животных либо заострённой кости.

Кватоко давно понял, что буря к ним занесла не испанский корабль.

– Мать Воды не случайно направила сюда вашу большую лодку, когда у нас беда. На другой стороне острова живут гураибы-махори. Они хотят захватить

наши земли, охотничьи угодья. Испанцы были здесь не раз. Они ищут золото. Но у нас его нет. Если бы оно было, они бы взяли его. Мы можем одарить вас, если вы поможете нам разбить отряд махори. С вашими огненными сарбаканами* это возможно...

Рут знал, что сарбакан – это стрелометательная трубка индейцев, а огненными сарбаканами вождь называл мушкеты. С их убойной силой он, видимо, был хорошо знаком.

Из его рассказа Даниель узнал, что лагерь Кватоко и его воинов в этом месте расположился не случайно. Их противники могли высадиться на каное* в этой лагуне, либо, преодолев перевал в невысоких горах, что тянулись с запада на восток и разделяли остров практически пополам, выйти в этот район. Миновать его на пути к главному посёлку северных гураибов, как окрестил про себя Рут воинов Кватоко, было невозможно.

– У меня на корабле есть два помощника, без которых я не могу принимать решения, – схитрил Даниель Рут, чтобы не давать индейцу немедленного ответа. – Хоть я и капитан корабля, но я обязан советоваться с ними, таков наш закон. А чтобы говорить с ними, мне надо знать, сколько вооружённых людей у тех гураибов, которых вы называете «махори». От этого будут зависеть наши действия по оказанию вам помощи...

Слова никогда не заменяют дел, но иногда помогают их отсрочить, а то и отменить вовсе.

Кватоко поднял руку:

– Понял тебя. Пальцы рук и ног надо взять столько же раз – вот сколько у них воинов! У нас – меньше.

«Четыре сотни, – подумал Рут, – если нападут внезапно, подойдя ночью на своих каное, за полчаса вы-

режут весь экипаж. Хорошее место мы выбрали для ремонта корабля!»

Поблагодарив вождя гураибов и пообещав завтра дать ответ, Рут с матросами отбыл в свой лагерь.

11. НЕПРОСТОЕ РЕШЕНИЕ

Матросы «Сен-Бертрана» под руководством Клодю готовились к ремонту. Они крепили мертвяки*, разматывали канаты, намереваясь вытащить нос корабля с помощью канатов на берег и, накренив, обнажить корпус ниже ватерлинии, чтобы заделать пробоину, заодно освободив днище от налипших ракушек и прочей дряни.

Капитан остановил работы и пригласил к себе Ната на Клодю и второго штурмана Диего-Ворона. Рут кратко обрисовал им ситуацию, закончив тем, что принять решение у них времени не так много, только до утра. Столько времени дал Кватоко, а индейцы с южного берега – махори, вообще могут появиться в любое время, хоть сегодня ночью.

– Говоря откровенно, выбор у нас небогат: занять сторону северных гураибов и помочь им отбить нападение, либо не вмешиваться, пока на нас не нападут. Я всё сказал, теперь слушаю вас, – Даниель повернул голову к первому штурману.

Пока он говорил, Клодю сохранял такое выражение лица, как будто он слушает не капитана, который говорит о предстоящей драке, а священника, что напоминает ему о скучных заповедях Христовых. Однако мозг его лихорадочно работал:

– Корабль на берег не вытаскивать. Развернуть носом к северу. Тогда кормовые орудия будут держать под прицелом пригодный для высадки берег с южной

стороны. Берег с севера прикроет батарея нашего лагеря. Пушки левого борта будут держать лагуну..., – выдал он сразу, не меняя выражения лица.

Рут поморщился:

– Клодю, я знаю, что вы человек дела. Но я сейчас о принципиальном решении. Возможно ли нам оставаться нейтральными? А если на нас нападут с берега?

– Чёрт возьми, – воскликнул Ворон, – вот это задача! Тогда мы точно не унесём ноги. С другой стороны...

– С другой стороны, – перебил его Клодю, – помогать этим чертям бить друг друга! С какой стати? В договорах экипажа нет такого, чтобы воевать за индейцев! Да и вообще, мы же не на капер набирали команду...

– Мой верный штурман, – заметил Рут, – вы не правильно поняли задачу. Не помогать краснокожим бить друг друга, а спасать собственные шкуры! Кто бы ни победил в их стычке, пройди она без нашего участия, нам отсюда не уйти. Не забывайте, что у нас полны трюмы европейского товара, в том числе и оружия. Какой индеец откажется от такого трофея?

Напоминание о дорогом грузе корабля помогло Клодю вспомнить свой служебный долг. Он проворчал:

– Чтобы сохранить товар и свои шкуры, нужно занимать сторону сильного. Впрочем, я заранее соглашусь с решением капитана.

– Капитан, – спросил Диего-Ворон, – а если мы не дадим завтра ответа, чем мы рискуем? Не нападут ли на нас эти, с кем мы переговариваемся?

– Я бы тоже хотел знать ответ на этот вопрос. Очевидно, что их вождь, этот Кватоко, парень непростой. Он мне дал понять, что испанцы их часто обманывали. Так что и нам доверия не много с их стороны. Зачем им под боком у себя оставлять вооружённых людей, которые поддержат неизвестно кого и в лю-

бой момент могут кинуться на них? Потом, он сказал, что у него людей меньше четырѐхсот. А сколько это «меньше»? Ведь свой посѐлок он без защиты не оставил. А если там ещё сотня индейцев с отравленными стрелами?

– Капитан, – снова заговорил Клодю, – вы же сказали вождю дикарей, что у нас с Диего такое же право голоса, как у вас. Я правильно понял?

– Да. Ведь мне нужно было время подумать...

– Ну так и нам надо время подумать. Вы завтра им скажите, что мы согласны. А мы с Диего ещё подумаем. Верно, Ворон? – Клодю подмигнул второму штурману, и усмешка на секунду исказила его каменное лицо. Диего хмыкнул. То ли в знак согласия, то ли удивился зигзагам мысли первого помощника.

Рут же не удивился. Это была логика Арно Мегеро и всех его друзей. Клодю было наплевать на то, что обещать краснокожим. А ему, капитану, он предлагал успокоить совесть, свалив всё на своих помощников.

Рут поднялся:

– Идите займитесь экипажем, Клодю. Выставьте на ночь усиленное охранение. Завтра же проделать все манѐвры с кораблѐм, что вы предлагали. Все орудия вернуть на корабль. С него будем отбивать атаки с моря и с берега. Какая-никакая, всё-таки, крепость, хоть и деревянная. На ночь в лагере оставлять только охранение с мушкетами. Выполняйте!

12. СНОВА У КВАТОКО

Ночью Даниель проснулся, вновь мыслями улетел к Николь. Но воспоминания о любимой у него всегда заканчивались размышлениями о том, что он сам вы-

брал жребий, который постоянно разлучает его с любимой. Ведь уходя в рейс, не знаешь, когда вернёшься и вернёшься ли вообще.

Потом стал думать о завтрашней встрече с вождём туземцев, о том, как выстроить защиту своего корабля и экипажа. Но сколько вариантов он в голове ни прокручивал, получалось, что без союза с Кватоко ему из этой передряги не выбраться. Помощники его ничего посоветовать не могут. Клодю хороший тактик, но стратегической линии он не подскажет, потому как сам привык полагаться на хитрость и изворотливость капитана Клеща. Диего Корбо и вовсе ничего не мог предложить. Ворон хорош только в бою, он опытный воин, несмотря на молодость.

Под утро Даниель снова уснул, но вскоре первый луч тропического солнца осветил землю, и через минуту капитан Рут был уже на ногах.

В тот день он заявил вождю гураибов, что экипаж корабля на их стороне, и на правах союзника потребовал дополнительной информации. Рут понимал, что индейцы должны следить за передвижением противника и ему важно было знать, когда ожидать нападения индейцев махори.

Кватоко ответил, что на тропах, спускающихся с гор, у него стоят сменяющиеся дозоры, которые сообщат о продвижении неприятеля.

Позднее Рут имел возможность убедиться в искусстве разведчиков-гураибов. Они хитро и умело прокладывали маршруты. Хорошо зная местность, мастерски выбирали места и время засад, если нужно было взять пленника. Будучи обнаруженными, скрывались в горах и шли по каменистым уступам, не оставляя следов, а при необходимости разделялись и бежали в разные стороны.

Хитрость и изворотливость позволяла им обводить вокруг пальца своих преследователей. Однажды, когда за двумя гураибами погнался большой отряд махори, растянувшийся по индейскому обыкновению в длинную цепочку, гураибы обогнули большой холм, зашли в тыл противника и, будучи незамеченными, убили самого крайнего из воинов махори. Затем скрылись прочь по вражеским следам.

Нужно было отдать должное индейским лазутчикам, ведь кроме смертельной игры в прятки, где каждый неосторожный шаг грозил гибелью, им приходилось ещё охотиться в окружении бдительных врагов, а также коптить мясо впрок на костре.

Итак, будучи уверенным, что со стороны суши внезапного нападения удастся избежать, береговую линию Рут решил контролировать сам, а в горы предложил послать ещё группу с участием его матросов. Кватоко согласился. Вождь был доволен тем, что моряки встали на его сторону, и хотел показать, как он им доверяет.

Через несколько часов пятеро индейцев и трое моряков отправились к подножию гор, до которых было не так уж далеко, но прямой путь был через лес. Рут опять послал своих краснокожих матросов: Томаса и Билла, за старшего с ними отправился Диего Корбо. Чтобы через джунгли передвигаться быстрее, моряки не стали брать с собой тяжёлые мушкеты. Рут выдал им по паре пистолетов, напомнив Ворону, что их задача – разведка, а столкновений лучше избегать. Пусть для махори будет сюрпризом, что в их драку с соплеменниками вмешались белые.

– Капитан, я всё-таки не совсем понимаю, какого чёрта нам тащиться к этим горам, если там есть дозоры индейцев, которые нас известят о появлении противника? Или вы не доверяете гураибам?

– Доверие слишком большая роскошь на войне, Диего. Война пощады не знает. Даже если и доверяю, разведку острова нам провести нужно. Лучше один раз увидеть, чем сто раз слушать... И получать потом сюрпризы.

– У нас такой запас пороха и картечи, что нам не страшны никакие сюрпризы!

– Да-да, такие речи на войне я слышал много раз. А один наш общий знакомый, я про капитана Клеца, любит говорить: «Кому фарт – свой брат, тому и счастье – родная тётка!» Я тоже надеюсь на удачу и на Господа, но знаю, хоть Господь и думает о нас, но он не думает за нас. А потому внимательно смотрите и слушайте. Нам нужно знать как можно больше и о наших гурайбах, и о гурайбах-махори.

Разведчики ушли, а экипаж занялся подготовкой корабля к бою. Внезапной атаки с берега теперь можно было не опасаться.

13. АТАКА

И Рут оказался прав. Махори подошли с моря. В одну из тихих безветренных и безлунных ночей десятки каноэ вошли в лагуну и устремились к кораблю. Часовые не спали, но тем не менее, лодки индейцев успели подойти близко, ведь атака была бесшумной. Индейцев подвела их же военная хитрость. Решив, что деревянную крепость-корабль легко поджечь, они стали стрелять горящими стрелами прямо с лодок, тем самым обнаружив себя и позволив канонирам «Сен-Бертрана» точнее прицелиться. Пушкари новичками не были, в фальконетах знали толк, и десяток индейских лодок были разбиты в щепы первым же залпом. Атака с моря захлебнулась. Но уже многие бойцы-махори

успели высадиться на берег и атаковали оттуда. На правом борту корабля пушек не было. Матросы встретили краснокожих залпом из мушкетов, потом пошли в ход пистолеты и абордажные сабли.

На борт удалось взобраться самым отчаянным из атакующих. Это было непросто, но махори вставали друг другу на плечи, у наиболее быстрых и ловких воинов это получалось. Некоторые индейцы, сбитые ударом абордажной сабли или прикладом ружья, которыми матросы пользовались как дубинами, с криком летели вниз. На корабле в ночи началась страшная рубка, лица сражающихся освещал огонь, местами занимавшийся на палубе от горящих стрел.

Рут и Клодю дрались рядом. Капитан в эту минуту пожалел, что отправил Ворона в разведку. Как бы он сейчас пригодился! Но ещё больше он сожалел, что у него на корабле нет такого солдата, как Питер Дуболом, чей львиный рык нагонял страху на врага, а абордажная сабля напоминала крыло ветряной мельницы в шестибалльный вихрь. Не каждый осмелится подойти.

Не прошло и полчаса боя, как Рут услышал боевой клич индейцев Кватоко, и на палубе появились его воины с белыми лентами на головах. Это предусмотрительный Рут на всякий случай выдал своим союзникам белый материал. И это оказалось очень кстати, иначе в ночи их было бы не отличить от махори.

Вскоре всё было кончено. Индейцы увели с собой десяток пленных, что были ранены и не смогли сбежать. Трупы убитых врагов предали морю. Рут стал подсчитывать потери экипажа: трое матросов были убиты, пятеро ранены. Утешением служило лишь то, что потери были в десять раз меньше, чем у нападавших.

14. ОТРЯД ВОРОНА

Тем временем дозорный отряд Диего-Ворона продвигался по джунглям. К вечеру они вышли к реке, где увидели туземцев, охотящихся на крупную рыбу, стреляя из луков*. Диего решил, что поселение гураибов недалеко. Сопровождающие их индейцы подтвердили его догадку. Решили там заночевать.

Посёлок походил на временный лагерь воинов Кватото, с той лишь разницей, что размерами был больше и кроме жилых имел хозяйственные постройки, то есть изгороди для одомашненных коз, для черепах, которых индейцы также разводили. Кроме этой живности были ещё собаки и попугаи.

В середине посёлка стояло несколько хоганов, сделанных основательно и обмазанных глиной. По окраинам стояли такие же шалаши, как в лагере. Диего Корбо заметил, что воинов в посёлке почти столько же, сколько у Кватото на берегу. Правда, он считал и подростков лет пятнадцати-шестнадцати.

Рано утром вышли и направились к подножию гор, где были передовые дозоры гураибов. Только придя туда, Ворон понял, почему именно там Кватото поставил дозор. Это был целый отряд, численностью не меньше, чем тот, что стоял в лагере на побережье. И воины здесь были серьёзные. Из разговора с сопровождающими индейцами моряки поняли, что здесь в скальной пещере находится святыня, которую индейцы охраняют более, чем посёлок. Они называли её «Уаку».

Кватото, конечно, лукавил, когда называл дозором оставленных здесь бойцов. Они были хорошо вооружены и могли дать бой в условиях узких горных троп даже превосходящему их в численности противнику.

Старший над воинами этого отряда в разговоре с Диего сообщил ему, что махори на своих каноэ отправились к месту стоянки их корабля. На вопрос Диего, как им удалось это узнать, индеец ответил коротко:

– Знаем.

– Как сообщить это нашим товарищам? – спросил его Ворон.

– Только что ушёл гонец к Кватоко, – был ответ.

Как потом стало известно, гонец опоздал. Пришёл ночью, когда уже на «Сен-Бертране» кипел бой.

После такого известия Ворон принял решение медленно возвращаться на корабль. Спросил туземцев, нет ли более короткого пути через джунгли. Оказалось, что такая тропа есть, но ей редко пользуются, она более опасна.

– Много змей, местами заросли, – пояснили ему.

Диего велел проводникам вести их по этой тропе и идти быстрее. Пополнив запас воды и пищи, они отправились в обратную дорогу. Впереди шли два туземца, за ними Ворон с матросами – Краснокожим Томасом и Биллом, замыкали группу ещё три туземца.

Короткий путь оказался действительно не простым. Джунгли наступали на тропу. Часто приходилось работать тесаками, чтобы проложить путь по заросшей тропе, которая лишь местами достигала ширины в два-три ярда. Сопровождавшие их туземцы ловко преодолевали заросли, матросам и Ворону приходилось труднее. Диего добрым словом помянул капитана, который вместо тяжёлых мушкетов велел им взять только пистолеты.

Корбо и матросы обливались потом, их штаны и рубахи промокли насквозь. В лесу было странно пусто, что вызывало тревогу, тишину едва нарушал птичий щебет. Лишь мухи с палец величиной, да огром-

ные бабочки скользили в солнечных лучах, их широкие крылья отливали серебристо-голубым цветом. Этакая обманчивая благодать коварных джунглей. Но опасность их ждала отнюдь не со стороны тропического леса.

После поворота тропа расширялась. Именно в этом месте и случилось то, чего никто не ожидал. Их отряд столкнулся со встречной группой. Ворон первым выхватил пистолет, но медлил с выстрелом, не понимая, кого они встретили. Индейцы сориентировались сразу, вступив в схватку. Около уха Ворона просвистел метательный нож Краснокожего Томаса, ранив одного из противников. Диего выстрелил, попав живот человеку с мушкетом. Не прошло и минуты, как трое валялись на земле, четвёртого схватили, отобрав у него оружие.

Двое из четверых встреченных ими были индейцами-махори, двое – европейцами. В живых остался один. Связав ему руки за спиной, Ворон допросил его.

Белые были испанцами. Вместе с индейцами они шли в разведку, намереваясь после атаковать отряд, охраняющий святилище. Диего Корбо понял, что испанец всего не говорит, но решил, что вернётся к разговору после. Надо было спешить. Тела двух индейцев убрали с тропы. Испанец, раненный в живот, был безнадёжен. Тащить его на себе никто не собирался. Ворон прекратил его страдания ударом кинжала.

Тут же обратясь к пленнику, он заявил, что также зарежет и его, если тот не будет говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды. Испанец стал клясться всеми святыми, что не врёт. Вождь махори хотел захватить прежде всего святилище Уаку. Там была статуя индейской Матери-Земли и много золота. Так считали испанцы, несмотря на то, что индейцы уверя-

ли – золота там нет. А Богиня Земли приносит удачу в охоте и земледелии тому, кто владеет её сакральным изображением.

Шли без остановок до самого вечера. В джунглях темнело рано. Остановились и стали готовить ужин. После ужина Диего вновь затеял разговор с испанцем, которого он велел пока не кормить.

– Извини, приятель, сам понимаешь, глупо кормить человека, если не известно, доживёт ли он до ночи... Как зовут тебя?

– Хуго, – ответил пленный.

– Расскажи мне, дружище Хуго, на каком корабле вы прибыли сюда? Сколько испанцев в лагере махори? Много ли огнестрельного оружия? И поподробнее. Ничего не упускай. Мой капитан терпеть не может недомолвок, он любит подробности...

– Я ничего от тебя не скрывал... Прибыли мы сюда на испанском капере «Сан Жозеф». Пополнили у индейцев воду и продовольствие. Кроме всего прочего, капитан продал индейцам дюжину мушкетов. Ещё пули, порох... Потом команда узнала, на острове есть вырубленная в скале сокровищница индейцев. Там полно золота. Моряки хотели её захватить. Капитан не согласился. Часть команды взбунтовалась. Когда мятеж был подавлен, одного повесили. А нас пятерых, капитан приказал оставить на острове, надеясь, что мы здесь недолго протянем. Так оно и вышло, трое уже умерли от болезней. Ну а мы оказались нужны Охитэко – вождю махори. Не умеют они обращаться с мушкетами...

– Сколько у этого Охитэко воинов?

– Чуть более четырёх сотен.

– Как же вы собирались отобрать у них золото?

– На «Сан Жозефе» было полторы сотни людей

вместе с солдатами. Мы могли перестрелять туземцев, как кроликов... Потом я узнал, что сокровищница эта принадлежит другому племени. А нас Охитэко хотел использовать, как ударный отряд. Не вышло ни у него, ни у нас. Сейчас он хочет ещё раз попытаться овладеть золотой пещерой.

После допроса Ворон приказал индейцам накормить испанца, выставил часовых, прежде, чем прекратили кричать попугаи и туканы и чёрно-лиловая мгла накрыла джунгли. Разведчики капитана Рута стали коротать долгую тропическую ночь.

15. НА БЕРЕГУ

Диего с матросами и пленным испанцем добрался до стоянки корабля лишь днём, когда экипаж уже принял бой с индейцами. Ворону было досадно, что они не успели к ночи, но Рут дал ему понять, что сведения, им принесённые, стоят того. Особенно капитану был интересен пленный испанец Хуго, которого он долго расспрашивал.

В тот же день Рут встретился с вождём Кватоко. Несмотря на некоторое недоверие, которое поначалу оба испытывали друг к другу, этот разговор получился более дружественным. Лёд недоверия таял: вождь был доволен, что белые не нарушили договора и остановили их врагов – махори, при этом изрядно уменьшив количество воинов вождя Охитэко. Руту же было необходимо узнать, когда будет возможность отремонтировать корабль. Для этого нужна была неделя, в течение которой не было бы нападений. Ведь сжечь корабль, вытасненный на берег, куда как проще, нежели стоящий в лагуне и оцетинившийся пушками.

– Гураибы увидели, что каптайн Рут – храбрый

вождь, а его люди – отважные воины, – начал разговор Кватоко.

Даниель Рут, не склонный к хвастовству в обыденной жизни, сейчас решил, что ему следует поддержать мнение о непобедимости своего воинства.

– Думаю, вождь Кватоко теперь убедился, что я со своим экипажем и вооружением в состоянии перебить всё войско махори. Но мне нужно отремонтировать корабль, а я теряю время и людей. Мне нужно несколько дней, чтобы сделать ремонт. После чего, если понадобится, я готов снова помочь гураибам.

Как раз в последнем вождь индейцев сомневался. Он был уверен, что как только корабль получит ремонт, Рут тут же поднимет паруса.

Вождь гураибов и капитан «Сен-Бертрана» в дальнейшей беседе обсудили полученные сведения от дозоров и пленного испанца.

– Охитэко больше не пошлёт морем своих людей. Я знаю, как он воюет. Туда, где была неудача, его воины больше не пойдут. Пойдут на священную пещеру Уаку. Они знают, что там нет золота, но им нужна Богиня Мать-Земли. Испанцы думают, что там золото. Первый раз они проникли туда тридцать лет назад. Часть золота украли. Остальное перепрятал мой отец. Он был тогда вождём гураибов.

Природное любопытство Рута взяло верх, и он всё-таки спросил Кватоко, как получилось, что они, живя на одном острове, воюют с махори не на жизнь, а на смерть.

Вождь покачал головой, подумал, потом рассказал:

– Было одно племя, был один вождь, мой прадед. Появлялись и уходили испанцы. Привозили огненную воду. Люди стали ссориться. Прадед разделил остров между двумя сыновьями. Один был мой дед.

Ему досталась священная пещера Уаку. Мой отец и отец Охитэко были двоюродными братьями. Но отец Охитэко захотел взять себе Мать-Земли. Так началась война. Махори дружат с испанцами. Они им привезли оружие. Продашь ли ты мне оружие, каптайн Рут? Нам нужны огненные сарбаканы, чтобы побеждать махори.

Даниель Рут не ожидал такого вопроса. Тем не менее, он нашёлся:

– Я продам тебе ножи и топоры. Я продам тебе железные лопаты. Но чтобы продать мушкеты мне нужно согласие моих помощников...

– Хорошо. Пусть твои помощники думают. Можешь чинить свою большую лодку. Махори с моря не пойдут. Если пойдут с берега, мы тебе поможем. Если они пойдут в священную пещеру, ты поможешь нам.

16. ОСТРЫЙ РАЗГОВОР

На следующий день капитан Рут распорядился вновь снимать орудия с корабля, освободить палубу и готовиться к ремонту. Ещё через день заскрипели кабели, «Сен-Бертран» вылез форштевнем на берег, завалился на левый борт, обнажив правый ниже ватерлинии.

Плотники приступили к делу. Впрочем, работа шла всей команде, после боя с индейцами рангоут и такелаж тоже нужно было приводить в порядок.

В палатку к капитану вошли два его помощника: Натан Клод и Диего Корбо. Рут уже довольно хорошо успел узнать обоих, поэтому даже не удивился их предложению. А оно заключалось в следующем. Как только корабль встанет на ход и поднимет якорь, пройти вдоль береговой линии до стоянки ближайшей к

Конкагуа, так называли туземцы невысокие горы, разделявшие их остров, разгромить охрану священной пещеры и забрать золото.

Оба штурмана заболели той самой горячкой, что охватывает любого авантюриста, стоит ему почуять близость золота, большого золота. И Клодю, и Корбо не были новичками в каперском промысле, хотя и служили теперь на коммерческом судне. Упустить возможность разграбить индейскую пещеру было свыше их сил.

Легенды о баснословных сокровищах священных пещер ходили более ста лет со времён Кортеса* и Писарро*. Какой моряк не бредил этими сокровищами! Иначе зачем он притащился сюда, на край света, где климат подходил только змеям и черепахам, а человеческая жизнь не стоила пистолетной пули и была в два раза короче, чем в изъезженной вдоль и поперёк Европе?

Рут был уже достаточно опытен, чтобы понять – это маленький звоночек, который предупреждает о возможном бунте. Не дай Бог, эта лихорадка передастся команде, хмель моментального обогащения ударит в голову матросам. Тогда этой, сошедшей с ума команде, не жить и нескольких дней. Не жить и ему, Даниелю Руту, если у него не хватит мозгов, воли и авторитета, чтобы предотвратить болезнь в зародыше и не дать сумасшествию захлестнуть экипаж несчастного «Сен-Бертрана». Слава Богу, последнее время у него были учителя, мастера кнута и пряника: и губернатор Тортуги Бертезен, и капитан Клещ, которые славно умели манипулировать людьми.

Он сразу же дал понять своим возбуждённым помощникам, что у него несколько больше информации, чем у них. Напрасно они считают краснокожих глупее

себя. На остров несколько раз наведывались испанцы, так что туземцы хорошо знакомы с коварством европейцев и давно не держат золото в священной пещере, о которой на острове не знают только козы.

– Ну вот, – воскликнул Диего-Ворон, – в кои-то веки фортуна улыбнулась нам!

– Тогда какого дьявола они держат там отряд в сотню дикарей, вооружённых до зубов? – спросил первый штурман.

– Чтобы понять это, Клодю, надо вспомнить крестовые походы и понять тех, кто четыреста лет назад отправлялся освобождать Гроб Господен. В этой пещере находится святыня туземцев – Богиня Мать-Земли. Вам нужна Мать-Земли, Клодю? Мне нет. Мне нужно привести «Сен-Бертран» в Тортугу. В трюмах товара столько, что можно купить любого туземного бога! А вы со своими авантюрными планами пришли продать мне селёдку, которая ходит в океане** и не знает, что она продаётся. Мы сразились с индейцами, используя пушки, вам наши потери известны. Теперь вы предлагаете сразиться с индейцами одними мушкетерами, ведь в гору пушки не потащишь. Или вы хотите навьючить ими матросов? Там мы потеряем половину экипажа. Это при самом удачном раскладе. Я вам повторяю, при самом удачном! А при неудачном – будут перебиты все. Даже если кто-то останется в живых, он пожалеет об этом. Пленённый вами испанец рассказывал, что здесь ещё живы обычаи праздновать победу съедением одного из врагов**. Представляете, Диего, как обидно, когда говорят: «Кушать подаю!», а на вертеле ты сам.

Оба штурмана молчали. Капитан Рут продолжал:

– Вы мне предлагаете похоронить и команду, и судно с товаром, и самих себя. Если бы я не понимал, что

на вас повлияли тропическая жара и золотой мираж, я подумал бы, что разговариваю с юнгами, а не с бывальными моряками... Помнится мне, один доктор богословия, говаривал: «Лучше сразу убить в себе дьявола, пока дьявол не убил тебя!»

Вот такую проповедь произнёс Рут, слегка охладив пыл своих помощников. Потом поднялся и, не давая им опомниться, перешёл к приказному тону:

– А теперь скажите, какого чёрта вы оба торчите здесь? Кто руководит работами? Корбо, немедленно к кораблю! Теперь от его состояния зависит наша жизнь. Кроме пробоины ещё и на палубе порядок нужно навести. Половина квартердека сгорела от индейских стрел!

Ворон недовольно встал, оглядываясь на первого помощника.

– Идите, Корбо, и учтите, фортуна иногда улыбается, просто потому что ей смешно. А вы, Клодю, оставайтесь, нам нужно обсудить другие вопросы, – задержал капитан первого штурмана. Руту хотелось разобщить интересы своих помощников, которые так дружно спелись на почве индейского золота.

– Первое, что я хотел сказать вам, это то, что никто не помешает нам прийти сюда потом, когда мы будем готовы к разговору с индейцами, и когда это будет угодно французской короне. Надеюсь, вы не забыли, что у вас контракт с губернатором? Второе... Я никому этого не говорил, но вам скажу, коли мы оказались в такой передрыге. Я не собираюсь долго занимать место капитана «Сен-Бертрана». И когда оставлю эту должность, на место капитана я собираюсь рекомендовать вас губернатору Тортуги...

Первый помощник поднял глаза на капитана, лицо его оставалось бесстрастным, но взгляд уже стал не

таким жёстким. Это Рут заметил и понял, что попал в точку, сыграв на тщеславии Клодю. Теперь он трижды подумает, прежде чем идти против воли капитана и своей выгоды.

Так Рут удержал в узде своих помощников, развеяв золотистый дурман их безрассудных планов, а заодно и тех, кто готов был их поддержать.

Нужно было быстрее заканчивать ремонт, никакой ветер не будет ветром удачи для корабля, вытасченного на берег. На чужой берег.

Когда Клодю подошёл к кораблю, где плотники чинили корпус, Ворон поинтересовался:

– Отчего наш капитан так нерешителен? Ведь остров практически ничей, здесь всё – наша законная добыча!

Натан Клодю пожал плечами:

– Кто знает, Ворон, этих кальвинистов. По их вере и работа капера – большой грех. Не грех только в поле спину гнуть, да молиться в пустой зале, где даже нет священника...

17. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ НА ТОРТУГЕ

Пока капитан Рут воевал с индейцами и приводил в чувство свою команду, на острове Тортуга, в семействе губернатора всё чаще заходили разговоры о том, что прошло уже много времени и «Сен-Бертран» давно должен был придти в родную гавань.

Губернатор ждал корабль, Николь ждала капитана. Нет нужды описывать состояние девушки, которая видела своего любимого всего пять дней после помолвки. Мадам Лоран как могла утешала дочь, мадам Бертезен хранила молчание и если обсуждала эту тему, то только со своим супругом.

– Бедная девочка, она хоть и упряма, но всё же это моя родная кровь. Бертран, она так переживает...

– Да, дорогая, мы все переживаем, – соглашался господин Бертезен, подсчитывая, какой он понесёт убыток, потеряв корабль такого класса, как «Сен-Бертран», да ещё с грузом. «Жениха-то мы для Николь найдём, а вот корабль уже не вернёшь», – вздыхая про себя, думал губернатор Тортуги. Вслух же он говорил:

– Диана, дорогая, может быть, действительно не стоило торопиться с помолвкой?

Понимая, что сделанного не воротишь, тут же оговаривался:

– Впрочем, помолвка – ещё не брак. Ты помнишь, старую историю, как его высокопреосвященство кардинал Ришелье* выдал свою любимую племянницу за племянника Альбера де Люиня, хотя она была помолвлена с другим?

– Ах, Бертран, знаю я эту историю. Но вы, мой милый, не кардинал Ришелье... Тем более, что ничем хорошим это не кончилось. Её муж, господин Комбалье, вскоре погиб на войне, а племянница кардинала, Мари-Мадлен дю Пон де Курле, так больше и не вышла замуж. Видно, провидению не было угодно устроить счастье бедной женщины, – так отвечала мадам Бертезен своему супругу, которого она понимала с полуслова и знала, что переживает он более из-за того, что объявил заранее сумму приданого Николь, когда был уверен, что она выйдет за его племянника – лейтенанта д'Эжена. Теперь он прикидывал, как бы эту сумму уменьшить и при этом сохранить лицо.

Николь же не спала ночи напролёт, плакала и молилась о благополучном возвращении своего Даниеля.

Но проходили дни и недели, в гавань Бастер заходили разные корабли и всякие капитаны, но не было

среди них голландского флейта, несущего французский флаг и имя Святого Бертрана, и его молодого капитана Даниеля Рута.

Пока Николь считала дни и недели, ей было не так страшно, но когда стали появляться мысли о том, что дни считать бесполезно, что уже невозможно измерять её разлуку с любимым ни во времени, ни в расстоянии, ей стало страшно по-настоящему.

Она вдруг поняла, что само по себе ожидание – не самое ужасное, ужаснее – бессмысленность ожидания, когда страх потерять навсегда любимого человека проникает в душу, а в сердце вместо бывшего блаженства появляется пустота, которая заполняется острой тоской. Только уверенность в том, что Даниель её бесконечно любит, давала ей силы в тягостном ожидании. Теперь же, когда в несчастном сердце и в воспалённом от бессонных ночей разуме поселился страх, что его, возможно, нет в живых, силы покидали её. Ночами она чаще плакала и больше молилась. Мысли о монастыре вполне овладели ею.

Когда даже мадам Бертезен стало казаться, что все сроки вышли и корабль, вероятно, погиб, она заговорила об этом со своей сестрой:

– Франсуаза, мне кажется, мы должны быть готовы к самому худшему. Прошу тебя, помоги мне подготовить Николь... Мы с тобой прекрасно понимаем, как опасна профессия моряка. Но её-то жизнь на этом не заканчивается. Не будет же она по церковным праздникам украшать венками голову святой Екатерине* вместе с незамужними девами!

В ответ Франсуаза Лоран только плакала. Она прекрасно знала свою дочь. Та скорее согласится уйти в монастырь, чем выйти замуж за другого. Тем более, не зная судьбы своего жениха.

18. ПРОЩАНИЕ С ОСТРОВОМ

Рут торопил своих помощников и всю команду с ремонтом корабля. Ему хотелось не только закончить ремонт, пока затишье в войне между индейцами, но и успеть покинуть остров. Команда стремилась к этому же. Через неделю корабль спустили на воду.

В бочки набрали пресной воды, пополнили запасы продовольствия сушёным мясом, вяленой рыбой, кукурузой и фасолью. Рут продал индейцам, как обещал, холодное оружие и лопаты.

Капитан Рут и Кватоко сидели в хогане вождя.

– Нам пора уходить, вождь Кватоко, – говорил Рут, – мы не можем более оставаться на острове. Нас ждёт служба нашему губернатору и королю. Махори так и не осмелились напасть на вашу священную пещеру. Слишком большие потери они понесли в бою с моим экипажем...

Кватоко сделал знак рукой высокому индейцу Гуде-хи. Тот подал мешок из козлиной кожи.

– Да, каптайн Рут, ты помог мне справиться с врагом. Ты держишь слово, твои речи чисты – не как у испанцев. У них мутные речи, а мутная вода течёт не из чистого озера. Кватоко тоже держит своё слово.

Вождь достал из мешка восемь золотых самородков.

– Это плата тебе и твоим воинам, – он бросил золотые камни обратно в мешок. – Нам нужны огненные сарбаканы. Что сказали твои помощники?

Если ты их нам не продашь, махори нападут снова. Даже если нам дашь десять, я велю своим воинам говорить, что у нас их сто. Тогда махори не нападут.

В эту минуту Даниель Рут понял, что лучше пообещать ружья индейцам, чтобы гарантированно не иметь

сюрпризов до выхода корабля в море.

– Я говорил с помощниками. Десять мушкетов мы продадим.

В тот же день индейцам передали ружья, порох и пули. Капитан Рут сидел в хогане вождя. Кватоко пригласил выкурить трубку. Даниель понимал, что от этого ритуала отказываться нельзя.

– Когда бледнолицые люди встречаются и прощаются, они пьют огненную воду, – говорил Кватоко, передавая трубку, – мы курим табак. Когда Великий дух Вакан Танка создал всех духов природы, птиц, животных и человека, то специально для человека он создал волшебное растение – табак, от одного запаха которого у всех духов возникало непреодолимое желание завладеть им! Но Великий Дух отказал им всем. Он сказал, что это подарок человеку и только ему решать делиться табаком или нет. С тех пор человек, если хочет привлечь духов природы на свою сторону, то жертвует им табак. Трубку для человека тоже сотворил Великий Дух, и сказал, куда люди будут пользоваться ей, они будут жить вечно, но как только о ней забудут – их род утратит корни и погибнет!

Даниель Рут хорошо знал, что выкуриванием трубки скрепляются все договоры. Сама трубка у индейцев – символ мира и дружбы.

После церемониального курения табака, Рут отправился на корабль.

А утром «Сен-Бертран» поднял паруса. До Тортуги было ещё далеко.

Чтобы не возбуждать команду золотым миражом, Рут рассчитался с экипажем деньгами, что выручил от продажи алмазов, так никому и не показав золотые самородки.

19. «СЕН-БЕРТРАН» В РОДНОЙ ГАВАНИ

Буря отнесла корабль далеко на юг, поэтому капитан Рут, вычислив местоположение, приказал на румбе поставить курс норд, как только корабль покинул остров Рифов. Так, игнорируя туземное и испанское название острова, называл Даниель Рут кусок суши, где они получили пробоину и вынуждены были так надолго задержаться. Спустя ещё три недели флейт «Сен-Бертран» входил в гавань острова Тортуга.

Всё приходит для того, кто умеет ждать. Нет нужды описывать счастье Николь, ведь все счастливые похожи друг на друга. Это в несчастье люди ведут себя по-разному. По-своему счастлив был губернатор – господин Бертезен, ведь его корабль вновь благополучно вернулся из дальнего плавания. Доволен был Арно Мегеро – удачно завершилась его авантюра с реализацией алмазов в Европе. Радовался весь остров Тортуга, ведь о пропаже капитана Рута и его корабля знали все.

Через пару дней Рут встретился с капитаном Клещом и вручил ему деньги, что получил за его алмазы.

Мегеро уже в общих чертах знал, что приключилось с кораблём «Сен-Бертран», поэтому, отсчитав Руту его процент за услугу, он заявил:

– Вы определённо счастливчик, Рут, с вами приятно иметь дело, прах меня побери! Разумеется, если не лежать у вас на столе под хирургическим ножом. Надеюсь, это не последнее наше коммерческое предприятие?

– Думаю, что последнее, господин Мегеро. Иногда наши действия определяются нашим характером, а не нашими интересами. Я же говорил вам, что эти дела меня не увлекают. С алмазами всё получилось пото-

му, что помог мой отец, дай Бог ему здоровья. Уверен, что больше он этим заниматься не будет. Так что, если понадобится моя медицинская помощь, то я к вашим услугам, а по остальным вопросам – прошу меня уволить.

– Долг христианина – помогать ближнему, когда ему необходима наша помощь. В своё время я помог вам, вы помогли мне. Разве не принесли мы друг другу немало счастья?

– Вы правы, капитан, лишь в том, что наш моральный долг – помогать нуждающимся в нашей помощи, но вовсе не в том, чтобы делать их счастливыми.

– Тем не менее, я благодарен вам, Рут. Надеюсь, вы ещё передумаете.

Самый опасный корсар Тортуги надвинул шляпу на лоб и распрощался, приложив к её полям два пальца.

20. СВАДЬБА

Свадьбу Даниель Рут и Николь Лоран назначили на январь. Впрочем, это не совсем верно, а если быть точным, то совсем не верно. Потому что время свадьбы, этого символического перекрёстка их судеб, определяли вовсе не они, а мадам Бертезен, и советовалась она не с молодыми, а со своим мужем. Да и то сказать, как советовалась? Не очень-то она слушала его советы, разве что в той части, кого пригласить из числа губернаторских людей. Остальное она решала сама.

Мадам Бертезен не вмешивалась только в управление Тортугой и торговые дела мужа, остальные вопросы были в её власти. Управление островом – это была политика, а политику Диана Бертезен не любила,

в торговые дела она могла бы вмешаться, если бы это были дела действительно коммерческие, но это были сплошные махинации и мошенничества – высший пилотаж коммерции, в которых она ровным счётом ничего не понимала, равно как и в каперских рейдах и прочих грабежах и разбоях.

Итак, свадьба была назначена на январь, потому что во французской стороне, на их далёкой родине, зимние месяцы: январь и февраль перед началом великого поста традиционно считались временем свадеб. И хоть это была народная традиция, а губернатор Тортуги и его супруга себя к народу, разумеется, не относили, но... Но тоска по французскому берегу брала своё и, придерживаясь обычаев, они не только соблюдали церковные правила, но приближались к родине.

Дамы занимались подготовкой нарядов к свадьбе. Николь хотела быть в красном платье, но её властная тётюшка настояла, чтобы платье было белым.

– С тех пор как Анна Австрийская* на свою свадьбу надела белое платье, все женщины из высшего общества выходят замуж в белом! – категорически заявила мадам Бертезен.

– Но, тётя, я не отношу себя к дамам высшего света!

– Это не имеет ровно никакого значения. Белый цвет стал почти традиционным, а в этом случае нужно придерживаться традиций! Твоя бабушка, наша с Франсуазой мама, нам всегда говорила: «Девочки, берегите традиции, и традиции сэберегут вас». Теперь это же самое я говорю тебе.

Николь не стала спорить и легко согласилась. Ведь она была счастлива. Все счастливые люди покладисты. В конце концов, гораздо важнее, за кого ты выходишь замуж, а не в каком платье ты это делаешь.

Даниель Рут был в новом камзоле, вся свадебная

принадлежность которого определялась бутоньеркой* в петлице, из тех же цветов что и букет невесты.

Венчание должно было состояться до полудня. До церкви по обычаю шли пешком. Когда новобрачные опустились на колени перед священником, Даниель угодил коленом на платье Николь. Дамы зашептались: «В семье главным будет он, коли прижал подол невесты. Это верная примета!» Мадам Бертезен на это с сомнением покачала головой, скептически улыбнувшись.

Когда церемония закончилась и в приходской книге была сделана запись, молодожёны вышли из церкви через арку, выполненную из цветов. Это должно было означать вступление в новую жизнь.

На торжественном обеде в доме губернатора Тортуги гостей было немного, человек сорок. Это были чиновники с супругами и несколько капитанов, к которым благоволил губернатор. В числе приглашённых был и Арно Мегеро. Капитана с таким влиянием в Береговом братстве губернатор не мог не пригласить на торжество. Его превосходительство приглашал также губернатора острова Сен-Кристофер, но тот не смог прибыть из-за столкновений с испанцами, в которых племянник господина Бертезена лейтенант Д,Эжен был ранен, а вице-губернатор убит.

21. ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

Через несколько дней после свадебного торжества Даниель Рут сидел в кабинете господина Бертезена. Его превосходительство завёл разговор на самую интересующую и волнующую его тему. Он заговорил о деньгах.

Накануне губернатор много о них думал. Когда «Сен-Бертран» не прибыл вовремя в гавань, он молил Бога, чтобы корабль вернулся и груз не пропал. Когда же это случилось, он был недоволен, что судно было повреждено. Врождённое благородство дворянина не мешало ему зарабатывать деньги на чём угодно, но мешало ему быть благодарным тем, кто ему помогал это делать. Господину Бертезену пришло в голову, что коль корабль повреждён, то можно и отдать его в качестве приданого, тем более, что у него самого был вариант приобретения другого судна и совсем недорого.

– Даниель, вот вы уже состоявшийся капитан. Но какой капитан без корабля? Я решил передать вам «Сен-Бертран». Должен же я дать какое приданое своей племяннице, которая вышла замуж за морехода.

Господин Бертезен налил в бокалы вина.

– Вам, дорогой Даниель, теперь предстоит обеспечивать свою семью. И свой корабль для этого будет большим подспорьем. Как вы считаете?

Даниель Рут никак не считал. Он вовсе не готов был к такому повороту и никогда не думал стать собственником корабля.

– Ваше превосходительство... Господин Бертезен, ведь дело касается не моего приданого, а моей невесты, извините, жены. Я должен сначала переговорить с Николь.

– Конечно, конечно! Это ведь предварительный разговор, так сказать. Как мужчина с мужчиной. Разумеется, посоветуйтесь с Николь!

Сам же губернатор в этот же вечер сообщил своей супруге о разговоре с Рутом. Мадам Бертезен быстро привела его в чувство, омрачив радость от выгодной сделки.

– Дорогой Бертран, у вас по обыкновению задние мысли впереди. Кораблями вы, конечно, можете распоряжаться как хотите, но моя племянница должна иметь деньги!

– Но корабль будет приносить деньги!

Господин Бертезен, помня, что маленькие сбережения создают большие состояния, бился за свою идею до конца. В конце семейного разговора компромисс был найден. В приданое Николь губернатор отдавал корабль и деньги, уменьшив денежную сумму наполовину.

Так Рут стал владельцем судна. И он с большим желанием занялся его ремонтом и вооружением. Ведь поспешный аварийный ремонт на туземном острове никак не сравнишь с капитальным ремонтом на верфи. Торопиться было некуда, работы велись тщательно, контроль был придирчивым.

Свободное время, которого было немного, Рут любил проводить дома. Шевалье Муке на очень выгодных для себя условиях уступил им оставшиеся три комнаты, и его дом полностью был предоставлен в пользование молодожёнов. Интендант же перешёл в дом поменьше, который использовался ранее для служебных надобностей.

Была обставлена спальня и гостиная, в маленькой комнате располагались повариха и горничная, Краснокожему Томасу отвели место в бывшей кладовке, где едва умещалась узкая деревянная кровать, между ней и стеной оставался такой же узкий проход.

Медицинский кабинет Рута остался нетронутым, он продолжал медицинскую практику. К тому были две причины: как врач, он считал недостойным отказывать в помощи больным и раненым, если таковая была в его силах и возможностях. Вторая же причина

заклучалась в том, что Николь всячески это поощряла – возможно её больше устраивало, когда её Даниель спасает кому-то жизнь, находясь в соседней комнате, нежели когда он отправляется в море, рискуя потерять свою.

22. РУТ И КЛЕЩ

Время и случай раскрывают любую тайну. Прав был капитан Клещ когда говорил, что слухи о сокровищах проникают сквозь стены как дым, как вода. В эти слухи верит даже тот, кто уже ни во что не верит.

История умалчивает, каким образом Клещ узнал о том, что Рут привёз с острова от дикарей золотые самородки. Но разговор об этом однажды завёл.

Он как обычно, войдя в кабинет без стука, поздоровался и бросил шляпу на стол:

– Не кажется ли вам, Рут, что вместе мы могли бы организовать неплохой рейд? Заодно и на ваш остров заглянуть. Я думаю, там есть чем поживиться? Ведь вы скоро заканчиваете ремонт «Сен-Бертрана».

Даниель Рут, рассчитавшийся с Мегеро, решил больше никогда не иметь с ним дела. Для него это предложение было неприятно неожиданным.

Он чуть было не вскипел, но сдержался, потому как знал, что любое раздражённое слово Клещ воспримет как слабость. А капитан Рут не хотел показывать свою слабость перед кем либо, тем более перед Арно Мегеро.

– Господин капитан, я доложил губернатору об этом острове в подробностях... И полагаю, он, как представитель его величества, сам определит, кто и когда должен туда отправиться.

– Но Рут, вам-то как никому другому известно, что

пока остров не объявлен французским, любой капер может считать его законной добычей. Тем более, там часто гостят испанцы!

– В таком случае, господин Мегеро, уж если говорить не о французских законах, а о законах Берегового братства, я имею право нанести туда визит первым.

– Чёрт возьми! Но вы же отказываетесь!

– Я отказываюсь отправляться на остров вместе с вами, капитан.

– Прах меня побери! Мне это совсем не нравится! И это может плохо кончиться..., – в голосе Клеща прозвучала явная угроза.

Но Рут, сам будучи в ярости, уже не боялся самого грозного капитана побережья. Он продолжал говорить с той же показной вежливостью, которая звучала как явная издёвка:

– Уверяю вас, господин Мегеро, ничем плохим это не закончится. Вам, как никому другому, известно, что любой спор между капитанами в Береговом братстве решается шпагой!

Мегеро сощурился, правая рука рефлекторно легла на эфес шпаги, глаза его сверкнули яростью и покраснел шрам на лбу. С каким удовольствием он бы сейчас проткнул глотку этому доктору.

Но капитан Клещ был прагматиком, он хорошо понимал, что перед ним уже не тот доктор, что попал в его руки два года назад. Перед ним стоял капитан, прошедший бои и штормы, и который ничем ему, Клещу, не был обязан. Это первое, о чём помнил капитан Клещ. Но было и второе. Даниель Рут – великолепный фехтовальщик. Ведь это он разделался с таким зверем как Ланьяк – первым штурманом фрегата «Рой де ла Мер», а по совместительству охотником за их алмазами.

Нет, Клещ не боялся драки ни с кем, хоть с самим дьяволом. Но в нём всегда побеждал холодный рассудок. Ничем хорошим для него дуэль на шпагах с Рутом не закончится, ведь после ранения, он потерял былую подвижность. Гораздо разумнее не затевать ссоры теперь, а рассчитаться потом, как рассчитался он с Ле Мюэлем, капитаном, что послал Ланьяка, за его, Клеща, алмазами. Месть – самый лучший способ правосудия, но её нужно подавать на десерт.

23. НЕОЖИДАННЫЙ ПОДАРОК

Спустя полгода после возвращения Даниеля Рута, в гавани Бастер ошвартовался один из многих торговых кораблей. Через пару часов после того как «купец» под французским флагом бросил якорь, в дом Рута постучался человек, представившийся помощником капитана прибывшего корабля.

Даниель пригласил его в гостиную. Там гость вытащил из мешка клинок в изумительно украшенных ножнах и протянул его хозяину:

– Это вам велено передать, господин Рут, от вице-губернатора острова Сент-Кристофер...

– Мне?

Рут взял в руки клинок. Ножны были обтянуты синим бархатом. Для крепления к поясу – два серебряных кольца. Устье и наконечник тоже серебряные. Вынул клинок из ножен и изумился.

Это был морской абордажный палаш*, внебрачный сын меча и сабли, длиною не менее трёх футов с обоюдоострым клинком шириною два дюйма. Рут прекрасно помнил, что этот клинок в Европе чрезвычайно ценили кирасиры, тяжёлая кавалерия, за то, что он с лёгкостью пробивал металлические доспехи. Он

держал в руках грозное оружие и необычайно дорогое: оправа рукояти – серебряная чеканная, украшенная крупной бирюзой, в навершие был вставлен большой сапфир, гарда была выполнена в виде крестовины. Это была работа восточного мастера. Отец Даниеля лучше разбирался в холодном оружии, он бы, наверное, мог назвать и имя мастера, выполнившего этот замечательный палаш.

– Вы сказали от вице-губернатора? Но насколько я знаю вице-губернатор Сент-Кристофера погиб!

– Там волею его величества короля Франции уже новый вице-губернатор.

– Уже прибыл новый? Давно ли? И кто он?

– Господин Рауль де Контре...

– Что?!

Даниель был потрясён. В его памяти явился образ беглого испанца, уверявшего его, что стоит ему добраться до Парижа и там друзья ему помогут. Значит, это было не пустое бахвальство. Видимо, его друзья действительно так влиятельны!

– Месье Рут, вам ещё письмо от вице-губернатора де Контре.

Даниель положил письмо в шкаф, накормил гостя обедом, проводил его, спросив, долгая ли будет стоянка корабля, и только потом вскрыл письмо.

Рауль Контрерас, служивший королю Франции под именем де Контре, в письме благодарил Рута за спасение. Сообщал, что, добравшись до столицы, он сумел добиться аудиенции у кардинала. По его протекции он получил назначение в Новый свет на освободившееся место вице-губернатора Сент-Кристофера. Письмо Контрераса заканчивалось словами: «Друг мой, свою шпагу я продал французскому королю, а этот палаш с благодарностью дарю Вам, ведь моя

жизнь, спасённая Вами, чего-нибудь да стоит». Он также приглашал Даниеля посетить остров при ближайшей возможности.

24. ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР СЕНТ-КРИСТОФЕРА

Обязанности капитана на «Сен-Бертране» выполнял Натан Клодю. Даниель Рут, став владельцем судна, заключил с ним контракт, как и обещал. Сам же Рут, как владелец корабля, выходил в море не часто, но нашёл возможность посетить Сент-Кристофер. Загрузив предназначенный на остров товар, его корабль взял курс на юг.

Когда «Сен-Бертран», прибыв в гавань, бросил якоря, Рут нанёс визит генерал-губернатору де Лонгвильеру. Он взял с собой своего капитана Натана Клодю. И не потому, что горел желанием их познакомиться.

Даниель Рут становился понемногу политиком пиратского разлива, он понимал, что с волками жить – по-волчьи выть, причём желательно без акцента. Клодю он взял с собой, так как хотел подчеркнуть свой новый статус судовладельца. Это во-первых, а во-вторых, помня, что Клодю в хороших отношениях с Арно Мегеро, хотел показать своему капитану, что и он не лыком шит, коль знаком накоротке с такими представительными господами.

После обеда Натан Клодю отправился на корабль, а Даниель Рут с вице-губернатором Раулем Контрерасом отправились в дом к последнему. Контрерасу не терпелось остаться наедине с гостем и рассказать ему о своих приключениях, в результате которых он оказался во французской колонии в роли вице-губернатора. Собственно также как и Даниелю хотелось узнать, как испанцу, бежавшему от заклю-

чения в замке Иф, удалось стать высокопоставленным чиновником.

– Дорогой мой Даниель, – начал Рауль Контрерас, разливая вино по бокалам, – вы слышали что-нибудь о стычке под Дижоном?

– Так, кое-что. Только суть событий.

– А я не собираюсь вам рассказывать суть, я скажу о подробностях, ведь главное – в них. Благодаря им я оказался здесь, и судьба вновь свела нас с вами... Впрочем, нет. Я начну сначала...

Вице-губернатор Сен-Кристофера, приподнявшись, вновь налил вина.

– Это великолепное вино, я сам привёз из Марселя. Но, думаю, вас, Даниель, им не удивить... Итак, я добрался до Парижа, благодаря вашей помощи. Там, как я и предполагал, мои друзья не оставили меня в беде. Я был представлен кардиналу. Вы с ним не знакомы? Ну, да... Понимаю, не было случая. Я с ним беседовал целый час. Ну, или немного больше... Или меньше, не важно. Так вот, Даниель, его высокопреосвященство – человек тонкий и осторожный, обуздавший все свои страсти, кроме одной – он дьявольски честолюбив. Все другие страсти кардинал подчинил своему честолюбию. Говорят, что честолюбие – страсть тех, кто лишён других страстей. Но это не совсем так! Это слабыми людьми управляют прихоти, а сильными – страсти. наших главных мужских качеств: любви и ненависти в нём ровно столько, сколько необходимо для достижения цели, а цель у него одна – власть. Вы знаете, Даниель, сколь велики его проекты! У него изворотливый живой ум, у него обширнейшие познания в области всех светских дел. Он дьявольски трудолюбив и прикладывает невероятные усилия, чтобы не только сохранить, но увеличить

своё состояние. Но вместе с тем, он умеет признавать свои ошибки. Наконец, он талантлив. Ведь наградить человека честолюбием, не наградив талантом, – самое большое зло, какое может причинить ему судьба. Ах, Рут, это великий человек!

Контрерас вновь встал, звякнул в бокал Даниеля своим бокалом и опорожнил его.

Рут тоже выпил:

– Что ж, наверное, вы правы, Рауль. Помнится, мой отец говаривал, что честолюбие редко бывает без примеси величия. И в каких же ошибках, дорогой мой Рауль, вам признался его высокопреосвященство?

– Да я не о том! Он понял, что я разделяю его мысли и цели, и могу служить верно и честно. Из его кабинета я вышел лейтенантом роты лёгкой кавалерии, что входит в гвардию кардинала! Так я надел алый плащ с жёлтым крестом на плечи и шляпу с белым султаном на голову, и все женщины Парижа... Ха-ха! Да, вот ещё вспомнил. Интересно он высказывался о женщинах. Его высокопреосвященство заметил, что во Франции ни одна добродетельная женщина не ляжет спать с мужем, а легкомысленная – с любовником, прежде не обсудив с ними государственные дела. Дамы желают всё видеть, всё знать, но это ещё не самое худшее – им хочется во всём принимать участие и во всё вносить смуту. Кстати, Рут, именно поэтому я до сих пор не женат... А вы знаете, кого кардинал имел ввиду?

Даниель Рут пожал плечами.

– Он имел ввиду двух герцогинь: мадам де Лонгвиль и мадам де Шеврез. А они действительно вносят в жизнь Парижа такой беспорядок, какого не испытывал даже Вавилон! Хо-хо! Ну ладно, хватит о женщинах, – махнул рукой Контрерас.

25. ПОДВИГИ ДЕ КОНТРЕ

– Беспорядки и перевороты в Англии* не могли не воодушевить и наших мятежников – врагов короля и кардинала, – продолжал Рауль Контрерас. – Моя рота была направлена в Дижон. Никто не мог туда добраться быстрее нас! Мы остановились у замка Фонтен-Франсез, там мы должны были дожидаться основных сил. Я сделал рекогносцировку* и даже наголову разбил авангард мятежников.

Прошло два дня, но никого из обещанного подкрепления не было. Потом подошла рота конных королевских мушкетёров – «серых мушкетёров». Все кони у них в яблоках! Пока мы с их капитаном де Форбеном спорили, стоит ли сделать совместную вылазку, ночью их мушкетёрские караулы проспали врага, и нас здорово потрепали.

Вы знаете, если в гвардию кардинала берут только после двадцати пяти лет и с боевым опытом, то в их ротах полно девятнадцатилетних юнцов! Прикрывать отступление мы, как командиры, решили сами. Остался я с двадцатью гвардейцами и их капитан тоже с двумя десятками. Надо признать, рубился он отчаянно, но был сброшен с лошади. Тогда мой гвардеец барон де Люкс развернулся, чтобы прийти ему на помощь, но получил удар тесаком по затылку. Мы почти оторвались от преследователей, когда появился ещё один королевский эскадрон. Он помог остановить неприятеля.

На следующий день разведка доложила – в лагерь противника продолжают прибывать отряды. Их было больше почти вдесятеро!

Тогда я предложил графу Ле Кёру собрать крестьян с косами со всей округи. Мы перемешали их с гвардейцами и прогнали по дорогам колоннами. Чёрт возьми,

это сработало! Их разведка доложила, что у нас неисчислимы силы.

Но с деревенскими косарями в атаку не пойдёшь. Нужно было решать, что делать, отступить или сражаться. Звучали голоса: «Нужно отступить! Дождаться, когда король пошлёт подкрепление!» Что мне, что Ле Кёру спастись бегством было против нашей природы, тогда Ле Кёр, умнейший человек, произнёс историческую фразу: «Кто ждёт, что король пошлёт, тот обязательно дожждётся... И король его пошлёт! Только в безумной храбрости мы найдём спасение!»

После этого я повернулся к своим и крикнул: «За мной, господа, делайте, как я!» и повёл гвардейцев в атаку на превосходящие силы мятежников. Яростным ударом мы опрокинули первый эскадрон и обрушились на следующий, который тоже разбили. У меня к этому моменту оставалось от роты всего тридцать человек. Но нас уже было не удержать. Я собрался было атаковать отряд в полторы сотни всадников, как вдруг их кавалеристы в панике обратились в беспорядочное бегство и укрылись позади пехотных порядков и невступивших в бой эскадронов. Когда весь в крови, я направился к Ле Кёру, он мне крикнул: «Контре, наша честь спасена! Теперь командуйте ретираду*, пока они не пришли в себя!» Чёрт возьми, как он был прав! Ведь честь отнять нельзя, её можно только потерять.

Возбуждённый собственным рассказом вице-губернатор Сент-Кристофера вскочил и стал ходить по комнате:

– И мы отошли. Потом к нам прибыло подкрепление, и мы смогли выстроить фронт против многотысячного отряда неприятеля.

После этой кампании, я снова имел честь встретиться с кардиналом, который мне сказал: «Вы с лихвой до-

казали свою преданность и храбрость, месье Контре!»
На что я ему ответил: «Ваше высокопреосвященство, на море моя шпага может вдесятеро больше принести пользы королю и вам!»

«Знаю, Контре, знаю», – сказал кардинал.

И вот я здесь, дорогой Даниель, чему несказанно рад. Ведь я в своей стихии! Заметьте, Даниель, я добился этого чина не интригами, не закулисной игрой, а шпагой на поле боя. Я подставлял грудь под пули, чёрт возьми! Надеюсь, вы простите мне некоторые матросские выражения, ведь вы моряк? И его высокопреосвященство оценил это! Недаром у французов есть поговорка: «Кто влез на должность лисой, тот в должности будет волком». Не так ли?

Контрерас плюхнулся в кресло:

– А как вам мой подарок?

– Признаться я и прибыл сюда для того, чтобы поздравить вас с должностью вице-губернатора. Надеюсь, это поможет вам окончательно устроить свои дела. Ведь у нас должностям порой оказывают такое уважение, в котором отказывают лицу. Ну и, конечно, поблагодарить вас за подарок. Признаюсь, Рауль, такого оружия я не держал ни разу в своей жизни. Разве что мой отец. Он в этом знает толк больше меня. Этот палаш достоин быть в руках короля!

– Он и был, как мне рассказали, изготовлен по заказу турецкого султана Мурада Четвёртого, от него он достался Ибрагиму Безумному, который воевать не любил. Занимался в основном производством наследников. А потому палаш то ли украли, то ли продали, так он и пошёл гулять по рукам, пока мне не достался... Великолепный клинок. Я, конечно, рисковал, отправляя его с моряками. Но очень хотелось отблагодарить вас, Рут!

«И эффектно сообщить о своём прибытии всей Тортуге», – подумал про себя Даниель, а вслух сказал:

– Сущность добрых дел в добрых намерениях. По-моему, вы отблагодарили с лихвой. Я был даже в некоторой растерянности.

– За услугу ценою в жизнь лучше переплатить. Недоплатить – дурная примета. А что можно подарить великодушному человеку? Своим великодушием он навеки делает вас своим должником.

Тогда, в Марселе, мне повезло попасть на корабль единственного капитана, который не только не потребовал золотых монет за спасение беглеца, но и сам снабдил меня деньгами! Вот вы как-то сказали, что это долг любого порядочного человека. Но ведь, исполняя свой долг, каждый вправе рассчитывать на вознаграждение, не так ли? Иначе это не долг, а жертва...

Рут и Контрерас проговорили до полуночи, перейдя к концу разговора к делам коммерческим. Вице-губернатор предложил Руту выгодный рейс:

– Мне говорили, вы бывали в своё время на Москитовом берегу. Нужно доставить в английский форт товар. Англичане никак не дождутся своих кораблей из Европы.

– Я бывал на Москитовом берегу. Только не очень дружелюбно меня там встретили. Откуда у вас такая забота об англичанах?

– Мы ведь теперь служим не испанскому, а французскому королю, а Франция с Англией пока не воюет. Не правда ли? И потом, деньги не пахнут. Я могу дать вам два десятка солдат конвоя. У них новые мушкеты с прочными стволами. Это я их привёз. Выдерживают трёхкратный заряд пороха. Мы в Европе иногда заряжали по четыре пули. В ближнем бою они почти заменяют фальконеты, поражая сразу несколько человек.

– Сколько же они весят, если обычный мушкет – пятнадцать фунтов?!

– О, нисколько не тяжелее. Стволы выполнены из дамасской стали. При длине около четырёх футов вес остался тем же. Зато какая убойная сила – на пятидесяти шагах они пробивают деревянную стену в семь дюймов!

Даниель Рут, немного подумав, согласился доставить груз в английский форт. У него были свои соображения.

Когда «Сен-Бертран» был выгружен и получил новый товар, предназначавшийся англичанам, Контрерас провожал своего друга:

– Рут, не хотите ли продолжить службу на Сент-Кристофере? У меня есть вакансия командира форта. Он отбыл на лечение в Европу из-за ранения. Я положу вам неплохое жалованье. А, Даниель?

Рут в ответ улыбнулся:

– У меня дома есть женщина, которая никогда на ночь не заводит разговоров о государственных делах. Но которую я всегда спрашиваю, прежде чем принимать решение в делах своих. Потому, Рауль, я вам не могу ответить сразу.

Контрерас и Рут распрощались. Рут кивнул капитану Клодю. Тот скомандовал отход, и «Сен-Бертран» продолжил путь на юг.

26. «СЕН-БЕРТРАН» МЕНЯЕТ КУРС

Выйдя в море, Даниель Рут вновь стал обращаться к своему дневнику. Когда он сидел, пролистывая его страницы и вспоминая каравеллу «Эсперанса», которая, вопреки планам, перевезла его через Атлантику, ему в голову пришла мысль посетить остров Рифов.

Она возникла не внезапно, он давно хотел там вновь побывать. Но теперь эта идея не отпускала его, и Рут решил, что это нужно сделать не откладывая, иначе он не найдёт себе покоя.

Сначала он подумал зайти на остров на обратном пути, но потом, рассчитав курс с учётом сезонного муссона*, пришёл к выводу, что удобнее зайти сейчас. Рут вышел на мостик, и приказал Клодю взять на два румба к востоку. Потом пригласил капитана к себе в каюту и поделился с ним своими планами. На что Натан Клодю, как всегда с бесстрастным лицом, только кивнул головой.

– Помните, Клодю, о подводных скалах, что нас надолго задержали в прошлый раз!

Капитан снова кивнул и ушёл на мостик. Он не удивился спонтанному решению Рута, потому что в бытность штурманом у капитана Клеца к этому привык. Тот всегда сначала выходил в море, а потом объявлял команде, куда идёт их корабль. Нужно сказать, что и Даниель Рут знал эту привычку коварного пирата, и в эту минуту он сам себе напомнил Арно Мегеро.

Настроение его переменилось и уже ветер, наполнявший паруса «Сен-Бертрана», не казался ему ветром удачи, скорее ветром перемен. Он вновь вернулся к дневнику и вспомнил слова своего отца: «Ветер удачи дует нам в спину и лишь шевелит перья на шляпах, ветер перемен всегда бьёт в лицо и срывает шляпы, иногда вместе с головами». Тем не менее, решение было принято, и Даниель менять его не собирался.

Рут хотел сразу же войти в ту бухту, где они заделывали пробоину в борту «Сен-Бертрана». Как знать, если бы он решил сначала обойти небольшой остров вокруг, может быть, всё сложилось по-другому.

Прошли дни, «Сен-Бертран», осторожно лавируя, вошёл в лагуну на северном берегу острова Рифов. С борта корабля были спущены две шлюпки: на одной был Рут с двенадцатью солдатами, на другой – штурман Диего Корбо с дюжиной матросов.

Даниель Рут подумал, что индейцы не могли не заметить бросивший якоря корабль. Видимо, вождь Кватоко проявлял осторожность. Он велел Диего взять французский флаг – синее полотнище с белым крестом было хорошо знакомо гураибам. Рут рассчитывал, что флаг поможет индейцам разобраться, кто к ним прибыл. Свой небольшой отряд он хотел оставить на опушке леса, а с Диего-Вороном и двумя матросами пройти по знакомой тропе в лагерь туземцев.

Гураибы, конечно, узнали Рута и его товарищей. Ещё не успели шлюпки ткнуться носом в песок, как за морьяками внимательно начали наблюдать дозорные вождя Кватоко. Как только отряд приблизился к зарослям, их встретили и проводили в лагерь.

Вождь гураибов находился здесь, во временном лагере. Но, как заметил Рут, он собирался уже покинуть его. Что потом вождь и подтвердил в ходе дальнейшего разговора.

– Известно ли тебе, каптайн Рут, что на другом берегу острова стоит большая лодка испанцев. Они прибыли к махори.

– Нет, вождь Кватоко, я не видел никаких кораблей. Мы подошли с севера, как в прошлый раз.

– Мать Воды не случайно опять послала тебя к нам. Махори вместе с испанцами пойдут в священную пещеру Уаку. Одним нам не отбить их атаку. У нас есть твои ружья, но пули и порох уже кончились. А у испанцев много оружия, мои лазутчики видели.

– Я привёз тебе порох и пули, Кватоко. Когда же, по

твоим сведениям, они должны напасть на вашу святыню? У вас ведь там большая охрана?

– Нам одним не выстоять. Махори не нападали, пока не было испанцев. Они думали, у нас много ружей. Сейчас не боятся, сейчас они пойдут в пещеру.

Даниель Рут решил, не зря же вице-губернатор Сен-Кристофера дал ему целый взвод мушкетёров. Если он сейчас не даст отпор испанцам, то вскоре весь остров перейдёт в их владение. Нужно отстоять хотя бы половину, как отстояли Берег Сент-Доменга на Эспаньоле. Уверенность в том, что он должен это сделать проснулась в нём. Просто удивительно, какая целеустремлённость, отвага и сила воли пробуждается в человеке от уверенности, что он исполняет свой долг.

И Рут дал согласие вождю Кватоко принять участие в обороне их святилища, обусловив это тем, что все корабли под французским флагом будут пользоваться стоянкой в выбранной ими бухте.

27. ПУТЬ К СВЯЩЕННОЙ ПЕЩЕРЕ

Рут со своими людьми к вечеру вернулись на корабль. На следующий день стали готовиться к походу двадцать солдат и столько же матросов. У солдат были новые мушкеты. Для смягчения отдачи на правом плече у каждого была кожаная подушка, через левое – висел патронташ, где были заранее отмерены порции пороха. Перезаряжали мушкеты солдаты в два раза быстрее его матросов**.

Даниель Рут, после характеристики данной Контрерасом этим ружьям, сам произвёл из них несколько выстрелов – испытал мушкеты, заряжая четыре пули. Разброс пуль при стрельбе на расстоянии сто шагов составлял до двух футов. При стрельбе несколькими

пулями теоретически можно было поразить трёх-четырёх солдат противника, наступающих в плотном строю.

Через два дня отряд общей численностью сорок четыре человека выступил в поход. Рут взял с собой штурмана Диего Корбо, капитан Клодю с остальной командой остался на корабле.

Вождь туземцев Кватоко повёл впереди свой отряд в полсотни воинов. Ещё около сотни индейцев находились уже в районе священной пещеры.

К неудовольствию Даниеля Рута, Кватоко настоял, чтобы они зашли в главный посёлок гураибов. Там все воины нанесли боевую раскраску. Нет ничего страшнее для индейца погибнуть, не будучи украшенным. Великий Дух не примет его. Для гурайба умереть без таковой раскраски, ужаснее, чем для христианина закончить жизнь самоубийством.

В центре туземной деревни всё было приготовлено для торжественного ритуала, обязательного перед решающей схваткой. Стоял раскрашенный военный столб, у которого начиналась церемония.

Начал боевой танец вождь, затем присоединился Гудэхи и все остальные индейцы, выступающие в поход. Их танцы представляли собой пантомиму – индейцы изображали, как они будут убивать и побеждать неприятеля. По военному столбу наносились удары копьями, как по врагу.

После, не прекращая танца, воины запели:

– О! Ты, Великий Дух на небесах! Пожалей мою семью, моих детей! Не допусти их скорби по мне!

Даруй мне успех в бою, чтобы я мог убить своего врага и принести добычу моей любимой семье и друзьям, чтобы мы вместе радовались.

О! Сжался надо мной! Дай мне сил и мужества встретить моего врага!

Позволь мне снова вернуться к своим детям, к моей жене и к моим друзьям!

Сохрани мою жизнь, и я принесу тебе жертву. Я отпращиваюсь по радостным делам!

О, Великий Дух, смилуйся надо мной и даруй мне удачу!

В котле готовилась туша самой большой и злобной собаки. После военного танца каждый туземец, выступавший в поход, обязан был съесть кусочек этого блюда.

Смысла в этом не было никакого, как и в любом ритуале, зато цель была. Диего-Ворон, с интересом наблюдавший за церемонией «подготовки к походу», подумал: «Собака, вероятно, заменяет пленного врага».

Потеряв почти сутки, оба отряда двинулись дальше. Через несколько дней они прибыли к пещере Уаку. Четыре командира: Даниель Рут, Диего-Ворон, вождь Кватоко и его помощник Гудэхи собрались для разговора.

Рут спросил вождя туземцев:

– Ваши разведчики ведут наблюдение за врагом. Наверное, и неприятель подсылает к вам своих лазутчиков?

– Мы бы их увидели. Мы защищаем Уаку, они нападают. Им незачем посылать лазутчиков, у них больше воинов.

– Я немного знаком с тактикой испанцев, поэтому предлагаю спрятать моих людей. Не нужно, чтобы испанцы о них узнали заранее, пусть для них будет неожиданностью наличие такого количества солдат с мушкетами. И ваших стрелков, и моих нужно использовать совместно. Поэтому, я хотел бы посмотреть, как стреляют твои воины, вождь Кватоко.

– Так будет. Ты увидишь.

Руту, разумеется, не понравилось, что туземцы так халатно относятся к разведчикам противника. Своих солдат и матросов он разместил отдельно, разбив лагерь в укромном месте и выставив посты.

Не обрадовало его и умение гураибов стрелять. Они могли попасть в козла шагов с тридцати, не более. И то, при условии, если козёл привязан к дереву. Им было бесполезно объяснять, что на ста шагах, чтобы попасть в грудь неприятелю, нужно целиться в колени, а на трёхста – наоборот, нужно брать прицел выше головы, иначе пуля на излёте упадёт к ногам вражеского воина. Тем не менее, у индейцев было десять ружей и их как-то надо было использовать.

От Кватоко он знал, что если выдвинуться навстречу неприятелю, то там впереди, чуть ниже по склону, в двух милях есть большая широкая поляна, с густыми зарослями вокруг. Он сам в сопровождении индейцев сходил туда и провёл рекогносцировку. Лучшего места для встречи противника было не найти. В других местах слишком тесно и там нельзя было использовать шеренги стрелков.

Трёх своих разведчиков: Диего-Ворона, Краснокожего Томаса и Билла он отправил на соседнюю вершину – оттуда открывался вид на океан, и можно было в подзорную трубу увидеть акваторию южной бухты. Ему было важно узнать, насколько велик корабль испанцев, от этого зависело, сколько они могут послать солдат. Два туземца пошли сопровождать моряков.

28. В СВЯЩЕННОЙ ПЕЩЕРЕ

Когда ушли посланные Руту разведчики, Кватоко совершенно неожиданно пригласил его посетить священную пещеру. Даниель считал, что индейцы никого

не пускают в святилище Богини Земли. Но у вождя на этот счёт, видимо, были свои планы.

Прежде, чем войти в пещеру Уаку, они выполнили обязательный ритуал. Рут и Кватоко вместе выкурили трубку. Что было в курительной трубке, кроме табака, Даниель не понял. Но голова у него закружилась. Очевидно, какие-то дурманящие травы. Раньше такого он не курил, тем не менее, церемонию выдержал до конца.

Ожидая увидеть обычную пещеру, он был удивлён, когда оказался в большом зале, вырубленном в мягкой скале, узком и длинном, освещённом несколькими факелами, закреплёнными на стенах. Пройдя этот зал, более похожий на коридор, они оказались в большем по ширине помещении. Рута поразило то, что несмотря на отсутствие факелов здесь было довольно светло. Свет лился откуда-то сверху. Подняв голову, он понял, что там, очевидно, есть щель, куда просачивается дневной свет.

Если первый зал был пуст, то во втором стояли статуэтки и керамические сосуды. В середине – самая большая из фигур. «Наверное, это и есть их Мать-Земля», – подумал Рут. Статуя была высотой чуть выше пояса, стояла на небольшой квадратной плите. Полумрак не позволял определить материал, из которого она была отлита. Но вдруг сверху ударил солнечный луч. Причём, прямо в Богиню Земли. Солнце попадало в отверстие в потолке пещеры. Кватоко не случайно выбрал время посещения Уаку. Он, конечно, знал, когда солнце занимает это положение. Статуя засверкала в узком луче небесного светила. Рут заметил, как у него усилилось то восторженное состояние, что возникло после выкуренной с вождём трубки. Ему стал понятен смысл ритуала перед посещением пещеры.

Он посмотрел вверх, откуда лилось солнце, и неожиданно в его сознании возникла удивительная картина. Даниель увидел, словно с высоты птичьего полёта, маленький остров в океане – небольшой клочок земли, для чего-то разделённый природой пополам линией полугор-полухолмов Конкагуа. Голова его закружилась. Он опустил взгляд на фигуру Матери-Земли и видение исчезло.

Внимательно присмотрелся к статуе. При солнечном свете было заметно, что она выполнена из медного сплава, местами на ней присутствовала зелень.

Через несколько минут лучи сместившегося по небосклону солнца перестали попадать в пещеру. Вождь знаком пригласил гостя проследовать дальше. Они вошли в комнату поменьше, которая, как и коридор, освещалась факелами и напоминала алтарь. Но в центре стоял сундук, обшитый металлическими полосами. Кватоко поднял тяжёлую крышку, ящик был пуст.

– Здесь были приношения – дары Матери-Земле. Когда сюда проникли испанцы, часть они украли. Теперь дары в другом месте.

Рут понял, вождь ему хотел продемонстрировать, что золота здесь действительно нет.

29. БОЙ НА ПОДСТУПАХ К УАКУ

Даниель Рут ещё находился под впечатлением от посещения священной пещеры, когда в лагерь явились разведчики, ошеломившие его ещё больше. По их виду можно было понять, что они очень торопились. Диего-Ворон отвёл Рута в сторону и выпалил:

– Капитан... Господин Рут! Это «Эсперанса»!

– Что?!

– Клянусь вам, на рейде «Эсперанса» под испанским флагом!

– Ты не ошибся, Диего?

– Я скорее перепутаю монашку с кабацкой шлюхой, чем этот корабль с другим. Это каравелла капитана Клеща! Его излюбленный приём, когда выгодно, поднимать на гроте красно-жёлтое полотнище. Команда с корабля сходит на берег. Две шлюпки трижды перевозили вооружённых матросов. В зрительную трубу было видно даже мушкеты в их руках.

– Что ж, значит и нам пора выступать. Идём к вождю, нужно окончательно определиться, как мы их встретим.

Рут много думал о предстоящем бое. Сначала он хотел применить стандартную тактику, что применялась в европейских армиях и называлась по-испански «караколь», то есть «улитка». Она была проста: первая шеренга стреляла, вторая и третья перезаряжали мушкеты, потом отстрелявшая первая шеренга уходила назад. Но вскоре он понял, что с индейцами каши не сварить. Кватоко настаивал, что его воины должны сначала осыпать стрелами противника, а потом бить из ружей.

– Там тесно, нужно, чтобы они потом упали наземь и дали возможность произвести залп, – объяснял Рут.

– Наши воины всегда встречают врага стоя! – заявил Гудэхи.

– Если они не лягут перед нашим залпом, потом они лягут уже навсегда после залпа врага, там тоже много мушкетов, – настаивал Рут.

Когда отряд пришёл на место, он сам расставил людей с огнестрельным оружием: двадцать солдат, двадцать матросов и десять индейцев. Солдатам он велел в стволы закатить по три пули, матросам – по

две, задача туземцев была хотя бы выстрелить в сторону врага.

По настоянию Кватоко лучники встали впереди, стоящих за ними в зарослях стрелков не было даже видно.

Ожидание показалось долгим. Рут поймал себя на мысли, что ему хочется поскорее начать бой. Он подумал, что, наверное, есть некий предел, после которого выдержка и терпение перестают быть добродетелью. По ту сторону был хищник.

Он представил Мегеро перед схваткой, каким он его знал, страшный чёрный прищур и волчий оскал. Его нужно остановить, хотя бы и пулей. Ведь хищник, даже попав в капкан, не изменит себе, не забудет своё волчье «я». Такой человек будет опасен даже в тюрьме. Он и из-за решётки обожжёт взглядом, а вырвавшись, снова начнёт кровавую охоту, будет резать не потому, что голоден, а потому, что пьянеет от крови. Нет, его нужно остановить.

Рут облизнул пересохшие губы. Время тянулось медленно. Терпение кончалось. Главное сохранить самообладание. Кто владеет собой, тот владеет ситуацией.

Часа через два на поляну вышел отряд индейцев махори, люди Клеща, очевидно, шли за ними. Индейцы, заметив противника, сразу растянулись в шеренгу, одни стали накладывать стрелы на тетивы, другие потрясали копьями, издавая воинственные крики. Махори первыми выпустили свои стрелы, несколько гурайбов упали. Затем махори пошли в атаку. Полторы сотни индейцев с копьями понеслись вперёд.

Рут выстрелил из пистолета, это был сигнал для Кватоко. Тот громкой командой заставил лечь своих туземцев. Сразу же прозвучала команда Рута:

– Залп!!

Грохнули одновременно сорок мушкетов, потом гураибы выстрелили вразнобой с небольшим опозданием. Больше сотни свинцовых пятидесятиграммовых пуль ударили в толпу махори, ломая кости, пробивая животы и головы. Такого индейские воины ещё не встречали. Полсотни убитых и раненых туземцев оказались на земле. Паника заставила повернуть остальных. С громкими воплями махори побежали обратно.

В этот момент Рут выполнил свою главную задумку. Над шеренгой его солдат высоко взвился бело-синий французский флаг. Он рассчитывал, что вызовет временное замешательство у матросов капитана Клеща и даст возможность солдатам перезарядить мушкеты.

Так оно и вышло! Арно Мегеро никак не ожидал встретить на острове французов. Откуда бы им здесь взяться?! Этот залп и бегство его индейцев-махори уже было неожиданностью. Французский флаг ещё более озадачил его. Он угадал, что это солдаты с Сент-Кристофера. Больше неоткуда. Про Даниеля Рута он даже не подумал. Ведь он не видел корабля «Сен-Бертран», что стоял на другой стороне острова.

Капитан Клещ умел просчитывать ситуацию мгновенно. Схватиться с французским отрядом, значило навсегда забыть дорогу на Тортугу. Другой такой базы не найти. Ладно бы перебить их всех до одного. Тогда и концы в воду. Но их много и это не новички. А его индейцы бежали. Без них неизвестно ещё – кто кого. Эти мысли промелькнули в голове Мегеро за секунду.

А в это время гураибы, вскочив на ноги, с копьями неслись на него. В ярости Клещ скомандовал:

– Огонь!!

Прогремел залп, и отряд Мегеро скрылся в джунглях. Кватоко и Гудэхи хотели преследовать врагов. Они горели желанием пленить их вождя Охитэко. Но Рут властно сказал:

– Нет! Мой отряд дальше не пойдёт.

Диего-Ворон, потрясая мушкетом, выкрикнул:

– Кватоко! Посмотри на поле, к вам уже пришла беда!

Даниель Рут, повернув голову к Диего, посмотрел сквозь него:

– Ошибаешься. К ним пришла европейская цивилизация, – потом громко скомандовал:

– Подобрать раненых!

Через несколько дней от острова Рифов с разных берегов отошли два корабля и взяли разные курсы.

Вождь гураибов Кватоко был доволен, что удалось отстоять священную пещеру Матери-Земли, теперь у них будет удача на охоте и хорошие урожаи. Он не мог предвидеть, что не успеют состариться его внуки, как на их острове не останется ни одного краснокожего, будут только белые и их чёрные рабы.

Эпилог

После злополучного рейда на остров Рифов у Арно Мегеро началась полоса неудач. Испортив отношения не только с губернатором Тортуги, но и с капитанами Берегового братства, капитан Клещ принял решение уйти на остров Барбадос под крыло английского губернатора. Это случилось после неудачного нападения на испанский галеон, где экипаж Мегеро понёс значительные потери.

Высадив раненых матросов на острове Тортуга,

среди которых был Питер Бульен, «Эсперанса» ушла на Барбадос, где капитану Клещу не составило труда получить каперское свидетельство от англичан – его кровавая слава уже давно распространилась на всё Карибское море.

Там он решил осуществить давно вынашиваемый рейд, который планировал ещё с Марко Браго – атаковать Веракрус, испанский порт «Животворящего креста», что ещё в начале шестнадцатого века основал Фернан Кортес. Место для порта знаменитый конкистадор выбрал весьма удачно, и испанцы отсюда отправлялись в метрополию сокровища, принимая здесь грузы европейских мануфактур.

Клещу удалось собрать небольшую эскадру из трёх кораблей, один из которых был уже известный нам фрегат «Феникс» под командованием капитана Олларга. Под вечер, едва отгремела очередная тропическая гроза, эскадра, где флагманом шла «Эсперанса», как обычно под фальшивым испанским флагом, подошла к небольшому острову, что прикрывал вход в гавань Сан-Хуан-де-Улуа – морские ворота Веракруса, от северных ветров и непрошенных гостей. Подойдя вплотную к причалу, разбойничьи корабли «отсалютовали» испанцам так, что от деревянных строений брызгами полетели брёвна и щепки. Пираты без труда перебили гарнизон острова, который насчитывал едва ли полсотни солдат, разграбив склады и церковь.

Далее они осуществили свой излюбленный манёвр, высадив под покровом ночи на берег материка четырёста человек своей морской пехоты, с тем чтобы атаковать Веракрус не только с моря, но и с берега.

Здесь произошла первая размолвка между Клещом и Олларгом. Не доверяя друг другу, каждый из них хотел возглавить этот отряд. После короткого спора,

оставив корабли под командованием первых помощников, ведомые храбростью и алчностью, с пехотным отрядом пошли оба капитана.

Через два дня город «Животворящего креста», живший за счёт золота и серебра ацтеков, после жестокого боя был захвачен морскими разбойниками и разграблен. При этом пираты потеряли более сотни своих людей. Но флибустьеров постигло ещё большее разочарование, когда они узнали, что главный приз – приготовленные для отправки в Испанию золотые и серебряные слитки находились не на складах Веракруса, а в пятнадцати милях от порта, в посёлке Ла-Антигуа, где испанских солдат было больше, чем в городе.

Оллгар предлагал немедленно идти туда, Клещ убеждал его, что пока город в их власти, нужно взять заложников и испанцы сами отдадут свои сокровища. Яростный спор возбуждённых битвой капитанов, быстро перешёл в драку, и они схватились за абордажные сабли. Когда их помощникам удалось прекратить схватку, Оллгар уже успел ранить в бедро Арно Мегеро. Но пираты послушались всё-таки капитана Клеща, не очень-то им хотелось снова вступать в бой с превосходящим их в численности противником.

Разбойники взяли в заложники восемьдесят человек, среди которых были священники, знатные горожане и их жёны, и послали в Ла-Антигуа парламентёров. Те вернулись на следующий день и принесли неутешительный ответ: испанцы просили три дня для принятия решения. Мегеро, своим дьявольским чутьём заподозрив подвох, приказал казнить десять заложников. Их отрубленные головы пираты отослали в Ла-Антигуа с теми же парламентёрами, чтобы испанцы думали быстрее.

Но испанские отряды уже шли к городу. Их полковник, комендант гарнизона, оказался крепким орешком. Захватив парламентарёв, он узнал от них всё, что хотел, и решил окружить наглых пиратов, чтобы диктовать свои условия.

И тут провидение оказалось не на стороне Клеща и Оллгара – в это время в гавань вошёл «серебряный флот» испанцев, прибыли корабли из Европы. Пираты оказались заблокированными в городе. Сдаваться они, конечно, не собирались, но когда им удалось вырваться, их оставалось всего несколько десятков. Капитана Клеща, которого матросы сперва несли на носилках, по приказу Оллгара бросили в джунглях, раненая нога пирата уже полыхала в гангрене.

Сколько времени умирал Арно Мегеро – самый грозный капитан Берегового братства, история об этом умалчивает. О чём он думал перед смертью? Вспомнил ли он своего приятеля Марко Браго, которого оставил тяжело раненого в трюме корабля, как только узнал от него тайну алмазов Гальего, или думал о хирурге Руте, который однажды вытащил его с того света? Или он в эти часы вспомнил Питера Бульена, изувеченного своего помощника по прозвищу Дуболом, что не задумываясь бросил на Тортуге? Может быть, он вспомнил ограбленных им своего отца и сестру? Раскаивался ли он хоть в чём-нибудь? И нуждался ли он в раскаянии? Этого мы уже никогда не узнаем. Возможно, он и не вспоминал никого и ничего, а просто пожалел о том, что и золото, и алмазы, так и не пригодились ему, не принесли удачи? Кто знает, кто знает...

Что же случилось с остальными героями нашего правдивого повествования? Даниель Рут занялся медицинской практикой, отклонив предложение Рауля

Контрераса принять под командование форт на острове Сент-Кристофер. В море выходил редко – зачем, когда его счастье, его Николь, была рядом? А в военных рейдах больше вообще не участвовал. Зашивая очередную рану или вынимая пулю, он каждый раз вспоминал бой у священной пещеры Уаку на острове Рифов, когда по его команде и взмаху руки в одну секунду десятки индейцев отправились в «страну вечной охоты»...

Контрерас оставался вице-губернатором, пока остров Сен-Кристофер не перешёл к англичанам, после он уехал в Европу.

Губернатор де Бертезен, дослужив до преклонного возраста, отбыл во Францию вместе с супругой. Даниель и Николь, вопреки первоначальным планам, остались на Тортуге.

Бывший капитан каравеллы «Эсперанса» дон Гарсиа Карлос после двух лет опалы, был прощён королём и вернулся на морскую службу, получив под командование сорокапушечную каракку. Ром на борту корабля он больше не пил до конца жизни.

Луиса Мегеро, не зная о смерти Арно, до самой своей кончины боялась, что вот-вот явится её братец и отнимет накопленный ею капитал. Свой саквояж она перепрятывала много раз, а когда умерла, никто его не нашёл.

Дядюшка Хончо был схвачен начальником таможенной стражи Бюркелем, который дознался, что два пирата укрывались в его хижине. Спасло Хончо только то, что сам Рафаэль Бюркель был вскоре арестован. Его обвинили в ереси, а Святая церковь в своей безграничной любви к Богу считала, что нельзя уничтожить ересь, не уничтожая еретиков. Дядюшка Хончо же знака, посланного Господом, не понял, занятия гре-

ховным промыслом не оставил, и вскоре был зарезан одним из собутыльников-контрабандистов прямо в своей хижине.

Брошенному на Тортуге Питеру Бульену повезло – он попал в руки доктора Рута, и тот поставил его на ноги, а после пристроил боцманом на свой торговый флейт «Сен-Бертран», капитаном которого по-прежнему оставался Натан Клодю. А Диего-Ворон ушёл штурманом на другой корабль, который занимался каперскими рейдами. Он всё ещё верил, что большое золото приносит большое счастье.

СЛОВАРЬ И ПРИМЕЧАНИЯ

Абордаж – атака вражеского корабля при сближении с ним борт к борту для рукопашного боя и захвата судна. «Взять на абордаж» – значит атаковать именно этим способом.

Абордажный крюк или кошка – штурмовой якорь на цепях или канате, забрасываемый на вражеский корабль или на стену крепости. Имеет 3-4 металлических лапы, заострённых и загнутых. Для того, чтобы было труднее от них освободиться их затачивали по типу гарпуна. Абордажные крючья позволяли сначала сблизить, а после сцепить корабли, чтобы вступить с экипажем неприятеля в рукопашную схватку.

Анна Австрийская (1601-1666 гг.) – испанская инфанта, эрцгерцогиня Австрийская, королева Франции, супруга Людовика Тринадцатого.

Астролябия – астрономический угломерный инструмент для измерения высоты солнца или звёзд. Известен со времён Древней Греции. Нашёл широкое применение на флоте после её усовершенствования в конце 15-го века.

Баракоа – первый город на Кубе, основан испанцами в 1511-ом году на месте индейского поселения с одноимённым названием на востоке Кубы.

Банник – древко со щёткой на конце для очистки канала ствола орудия от порохового нагара после выстрела и гашения остатков тлеющего зарядного картуза во избежание преждевременного воспламенения нового заряда.

Барбадос – остров в группе Малых Антильских островов на востоке Карибского моря. Британская колония с 1625-го по 1966-ой год.

Бастер – город на южном берегу острова Сент-Китс (бывший Сент-Кристофер), основан в 1627-ом году. Такое же название имела главная гавань острова Тортуга.

Бастилия – крепость, построенная в 1370-1381 гг. Место заключения государственных преступников в Париже. В 1789 году взята революционно настроенным населением. В 1791 году полностью разрушена.

Бейдевинд – курс судна, при котором ветер дует навстречу под углом.

Берберы – общее название принявших ислам в 7-ом веке коренных народов Северной Африки от западных границ Египта на востоке до Атлантики на западе, от реки Нигер на юге до Средиземного моря на севере.

Бизань-мачта – кормовая мачта на трёх– и более мачтовом судне. На трёхмачтовом корабле бизань всегда третья, на многомачтовых – последняя. Кормовая мачта на двухмачтовом судне также может называться бизань-мачтой, если носовая больше её и находится в середине судна.

Брабантские кружева – отличались от других рельефным рисунком. Кружевные мастерские провинции Брабант (южная Голландия) славились оригинальными ажурными узорами. Их упоминает Николай Гумилёв в своём стихотворении «Капитаны»:

*«...Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвёт пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет»*

Бутоньерка – цветок или небольшой букетик, прикрепляемый к костюму.

Бушприт – часть рангоута, брус, выступающий вперёд

с носа судна. Предназначен для вынесения вперёд центра парусности, что улучшает маневренность корабля.

Бухта Всех Святых – бухта на восточном побережье Бразилии.

Буканьеры – лесные охотники из французских поселенцев, обосновавшихся в начале XVII века на островах в Карибском море, принадлежащих Испании. Считается, что слово *boucan* на языке местных индейцев обозначало копчёное мясо либо решётку для копчения. Англичане называли островных охотников «кау-киллерами» («убойщиками коров»).

Ванты – снасти стоячего такелажа (см.), которыми укрепляют мачты, стеньги и брам-стеньги с бортов судна. Они служат также для подъёма матросов на мачты и стеньги для работы с парусами. Для этих целей поперёк вант на определённом расстоянии друг от друга крепили выбленки, пеньковые линии, деревянные, металлические. Получалась лестница.

«Весёлый Роджер» – так моряки называли пиратский флаг с черепом и костями (с адамовой головой). Этот флаг, наряду с десятками других, использовался пиратами в XVII-XVIII вв. Единого пиратского флага не существовало. Корсары, имеющие каперское свидетельство, были обязаны поднимать государственные флаги, но иногда во время атаки использовали чёрный флаг, который означал предъявление ультиматума. Одним из первых пиратов, использовавших «Весёлый Роджер» в версии, похожей на принятую сейчас, был Эммануэль Вайн.

Вертлюжная пушка – небольшое поворотное артиллерийское орудие, устанавливаемое на корабле или стене крепости с помощью шарниров (вертлюг), которые обеспечивали вращение орудия в двух плоскостях.

Вест-Индия – историческое название островов Карибского моря. Противопоставляется Ост-Индии – странам южной и Юго-Восточной Азии.

Веракрус – портовый город на побережье Мексиканского залива, основан Фернаном Кортесом в 1519-ом году. Веракрус неоднократно подвергался нападениям пиратов: в 1653-ем (Ван Доорн), в 1683-ем (Граммон) и в 1712-ом (Лоренс де Графф).

Галс – движение судна относительно ветра: левый галс – ветер дует в левый борт, правый галс – ветер дует в правый борт.

Галеоны – испанские многопалубные тяжёлые парусные суда с сильным артиллерийским вооружением, использовавшиеся как военно-транспортные корабли. Именно на них перевозили драгоценности из Америки, в том числе золото и серебро. Галеоны были в составе Непобедимой армады.

Гваякум, дерево – Гваякум священный или гваяковое дерево, бакаутовое дерево, железное дерево. Засухоустойчивые, медленно растущие деревья, как правило, невысокие от 3-х до 15-ти м в высоту, до 0,7 м в диаметре. Растение распространено в Венесуэле, Колумбии, Гватемале и Вест-Индских островов. В Европе известно с начала XVI века и долгое время его смола была популярным средством при сифилисе, ревматизме и подагре, опухании суставов, ревматических болях, реже применялось при лечении органов дыхания, почечных заболеваний и туберкулёза.

Генерал-капитан – в Испании чин генерал-капитана появился в середине 15-го века и просуществовал до 18-го века. Применялся как в армии, так и на флоте, где адмирал эскадры подчинялся генерал-капитану.

Генерал-капитанство Куба – административная единица в составе Испанской империи, созданная в 1607-ом году, как часть мероприятий по улучшению обороны Карибского региона против иностранных держав.

Гиппократ – древнегреческий целитель, 5-й – 4-й век до нашей эры. Известен как выдающийся хирург древности, он также лечил пациентов лечебными травами, которых знал более двухсот, возражал против применения сразу многих лекарств и провозглашал повсеместно принцип – «не навреди».

Гранд – высшая знать в средневековой Испании, с 16-го века почётный статус представителей высшего дворянства.

Грог – горячий алкогольный напиток, представляет из себя в общем виде ром, разбавленный чаем или водой с сахаром.

Грот-мачта – обычно вторая мачта, считая от носа судна. На двух- или трёхмачтовых судах самая высокая мачта вне зависимости от её местоположения. На четырёх- и более мачтовых судах — вторая, третья и т. д. мачты между первой (фок-мачтой) и кормовой (бизань-мачтой). Если их две или более, то различаются порядковыми номерами («первая грот-мачта», «вторая грот-мачта» и т. д.), считая от носа к корме. Например, российский учебный четырёх-мачтовый барк «Крузенштерн» имеет фок-мачту, первую грот-мачту, вторую грот-мачту и бизань-мачту. Грот-мачта может быть и единственной (одномачтовые суда с парусным вооружением: «шлюп», «тендер» и другие).

Грот-брам-стеньга – часть рангоута, по-другому можно назвать: брам-стеньга грот-мачты (см. «стеньга» и «грот-мачта»).

Гранадский (Альгамбрский) эдикт – указ королев-

ских величеств Фердинанда Второго Арагонского и Изабеллы Первой Кастильской от 31 марта 1492 года об изгнании из Испании всех евреев, которые до 31 июля откажутся принять католическое христианство.

Дрейф – смещение (снос) судна, потерявшего ход, под влиянием ветра или течения.

Дублон, эскудо, реал – в 17-ом веке испанские денежные единицы (монеты). Реал – серебряный, дублон и эскудо – золотые.

Женева – город на юго-западе Швейцарии, столица одноимённого франкоязычного кантона. Впервые упоминается Юлием Цезарем как кельтское поселение Генава в первом веке до н.э.

Индиго – краситель, добываемый из тропических растений.

Иф, крепость (замок) – фортификационное сооружение на острове Иф, в четырёх километрах от Марселя. В начале форт был выстроен (1524-1531 гг.) для защиты города от атак с моря по приказу Франциска Первого. С конца 16-го века стал использоваться для изоляции особо опасных преступников. Именно с тех пор форт получил название замка Иф. В настоящее время – музей.

Кабестан (шпиль) – лебёдка с вертикальным барабаном, использующаяся для передвижения судна, баржи, грузов, подтягивания судов к берегу, подъёма якорей и т.п.

Кабельтов – морская мера длины, равная 185,2 м.

Каботажное плавание или каботаж – морское прибрежное плавание, как правило, между портами одного государства.

Кальвинизм – направление протестантизма, созданное и развитое французским теологом и проповедником Жаном Кальвином.

Канарские острова – архипелаг из семи островов вулканического происхождения в Атлантическом океане недалеко от северо-западного побережья Африки. Острова принадлежат Испании и являются одним из автономных сообществ этой страны.

Канонир (пушкарь) – отвечал за исправность пушки, её готовность к стрельбе, командовал её наведением во время боя. Помимо канонира, пушечный расчет мог состоять из нескольких человек, в чьи обязанности входила очистка ствола орудия, зарядка, зажигание фитиля, откатывание пушки на место после выстрела.

Каное – долблёная или каркасная лодка индейцев Америки. Каркасные каное покрывают корой берёзы, вяза, орехового дерева или кожей.

Картечь – артиллерийский снаряд, предназначенный для поражения живой силы противника на близких расстояниях (до 300 м). Изначально заряд представлял собой кучку мелких камней или кусков железа, которая засыпалась в канал ствола поверх заряда и закреплялась пыжом. Затем для предотвращения порчи ствола, картечь стали предварительно засыпать в мешочек. Последние образцы картечных снарядов представляли собой набор сферических чугунных или свинцовых пуль в металлической или картонной цилиндрической упаковке.

Каракка – большое парусное судно 15-го – 17-го веков, распространённое во всей Европе. Отличалось исключительно хорошей по тем временам мореходностью, с чем связано активное использование каракк для плаваний в океанах в эпоху Великих географических открытий.

Каравелла – тип парусного судна, распространённый в Европе, особенно в Португалии и Испании, в 15-ом – 17-ом веках. Один из первых и наиболее известный тип кораблей, с которых начиналась эпоха Великих географических открытий. Эскадра Колумба состояла из каравелл. Образ каравеллы обычно представляется двух- или трёхмачтовым судном с косым латинским парусным вооружением (*каравелла-латина*). Хотя на каравеллах нередко использовалось и прямое парусное вооружение (*каравелла-редонда*).

Каперы, приватиры, корсары – частные лица, которые с разрешения властей воюющего государства использовали вооружённый корабль (также называемый капером, приватиром или корсаром) с целью захвата торговых судов неприятеля (а иногда и судов нейтральных держав). То же название применяется к членам их команд.

Каперов или корсаров, как частных лиц, действовавших в рамках права войны, не следует смешивать, с одной стороны, с «крейсерами», или, по современной терминологии, рейдерами — военными кораблями или вспомогательными судами, предназначенными для той же цели, а с другой — с пиратами, морскими разбойниками, действовавшими на свой страх и риск. Основным отличительный и официальный признак каперов (приватиров, корсаров) — каперское свидетельство. Это свидетельство, с одной стороны, позволяло воевать частному судну (оно же приватное, отсюда пошёл термин «приватир»), но с другой стороны, ограничивало круг его целей только враждебными флагами, часто включая и нейтральные, потому граница между понятиями корсар и пират весьма размыта.

Квартердек – помост либо палуба в кормовой части парусного корабля, на один уровень — выше шкафута, где обычно находился шкипер (штурман), а в его отсутствие — вахтенные или караульные офицеры и где устанавливали компасы.

Кнехт – парная тумба с общим основанием на палубе судна или на причале для крепления тросов.

Колумб Христофор (1451-1506 гг.) – испанский мореплаватель итальянского происхождения, в 1492 году, открывший для европейцев Новый свет – Америку. Всего Колумб совершил 4 плавания к берегам Америки: в первое плавание ушёл на трёх судах, последний европейский порт, от которого он отправился, был остров Гомера (Канарские острова). Первое путешествие длилось с 3 августа 1492 года по 15 марта 1493 года. Второе – с 25 сентября 1493 года по 11 июня 1496 года. Третье – с 30 мая 1498 года по 25 ноября 1500 года. Четвёртое – с 9 мая – 1502 года по 7 ноября 1504 года.

Имя Колумба как первооткрывателя было прославлено и иногда используется как нарицательное. Вместе с тем, его жестокость при завоевании новых земель и порабощении индейцев превратила его в неоднозначную фигуру в Америке.

Контрерас – дон Алонсо де Контрерас (1582-1645 гг.) Начав службу простым солдатом, уже в 19 лет от Ордена госпитальеров получил должность капитана корабля и каперский патент для рейдов в восточной части Средиземного моря против мусульман. На протяжении своей бурной жизни он командовал то кораблями, то замками, то пехотой, то конницей – богатый опыт и отчаянная храбрость Контрераса оказывались применимы везде. Но из-за своенравного характера в его карьере взлёты перемежались с падениями, у него не имелось предрасположенности к нормальной службе. Контрерас был скорее авантюрист, нежели полководец. Но авантюрист, без сомнения, выдающийся.

Корсары – в узком смысле французские каперы из Сен-Мало (город-порт на северо-западе Франции, ставший в 16-ом веке «гнездовьем» каперов). Благодаря их репутации термин существенно распространился и в ши-

роком значении используется как синоним слова капер или даже пират, но в более романтическом ключе. Североафриканских пиратов часто называли «турецкими корсарами».

В употребляемом сегодня широком смысле термины: корсары, каперы, флибустьеры, приватиры абсолютно равнозначны. В более точном смысле, корсар – это моряк, имеющий официальный документ от короны (правительства), разрешающий грабёж торговых и военных судов вражеской державы.

Кортес Фернан (1485-1547 гг.) – испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государственность ацтеков.

Кошениль (кармин, киноварь) – краситель, а также название нескольких видов насекомых из отряда полужёсткокрылых, из самок которых добывают вещество, используемое для получения красного красителя – кармина.

Мексиканская кошениль, живущая на кактусах рода опунция, получила самое широкое распространение. Богатая карминовой кислотой (до 95%), она, в конечном итоге, вытеснила все остальные виды кошенили, применявшиеся в красильном деле. Ещё ацтеки усердно разводили кошениль на плантациях нопального кактуса.

Кракен – легендарное морское чудовище гигантских размеров, головоногий моллюск, известный по описаниям исландских моряков, из языка которых и происходит его название.

Кренгование – наклон судна для чистки подводной части или ремонта корпуса.

Креолы – различные этнические или этнорасовые общности смешанного происхождения, образовавшиеся в колониальный период.

Кристобаль-де-Альворадо – испанский порт, расположенный на побережье Мексиканского залива к юго-востоку от Веракруса. Этот город, названный в честь конкистадора Педро де Альварадо и святого Христофора — покровителя местных жителей, был построен на берегу одноименной лагуны, в устье реки Папалопан, на её левом берегу. Подвергался нападениям пиратов с острова Тортуга.

Крюйт-камера – отсек в трюме для хранения пороха и готовых пороховых зарядов, как правило, в носу или корме корабля ниже ватерлинии.

«Купец» – на жаргоне моряков торговый корабль.

Ляг – прибор, предназначенный для измерения скорости движения судна.

В древности в качестве ляга использовался (и используется по сей день на небольших судах) ручной, или секторный, ляг. Он представляет собой доску треугольной формы (сектор) с привязанной к ней верёвкой (линем, ляглинем) и грузом. На лине на одинаковом расстоянии друг от друга завязываются узлы. Доска выбрасывается за корму и пересчитывается количество узлов, ушедших за борт за определённое время (обычно 15 секунд, 0,5 минуты или 1 минуту). Отсюда пошло измерение скорости судна в узлах, скорость в один узел равна одной морской миле в час.

Принцип работы современных приборов основан на измерении напора воды, или гидролокации морского дна.

Ла-Корунья – важный исторический город-порт на северо-западе Испании. Административный центр одноимённой провинции в составе автономного сообщества Галисия.

Лекарь-цирюльник – исторически парикмахер и банщик, владеющий элементарными приёмами хирургии. Средневековый цирюльник-ремесленник отличался от профессионального врача, получившего теоретическое меди-

цинское образование по трудам Галлена, Гиппократы, Аристотеля в университете, также как сегодня массажист-самоучка отличается от хирурга.

Лот – прибор для измерения глубины водоёма. Первоначально, во времена парусного флота, в качестве лота использовалась гиря, обычно свинцовая, с тонкой верёвкой (лотлинем) для измерения глубины. Лот опускался с носовых русленей – площадок, расположенных на уровне верхней палубы против мачт. Иногда на нижней части гири делалось углубление, в которое вкладывалось сало или смесь сала и толчёного мела, чтобы к нему прилипали частицы грунта для определения характера дна.

Лоцман – судоводитель с опытом работы в данном регионе, хорошо знающий данную береговую обстановку и местный фарватер и проводящий по нему морские или речные суда, особенно в местах, представляющих опасность.

Магеллан Фернан (1480-1521 гг.) – португальский и испанский мореплаватель. Командовал экспедицией, совершившей первое из известных кругосветных путешествий. Открыл пролив, позже названный его именем, став первым европейцем, проследовавшим по морю из Атлантического океана в Тихий. Погиб во время путешествия, не успев лично завершить его.

Мангровые леса – вечнозелёные лиственные леса, произрастающие в приливно-отливной полосе морских побережий и устьев рек. Распространены в тропиках, иногда в зонах с умеренным климатом там, где этому благоприятствуют морские течения. Мангровые заросли производят впечатление переувлажнённых скверно пахнущих болот, характерными чертами которых являются грязь, метан, причудливость деревьев, изобилие moskitov и, в меньшей степени, змей.

С давних времён мангры вырубались для получения

деловой древесины, топлива и сырья для красителей и кожевенного производства, в их коре до 40% дубильных веществ, поэтому они сохранились на относительно небольших территориях. В некоторых местах их в настоящее время восстанавливают.

Мараведи – мелкая испанская и португальская монета, первоначально золотая, затем – медная.

Марраны – евреи, принявшие католическую веру под нажимом властей (см. «Гранадский эдикт»). Они находились в центре внимания инквизиции, подозревавшей их в тайной приверженности своей старой религии. Многие тысячи выявленных инквизицией подлинных и мнимых нарушителей из числа марранов были судимы и приговорены к сожжению.

Марсель – французский город-порт, расположенный на берегу Лионского залива (Средиземное море) близ устья реки Рона. Основан был около 600 года до н.э. фокейцами, греками из Малой Азии и назывался Массалия.

Матлот – побратим – поскольку пираты частенько смотрели в глаза смерти, каждый член разбойничьего братства, будь то пират или буканьер, заводил себе близкого друга – матлота. Именно матлоту передавалась доля добычи погибшего в бою за приз пирата.

Мертвяк – камень или столб на берегу, закреплённый «намертво», и используемый как кнехт (см.), чтобы закрепить швартовый конец.

Мискито – индейцы-мискито, которых насчитывается несколько племён низкорослы и темнокожи, живут на побережье Карибского моря от реки Рио-Негро до реки Эскондидо, цветом своей кожи обязаны смешанным бракам с выжившими после кораблекрушений африканскими рабами.

Монастырь Мадлонет – женский монастырь в Ру-де-Фонтене, Франция.

Мондино де Луччи (Мондиниус) 1270-1326 гг. – итальянский врач, анатом и профессор хирургии, основоположник современной анатомии. В частности, он возобновил долгое время запрещавшуюся средневековой католической церковью практику публичных вскрытий трупов умерших людей в целях обучения студентов медицине, а также написал первый со времён Галена современный анатомический трактат, основывавшийся не на пересказе трудов Галена и Ибн Сины, а на собственных результатах вскрытий.

Мон-Блан, «Белая гора» — вершина в одноимённом массиве, возвышается над озером Леман в Альпах, находится на расстоянии несколько десятков километров от Женевы и видна в хорошую погоду. Это наивысшая точка Альп, достигает высоты 4807 м над уровнем моря. Самая высокая гора в Европе, после Кавказа. Находится на границе Франции, Италии и Швейцарии. Путешествуя в 1855 году князь П.А. Вяземский писал о своих впечатлениях:

*Не видал, хоть из окна,
Живописного Монблана —
Гор царя и великана.
Скрылся он вовнутрь тумана:
У царя приёма нет.
И не знает ваш поэт,
Как, подъямлясь горделиво
На престоле из серебра,
Богом созданное диво,
Блещет Белая Гора.*

Москитовый берег – получил своё название в честь своих основных жителей – индейцев-мискито. Исторически представляет собой территорию вдоль атлантического побережья Никарагуа и частично Гондураса.

Муссоны – ветры, идущие от тропиков к экватору, летом дуют с океана, зимой с материка. Свойственны тропическим областям.

Наваха – большой складной нож испанского происхождения, род холодного оружия и инструмента.

Возникла наваха из-за запрета для простолюдинов Испании на ношение длинных ножей. Считается одним из самых старых примеров складывающихся ножей, которые до сих пор продолжают производить, и происхождение этого ножа идет из Андалузской области Южной Испании. Наваха имела фиксатор в виде пружины со стороны обуха, отжимавшейся с помощью кольца или рычага. Бывали и полускладные модели с клинком длиннее рукоятки. Форма клинка со скосом обуха. Рукоятка у навахи почти всегда имеет характерный изгиб на конце.

Нок рея – конец или вся половина рея – рангоутного дерева, расположенного горизонтально или под некоторым углом к плоскости горизонта.

Невис – остров в группе Наветренных островов в Карибском море. Является частью государства Сент-Кисс и Невис. Был открыт Колумбом в 1493-ем году и первоначально имел название Сан Мартин.

Норд, зюйд, вест, ост – север, юг, запад, восток. Стороны света или румбы. Бывают промежуточные румбы: например, норд-ост (северо-восток) или зюйд-зюйд-вест (юго-юго-запад)

Оверштаг – поворот оверштаг, термин, обозначающий один из двух способов смены галса на парусной лодке, при котором нос судна какое-то время повернут в сторону, откуда дует ветер. При оверштаге парус плавно переходит с одной стороны на другую.

Отпорный крюк, отпорник – древко с насаженным металлическим наконечником, имеющим два загнутых рожка, а иногда между ними прямой стержень с утолщением на конце. Служит для отталкивания носа шлюпки, катера при отходе и подтягивания при подходе к кораблю, другой шлюпке, катеру трапу, пристани. Отпорный крюк иногда путают с багром. Багор служит для зацепления или накалывания. Отпорный крюк, как следует из названия, для одерживания, предотвращения повреждений борта при касании.

Падре – в Испании и Италии форма обращения к католическому священнику.

Палаш – рубяще-колющее клинковое холодное оружие с широким к концу, прямым и длинным (до 100 см) клинком, который может иметь двустороннюю, но чаще одностороннюю или полуторную заточку, со сложным эфесом (прямая сабля). Сочетает в себе качества меча и сабли. Палаш имеет развитую гарду, включающую в себя чашку и защитные дужки. Отличие палаша от шпаги в более тяжёлом клинке, имеющем большую ширину и толщину.

Парацельс – настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гёгенгейм (1493 г. – 1541 г.) швейцарский алхимик, врач, философ, естествоиспытатель. Подверг критическому пересмотру идеи древней медицины. Способствовал внедрению химических препаратов в медицину. Считается одним из основателей современной науки.

Современники сравнивали деятельность Парацельса с деятельностью Мартина Лютера, так как, подобно Лютеру в религии, Парацельс был великим реформатором медицинской науки и практики.

Пеон – батрак, подёнщик, неквалифицированный и низкооплачиваемый работник в сельском хозяйстве.

Пират (форбан) – в наибольшей степени к общеизвест-

ному сегодня слову «пират» в 16-ом – 17-ом веках приближалось французское слово «форбан» – бандит, разбойник. Оно означало изгоя, отринутого обществом человека, пустившегося ради обогащения на вооруженный морской грабеж и ставшего пиратом. Считалось, что форбаны очень опасны. Часто ими становились дезертиры, активно привлекали местное население в свои ряды. Колониальные власти пытались помешать пиратской «вербовке», обещая щедрое вознаграждение тем, кто откажется от предложения стать форбаном и укажет на тех, кто его сделал. Но это не помогало.

Пистоль – французская денежная единица, золотая монета, равная дублону в Испании.

Писарро Франсиско (1471-1541 гг.) – испанский конкистадор, завоеватель империи инков, основатель города Лим.

Помолвка – помолвке в католическом бракосочетании отводят весомую роль. Во время таинства священник благословляет молодых в присутствии их родителей. Жених и невеста обмениваются кольцами. Девушка даёт согласие и официально становится невестой. Как правило, завершается вечер праздничным застольем.

Прево – в феодальной Франции королевский чиновник, обладавший до 15-го века на вверенной ему территории судебной, фискальной и военной властью, с 15-го века выполнял лишь судебные функции.

Приз – добыча капера, собственность неприятеля, захваченная в бою.

Приор – в католицизме титул настоятеля мужского католического монастыря или старшего после аббата-настоятеля члена монашеской общины (первого помощника абба-

та). Монастырь, в котором имеет место жительства приор, называется приорией или приоратом.

Рангоут – деревянные брусья на корабле, предназначенные для постановки парусов, для подъёма сигналов, для подъёмных приспособлений и т. п. К рангоуту относят:

Мачты — вертикально стоящие рангоутные деревья, являющиеся основой для крепления реев и такелажа;

Стеньги — вертикально стоящие рангоутные деревья, являющиеся продолжением мачт;

В местах соединения мачты и стеньги устанавливались марсы и салинги.

Рекогносцировка – разведка, производимая лично командиром.

Ретирада – отступление, отход войск.

Риф – подводное или надводное возвышение морского дна на мелководье. Образуется при разрушении скалистого дна либо в результате разрастания колоний коралловых полипов (коралловый риф).

Ришелье, Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье (1585-1642 гг.) – кардинал Римско-Католической церкви (Красный кардинал), государственный деятель, с 1624 года и до своей смерти главный министр короля Франции (глава правительства).

Сан-Сальвадор-де-Баия – город в Бразилии на побережье Атлантического океана, столица штата Баия. В 1549-1763 гг. был первой столицей колониальной Бразилии.

Сарбакан – трубка из которой индейцы стреляют отравленными стрелами.

Сарсапарилья (сарсапарилла) – растение, многолет-

няя лиана, у которой хорошо развиты корни. Произрастает в тропическом климате, стелется по земле, но может подниматься по опорам вверх, в длину может достигать 1,3 – 1,5 м. В медицине обычно используются его корни, в которых сосредоточено большинство активных веществ, найденных в этом растении.

Сент-Кристофер – теперь Сент-Китс, остров в архипелаге Наветренные острова в Карибском море. Вместе с меньшим островом Невис образуют государство Сент-Китс и Невис.

Сен-Жан или Форт святого Иоанна – стоит на северной стороне старой марсельской гавани, у входа в Старый Порт. В 13-ом веке там жили рыцари-госпитальеры. В 1423 г. герцог *Рене Анжуйский* решил защитить вход в гавань, для этого был построен мощный четырёхугольный форпост с бойницами. В 1660-ом году *Людвиг XIV* приказал реконструировать средневековый форт. На другой стороне гавани была построена вторая цитадель — Сен-Никола, которая некоторое время служила и тюрьмой. Обе крепости предназначались тогда не для внешней защиты Марселя. Их строили в ответ на восстание местных жителей против губернатора, и орудия их были направлены в сторону города.

Сефарды, сефардские евреи – субэтническая группа евреев, сформировавшаяся на Пиренейском полуострове из потоков миграции иудеев внутри Римской империи, а затем внутри Халифата.

Скат – один из двух надотрядов пластиножаберных хрящевых рыб. Содержит четыре отряда и пятнадцать семейств. Для скатов характерно сильно уплощённое тело и большие грудные плавники, сросшиеся с головой. Мясо скатов считается деликатесом. Особенно ценятся печень и крылья ската.

Сутана – верхняя длинная одежда католического духовенства с длинными рукавами, носимая вне богослужения.

Стеньга – съёмное рангоутное дерево, являющееся продолжением судовой мачты, далее идёт брам-стеньга, а дальше бом-брам-стеньга.

Такелаж (оснастка) – обобщенное название всех снастей на судне или вооружение отдельной мачты или рангоутного дерева, употребляемое для крепления рангоута и управления им и парусами. Такелаж разделяют на стоячий и бегучий. Стоячий такелаж служит для удержания рангоутных частей в надлежащем положении, бегучий — для постановки, уборки парусов, управления ими, изменения направления отдельных частей рангоута.

Тенерифе – самый крупный остров в составе архипелага из семи Канарских островов в Атлантическом океане. Площадь острова Тенерифе около двух тысяч квадратных километров. Он занимает центральное положение относительно островов архипелага и сегодня является самым населённым в Испании.

Томогаvk – ударное метательное оружие индейцев Америки.

Торквемада – Томас де Торквемада (1420 г. – 1498 г.) – основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании. Был инициатором преследования мавров и евреев.

Тортуга – название острова произошло от его формы, при взгляде с Эспаньолы он напоминал гигантскую морскую черепаху. В 17-ом веке остров Тортю (Черепаха), тогда Тортуга, являлся французской колонией и крупным центром пиратства в Карибском море.

Траверз – линия, перпендикулярная курсу судна или его диаметральной плоскости. Соответствует курсовому углу 90° .

Если курсовой угол составляет 90° правого или левого борта, он называется траверзом судна. Так и говорят, например: «На траверзе правого борта — маяк». Таким образом, траверз есть у корабля, но не у участка суши. При этом корабль может быть на траверзе какого-либо объекта (например, маяка) — это означает, что предмет виден в направлении, перпендикулярном курсу судна.

Узел – единица измерения скорости судна. Один узел равен одной миле в час, то есть 1,852 км/час.

Фальконет – артиллерийское орудие небольшого калибра, от одного до десяти фунтов, диаметр канала ствола 45-65 мм, состояли на вооружении армий и флотов в 16-ом – 18-ом веках, изготавливались из чугуна или меди, стреляли как ядрами, так и картечью.

Фальшборт – ограждение по краям наружной палубы корабля или другого плавучего средства, представляющее собой сплошную стену со специальными вырезами для стока воды, швартовки, клюза и прочими.

Фарватер – судовой ход, безопасный в навигационном отношении и обозначенный на местности и карте проход по водному пространству (реке, озеру, морю, проливу, фьорду, океану), характеризующийся достаточными глубинами и отсутствием препятствий для судоходства, например, затопленных судов, рифов и мин.

На реках фарватер обычно проходит по линии наибольших глубин русла. На пограничных судоходных реках граница во многих случаях устанавливается посередине главного фарватера.

Фарватер обозначают средствами навигационного оборудования — буями, створами, бакенами и прочим.

Фелука (фелюга) – небольшое палубное с косыми парусами в форме треугольника со срезанным углом; парус поднимается на двух реях. Судно встречалось в военных и торговых флотах Средиземного моря, например, греческие пираты предпочитали фелуки за быстроходность и манёвренность.

Филипп Четвёртый – король Испании с 1621-го по 1665-й год. Тридцатилетняя война, начавшаяся при его отце, большей частью пришлась на правление короля Филиппа Четвёртого.

Флагман – командующий флотом, или командир соединения кораблей (эскадры и т. п.), которому присвоен должностной флаг. Так называют и корабль, на котором находится командующий.

Фландрия – один из трёх регионов Бельгии. Прилагательное – фламандский, жители – фламандцы.

Флейт – морское парусное транспортное судно Нидерландов 16-го – 18-го веков. Суда этого типа отличались хорошими мореходными качествами, высокой скоростью, большой вместимостью и использовались главным образом в качестве военно-транспортных. На протяжении длительного времени веков флейты занимали господствующее положение на всех морях.

Флибустьер – флибустьерами называли каперов, действующих в Карибском бассейне – многочисленные мелкие острова-государства выдавали свидетельства-лицензии кому угодно по первому запросу. Корсарами чаще называли каперов в Средиземном море, причем изначально это были каперы-христиане против кораблей Османской империи.

Фордевинд – курс, при котором ветер направлен в корму корабля. Про судно, идущее в фордевинд, говорят, что

оно «идёт полным ветром». Угол между направлением ветра и диаметральной плоскостью судна в этом случае — около 180°. Фордевинд — тот самый «попутный ветер», которого желают морякам.

Фок-мачта — первая, считая от носа к корме, мачта на судне с двумя или более мачтами. Если на судне только две мачты, при этом передняя расположена почти посередине судна, то её называют «грот-мачтой».

Фок-мачта состоит из (снизу вверх) нижней фок-мачты, фор-стенги и фор-брам-стенги. Выше может быть расположен флагшток. Такелаж, расположенный на фок-мачте, несёт приставку «фок-», если расположен в нижней части корабля, ниже стеньги, и «фор-», если выше. Часть корабля от форштевня до фок-мачты называют «баком». Нижний парус на фок-мачте называют просто «фок».

Фок-стаксель — в общем случае — треугольный косой парус, поднимаемый по штагу впереди фок-мачты. Сходный по виду и назначению парус, поднимаемый по лееру на бушприте, называют «кливером».

Форбан — так во Франции называли морских разбойников, то же, что и пират (см.)

Форштевень — носовая оконечность судна (брус), являющийся продолжение киля.

Фрегат — вид парусного вооружения морского трёхмачтового торгового судна или военного корабля, обладающего определёнными характеристиками; в дальнейшем стал названием класса военных кораблей

Хоган — один из видов жилища американских индейцев, наряду с вигвамом, викапом, типи, «длинным домом» и другими.

Черпак – один из наиболее важных инструментов кано́нира. По конструкции это был металлический совок, закреплённый на деревянном диске с длинной ручкой, но фактически это был ценный дозатор. Это было не просто единственное средство определения требуемого количества пороха в заряде, но и единственное средство, обеспечивающее его правильное распределение в казёнке. Черпак обычно изготовлялся из меди такого же диаметра, что и ствол. Заполненный требуемым количеством пороха, черпак просовывался через ствол в его заднюю часть (камору), где переворачивался, высыпая порох. Затем порох плотно трамбовался шомполом. Поскольку черпак был мерилем и средством заряжания одновременно, то каждое орудие имело свой собственный черпак. Таким образом, до внедрения гильз-мешочков изготовление черпака требуемого размера было одной из наиболее важных задач канониров, поскольку от этого во многом зависела точность их стрельбы.

«Чёрное дерево» – так работорговцы на своём жаргоне называли африканских рабов.

Швартов – мн. число – швартовы. Это тросы (канаты), предназначенные для закрепления (швартовки) судна у причала, стенки и т.п. Швартовные механизмы и устройства: кабестаны, шпилы, брашпилы, кнехты.

Швейцарский союз – государственное объединение в Центральной Европе, просуществовавшее с 1291-го по 1798-ой год. Возник как военный союз между тремя кантонами и постепенно превратился в самостоятельное конфедеративное государство, включающее 13 кантонов и ряд других земель.

Шебека – парусно-гребное трёхмачтовое судно с косыми парусами. Применялось в Средние века и в Новое время на Средиземном море для военных и транспортных целей,

а также пиратами. Узкий длинный корпус с развалом бортов и сильно выдвинутым форштевнем обеспечивал шебеке хорошую мореходность. Шебека по конструкции корпуса была близка к каравеллам и галерам, но превосходила первые по скорости, а вторые — мореходности и вооружению.

Шевалье – младший дворянский титул в феодальной Франции.

Шкафут – средняя часть верхней палубы от фок-мачты до грот-мачты либо от носовой надстройки – бака, до кормовой – юта. Также называют широкие доски, уложенные горизонтально вдоль бортов для прохода с бака на шканцы (квартердек).

Шкипер – в широком смысле капитан (командир) любого торгового или рыболовецкого судна, в узком смысле капитан несамоходного, судна.

Шомпол – деревянный или металлическо-деревянный стержень, длина которого не меньше длины канала ствола, предназначенный для чистки и смазки ствола орудия

Шпигаты – отверстия в палубе или фальшборте судна для удаления за борт воды, попавшей при заливании волнами, атмосферных осадках, тушении пожаров, уборке палубы.

Штиль – затишье, безветренная или тихая погода со слабым ветром, скорость которого по шкале Бофорта не более 0,5 м. Во времена парусного флота штиль был опасным явлением. При длительных затишьях корабль не мог двигаться, в это время портилась еда, заканчивалась питьевая вода, что означало болезнь или смерть для большей части экипажа. На суше штиль ассоциируют с дымом, поднимающимся вертикально.

Штурмтрап – разновидность верёвочной лестницы.

Штурман – вид деятельности, профессиональное звание людей на флоте, связанных с управлением судном. Должность штурмана присваивают лицам судоводительской специальности. Штурман обычно исполняет следующие обязанности: прокладывает курс, исчисляет перемещения и отмечает передвижение на карте, а также следит за исправной работой навигационных приборов. Штурман, как правило, является помощником капитана, на него возлагаются и некоторые другие обязанности.

В бытовом языке понятие «штурман» является более широким — человек, умеющий единолично или с командой управлять кораблём.

Профессия штурмана возникла в средние века, когда произошло существенное расширение границ мореплавания, начавшее эпоху Великих географических открытий. Это повлекло за собой не только совершенствование морских судов, но и средств навигации. Сложные средства навигации, такие как астролябия, требовали специального обучения для правильной работы, а так как усложнение судна требовало от капитана всё больше времени и сил на управление командой и контроль за расходом припасов, для навигации всё чаще нанимался отдельный человек, владевший знаниями математики, лоцманского дела и астрономии.

Шхуна – тип парусника, имеющего не менее двух мачт и косые паруса на всех мачтах¹. Классифицируют шхуны по типу парусного снаряжения. Шхуны имели небольшую осадку, что позволяло ходить даже на мелководье и заходить в реки.

Эспаньола – колониальное название острова Гаити в 15-ом – 19-ом веках, которое до сих пор используется во многих языковых традициях.

Якопо да Карпи – Якопо Беренгарио да Карпи (1460 – 1530 гг.), был итальянским врачом в числе наиболее важных современных анатомов. Его произведения 1520-х годов приводятся в качестве первых трактатов по анатомии, в котором анатомические иллюстрации играли важную роль.

Ямайка – третий по величине остров в Карибском море, расположенный в 145 км к югу от острова Куба. Про Ямайку Колумб узнал от индейцев Кубы во время второй экспедиции. Они утверждали, что на соседнем острове, немного на юг, можно найти много золота. В мае 1494-го года испанцы открыли остров и назвали его в честь королевской семьи островом Фердинанда и Изабеллы. Однако название не прижилось, и закрепилось местное, аравакское, *Хаймака*, что означает «земля источников». В середине 17-го века Ямайку захватили англичане.

Часть первая

Глава 13.

«Это не я, это Блаженный Августин сказал» – здесь и далее монах приводит цитаты из трудов Аврелия Августина – «Исповедь» и «О свободе воли».

Глава 14.

«Но этот галеон затонул, идя с грузом из Гаваны!» – испанский галеон с названием «Нуэстра Сеньора де Аточа» действительно затонул 6 сентября 1622-го года у побережья Флориды в результате шторма. Галеон перевозил в Испанию значительные ценности, в том числе золотые и серебряные слитки, серебряные монеты общим весом более 40 тонн, а также табак, медь, оружие и драгоценности. Точное место крушения галеона было обнаружено после многолетних поисков 20 июля 1985-го года искателем сокровищ Мелом Фишером. Со дна были подняты ценности на общую сумму в 450 миллионов долларов.

Глава 16.

«Обнаружив в одной из подвод, прибывших на причал, галеты с плесенью, он рассердился не на шутку...» – проблеме сохранения продуктов в дальнем походе во времена парусного флота уделялось большое внимание, так как очень часто случались ситуации, подобно описанной в мемуарах англичанина Джеймса Харди Вокса: «Кэптен Кинг приказал стюарту скорректировать рацион команды, поскольку баталеры доложили, что сегодня окончательно стухло сливочное масло и сыр. Запах был настолько зловонным и тягучим, пробивавшимся даже через закупоренные бочки, что командир без раздумий велел выкинуть бочки с сыром и маслом за борт, боясь, что от гнилого воздуха на корабле разовьются инфекции и болезни».

Глава 16.

«Полковой врач не ходит на абордаж» – в более позднее время, когда огневая мощь корабельных орудий значительно возросла и количество раненых в бою увеличилось кратно, лекарю парусного флота тоже было запрещено ходить на абордаж и даже выходить на палубу во время боя. Он находился в интрюме, где было место сбора раненых. Если устанавливалось, что раненый умер вследствие небрежности лекаря, то последний рассматривался как убийца и подлежал казни.

Глава 19.

«Экипажа в настоящем количестве вполне хватало для того, чтобы управлять каравеллой, но явно было мало, чтобы вступить в бой», – так, по документам из канцелярии португальского короля Афонсу V, датированным 1453-им годом, на каравелле водоизмещением 32-33 тоннелей (около 25 тонн) экипаж насчитывал 13 человек, а для каравеллы в 50 тоннелей (около 40 тонн) численность команды была 25 человек. Кроме того, на борт кораблей, идущих в неведомые земли, необходимо было брать про-

фессиональных солдат. Из документов известно, что каравелла грузоподъемностью 150-180 тонн имела на борту 129 человек, однако это число включало 64 морских пехотинца, которые в состав экипажа не входят.

Глава 24.

«Магеллан – великий мореход, разрази меня гром, но и он не во всём разобрался. Он оказался плохим пехотинцем...», – Фернан Магеллан действительно погиб при высадке десанта на остров, не рассчитав возможности своего отряда. Один из вождей острова Мактан Лапу-Лапу противился новым порядкам и не собирался подчиняться. Магеллан организовал против него военную экспедицию. Он хотел наглядно продемонстрировать местным жителям мощь Испании. Сражение оказалось неподготовленным. Из-за отмени суда и лодки не смогли подойти на близкое расстояние, чтобы эффективно поддержать десантный отряд огнём. Во время нахождения европейцев на соседнем острове местные жители имели возможность изучить огнестрельное оружие и его слабые стороны. Они быстро двигались, не давая возможности прицелиться, и атаковали моряков в незащищённые доспехами ноги. Когда испанцы начали отступать, Магеллан был убит. После его тело пришлось выкупать у индейцев.

Вот что написал о смерти адмирала историограф экспедиции, Антонио Пигафетта: «...Островитяне по пятам преследовали нас, выживая из воды уже однажды использованные копья, и таким образом метали одно и то же копьё пять-шесть раз. Узнав нашего адмирала, они стали целиться преимущественно в него; дважды им уже удалось сбить шлем с его головы; он оставался с горстью людей на своём посту, как подобает храброму рыцарю, не пытаясь продолжать отступление, и так сражались мы более часу, пока одному из туземцев не удалось тростниковым копьём ранить адмирала в лицо. Разъярённый, он тотчас же пронзил грудь нападавшего своим копьём, но оно застряло в теле убитого; тогда адмирал попытался выхватить меч, но уже не смог

этого сделать, так как враги дротиком сильно ранили его в правую руку, и она перестала действовать. Заметив это, туземцы толпой ринулись на него, и один из них саблей ранил его в левую ногу, так что он упал навзничь. В тот же миг все островитяне набросились на него и стали колоть копьями и прочим оружием, у них имевшимся. Так умертвили они наше зеркало, свет наш, утешение наше и верного нашего предводителя».

Часть вторая

Глава 9.

«Вы не подумали, что мне скажут мои люди, если я соглашусь на ваше предложение?!» – возмущение капитана Клеща вызвало то, что хитромудрые коллеги по пиратскому ремеслу предлагали ему без подкрепления завязать абордажный бой с профессиональной военной командой испанского галеона. Первая волна атакующих попадает под единственный в таких случаях оружейный залп, а это равносильно самоубийству, абордажной команде в буквальном смысле приходится прыгать на штыки. По флибустьерским законам атакующие из первых рядов, те что останутся живы, могли выбирать себе любое оружие из числа трофейного. Особенно ценились пистолеты. Но капитану от этого не легче, ему приходилось искать новых матросов взамен погибших.

Глава 19.

«У хирургов свой взгляд на творение Господа» – врачи оказывают помощь и спасают жизнь людей, независимо от их религиозных убеждений, и эту фразу доктор Рут говорит, очевидно, давая понять господину Бертезену, что у людей образованных, к коим он относит себя и собеседника, принадлежность к разным конфессиям не является препятствием для общения на любом уровне: сотрудничества, дружбы и даже любви.

Глава 20.

«Операция по доставке собственного товара из Вест-Индии в Марсель сулила немалую выгоду» – ежегодно только из Испании в колонии отплывало более 100 кораблей. Другие страны тоже не отставали. Доставка колониальных товаров приносила огромные барыши, при небольшой таможенной пошлине – 7,5 %. Официальные источники тех времён говорят, что обычным способом оценки купленных в колониях товаров была надбавка 166 % к первоначальной их стоимости. Что уж говорить о прибыли, которую приносил пиратский захват товаров. Флибустьеры, эти партизаны океанских просторов, внесли весомый вклад в завоевание места под солнцем конкурирующими державами: Испанией, Португалией, Англией, Францией, Голландией – которые сами были государствами-пиратами: за товары из Европы колонии обязаны были рассчитываться только местным сырьём, колониальному производству развиваться не давали. Собственно, спустя пять веков в экономических отношениях стран «золотого миллиарда» с остальным миром ничего не изменилось.

Глава 24.

«...его величество король Франции, вероятно, в ближайшем будущем объявит Голландии войну» – это действительно случилось, но лишь 1672-1678 годах. Причины были не только в различиях культур: протестантской конфедеративной республики с одной стороны и католической монархии с другой, но и экономическое соперничество двух стран, а также личное желание Людовика Четырнадцатого разгромить Голландию, откуда исходили пасквилы и памфлеты на него.

Глава 27.

«Он следил за тем, чтобы дубовые бочки под воду были старыми, из обожжённого дерева, вода была с добавлением уксуса, дабы долее не портилась» – сохранение воды на парусном флоте было первоочередной за-

дачей. Ещё в Римском флоте изобрели способ – это смесь 1-2 ложек винного уксуса со стаканом воды. Уксус в этом случае замедлял порчу воды и позволял хранить её от семи до четырнадцати дней в зависимости от климата и времени года. Хранили воду в тростниковых бочках, обмазанных глиной, тростник в этом случае играл роль термоса, не давая воде програваться какое-то время.

Примерно те же меры принимали до конца XVIII века, правда тростниковые бочки сменили 10-галлоновые дубовые. Вообще многовековая битва за воду была не похожа ни на что - изобретения в этой сфере до 20-го века отодвигали порчу воды буквально на дни, и боролись практически за каждый лишний день.

Собственно, алкоголь в Новое время играл роль именно антисептика - употребление тухлой воды вызывало дизентерию, страшный бич моряков на протяжении пяти столетий. От неё умер знаменитый английский флибустьер Френсис Дрейк.

Глава 28.

«Океан бушевал два дня» – шторм может длиться от нескольких часов до нескольких дней. Судя по описанию, «Сен-Бертран» попал в 8-ми – 10-тибалльный шторм, что в океане не редкость. Бывают и более жёсткие штормы – ураганы.

Истории известен Великий шторм 1703 года — крупнейший в истории Англии шторм ураганной силы, пронёсшийся 7-8 декабря (по новому стилю) 1703 года.

Десятки тысяч деревьев были вырваны с корнем, тысячи зданий лежали в руинах или у них целиком были сорваны крыши. Улицы были заполнены раскрошившейся упавшей каменной кладкой и сброшенной с крыш черепицей. Церковные шпили и колокольни были сброшены, более чем 400 ветряных мельниц было разрушено.

Прямо на пути шторма, возникшего на западе Англии, оказался недавно построенный Эддистонский маяк. Его создатель и строитель Генри Уинстэнли проживал на маяке.

За несколько недель до урагана он заявлял, что хотел бы увидеть, как его маяк выдержит шторм катастрофической силы. Маяк был уничтожен, с ним погибли шесть человек, включая самого архитектора. Скорость ураганного ветра в Великий шторм, как считают, превышала 120 миль в час.

Англия в то время вела войну за испанское наследство, и три её флота были собраны в помощь королю Испании против французов. Эти корабли стояли на якоре наряду с торговыми судами. В водовороте, вызванном действием ветра ураганной силы, наводнением и бурлящими водами, корабли флота были рассеяны и разбиты. При свете дня обнаружилась масса пострадавших кораблей. В роковую ночь там было более 100 торговых судов и множество военных кораблей, стоявших на якоре. К рассвету многие были разбиты на части, и 1500 моряков утонуло или погибло во время шторма.

Примечательным является и тот факт, что в Лондоне во время Великого шторма сама королева Анна пряталась в убежище в подвале под дворцом Сент-Джеймс, после того как дымоходы и часть крыши дворца разрушилась.

Число жертв Великого шторма определяется числом от 8 000 до 15 000 человек, погибших по всему побережью Южной Англии, в Северном и Балтийском морях, главным образом, вследствие более чем сотни кораблекрушений.

Некоторые корабли Великий шторм донёс от Южной Англии до самого Гётеборга (Швеция), включая флагманский корабль адмирала сэра Клаудсли Шовелла. Адмиральский корабль спасся от крушения, лишь срубив мачты.

Глава 29.

«Военный форт англичан ещё дальше, на Большой реке» – первое поселение европейцев на территории индейцев мискито появилось в 1630-ом году, когда агенты англичан основали компанию «Провиденс», президентом которой был граф Уорик, а секретарём — Джон Пим, заняли два небольших острова и установили дружеские отношения с местными жителями.

Глава 35.

«...по законам Нового света он должен был стать его рабом или кабальным слугой» – по тем же «законам», спустя три года, Даниель Рут мог отпустить индейца на волю.

Часть третья

Глава 4.

«Рут велел Томасу проводить испанца в крюйт-камеру» – крюйт-камера – пороховой погреб корабля, поэтому легче было найти повод, чтобы не пустить туда стражу с обыском.

Глава 9.

«Что бросилось в глаза Руту, так это огромный и яркий попугай, сидевший в клетке из прутьев» – по всей видимости это был красный ара. Длина тела этих попугаев достигает 90 см. Цвета перьевой окраски: синий, красный, жёлтый, белый, чёрный, коричневый. Индейцы на них традиционно охотились и разводили из-за красоты перьев и вкусного мяса. Гнездо этих птиц считалось богатством и передавалось по наследству от отца к сыну. В Европу красные ара попали впервые в середине 16-го века. Легко поддаются дрессировке, могут научиться говорить до ста и более слов. Относятся к редким видам попугаев, содержащихся в домашних условиях.

Глава 13.

«К вечеру они вышли к реке, где увидели туземцев, охотящихся на крупную рыбу, стреляя из луков» – у индейцев Америки было много способов рыбной ловли: рыбу не только стреляли из луков или насаживали на тонкое копьё, могли ловить и на удочку с помощью наживки и костяного крючка, бросали в воду смесь из ядовитых трав, проглотив которую рыба всплывала. Для масштабного лова сооружали специальные мели, плотины и запруды, в них за-

гоняли крупные косяки. В больших племенах использовали огромный невод (брედень), сплетённый из ивовых прутьев или других растений. Таскать подобную снасть могли лишь десятки, а иногда и сотни человек.

Глава 15.

«Продавать селёдку, которая ходит в океане» – французская поговорка, то же самое, что делить шкуру неубитого медведя.

«Праздновать победу съедением одного из врагов» – у некоторых племён действительно существовал военный каннибализм, мотив которого носил мистический церемониальный характер. Воины племени тупинамба, населявшего побережье Бразилии в 16-ом веке, убитых съедали на месте, а пленные могли долго жить в ожидании ритуального поедания. У меланезийского племени баруйя инициация завершалась принесением в жертву врага, печень которого съедали посвящаемые. У некоторых горных племён Юго-Восточной Азии существовал такой же обычай – поедание частей тела убитого врага должно было дать нужные качества: печень являетсяместилищем мужества, кожа со лба – стойкости, уши – ума и т.д.

Глава 16.

«Украшать венками голову святой Екатерине» – по обычаю незамужние девушки во время церковных праздников наряжали статую святой Екатерины, надевая на неё головной убор. В Париже они торжественно шли по улице к статуе, после чего одна из девушек по приставной лестнице поднималась и водружала на голову статуи венок. Выражение «покрывать голову святой Екатерине» получило смысл «засидеться в девках», получив уточнение: «первую шпильку в шляпку» вставляли в 25 лет, вторую – в 30, а в 35 убор был завершён.

Глава 24.

«Беспорядки и перевороты в Англии» – более чем

вероятно, Контрерас имел в виду английскую буржуазную революцию и гражданскую войну. Все эти «беспорядки и перевороты» происходили в 1639-1660 годах, суть процессы перехода Англии от монархии к республике, закончились смертью лорда-протектора Оливера Кромвеля и реставрацией монархии.

Глава 26.

«Перезаряжали мушкеты солдаты в два раза быстрее его матросов» – опытный солдат заряжал мушкету в среднем за 1,5 – 2 минуты. Заряжалось оружие через дуло. Сначала в ствол засыпался порох. Потом с помощью шомпола проталкивали пулю. Затем заряд прижимали к постоянно тлеющему фитилю. Мушкет был более мощным оружием, чем аркебуза и пробивал латный доспех на расстоянии до ста метров. Пуля сохраняла убойную силу до двухсот метров.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
Часть первая	
Капитан Клещ или Золотое солнце	5
Часть вторая	
Даниель Рут или Ветер удачи	109
Часть третья	
Остров рифов или Два капитана	217
Эпилог	293
<i>Словарь и примечания</i>	299

Сергей Кокорин

ВЕТЕР УДАЧИ

Приключенческий роман

Корректор: Лариса Антонова

Дизайн обложки: Александр Голубкин

Компьютерная вёрстка: Константин Потаскуев

Рисунки художника В.П. Высоцкого (1911-1983 гг.)
взяты из интернета

Отпечатано в ООО «Типография Дамми»

г. Курган, пр. Машиностроителей, 13А

тел.: 8 (3522) 255-540, 8 (3522) 255-545

e-mail: sales@dammy.ru

Заказ № ??????. Тираж ????